

В.В. Дементьева

МАГИСТРАТУРА ДИКТАТОРА

В РАННЕЙ
РИМСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
(V - III вв. до н.э.)

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Ярославский государственный университет
им. П.Г.Демидова

В. В. Дементьева

МАГИСТРАТУРА ДИКТАТОРА
В РАННЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(V — III вв. до н.э.)

Ярославль 1996

ББК ТЗ(0)323.3

Д30

Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V - III вв. до н.э.) / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1996. 128 с.

Монография представляет собой научное исследование по проблеме римской раннереспубликанской диктатуры. Содержание посвящено всестороннему анализу правовых норм и политической практики функционирования чрезвычайной магистратуры. Он проведен на основе данных античной традиции и эпиграфических источников с привлечением как принципиальных, так и частных результатов исследований зарубежной историографии. Предлагаемая монография призвана восполнить пробел в изучении главного звена римской системы экстраординарной власти, поскольку публикации на русском языке по данной теме единичны и фрагментарны.

Предназначено для специалистов-антиковедов, студентов-историков и всех, интересующихся политико-правовыми аспектами изучения Римской республики.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект: 9601-16177

Р е ц е н з е н т ы кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; доктор исторических наук, профессор И.Л. Маяк.

ISBN 5-230-20418-4

- © Ярославский
государственный
университет
им.П.Г.Демидова, 1996
- © Дементьева В.В., 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Античный мир явил собой уникальную цивилизацию, достижения которой во многом повлияли на всемирную историю. Это влияние сказалось во всех органично связанных сферах жизни человеческого общества — культурно-идеологической, экономической, но особенно, вероятно, в политико-правовой.

Многогранное античное наследие вызывает у историков неизменный интерес, и каждое новое поколение исследователей находит свой взгляд и свой ракурс, свои параллели и аналогии и, соответственно, свое понимание древности. Известное высказывание Люсьена Февра о том, что у каждого поколения свой Рим и свои Афины, — не только характеризует методологические посылки школы анналов, но и реально отражает причины неослабевающего пристального внимания к античности. В настоящее время в отечественной историографии избавление от догм истмата с его жесткими формационными схемами обязательно приведет к переосмыслению многих трактовок античной истории. Вероятно, все большее признание при анализе социумов древности будут находить рациональные моменты цивилизационного подхода. Неизбежно усилится интерес и к таким темам в области антиковедения, которые в отечественной историографии оказались по разным причинам обойдены исследовательским вниманием. К их числу относится, безусловно, и проблема политической организации ранней Римской республики.

На наш взгляд, власть (ее характер, организация и способы осуществления) служит одним из структурообразующих элементов цивилизации. Спецификой полисной античности в этом отношении явились республиканско-демократические тенденции. Вме-

сте с тем, развитие таких тенденций в греческом и римском мире имело различные варианты. В частности, римская гражданская община при своем становлении более выраженно и целенаправленно использовала традиции единоличной авторитарной власти, в первую очередь в системе ее чрезвычайных органов. В данной работе анализируется главное звено римских экстраординарных структур — магистратура диктатора.

Я глубоко благодарна господину профессору Йохену Бляйкену (университет г. Геттингена), крупнейшему специалисту в области римского государственного устройства, за подробный анализ отдельных разделов этой монографии, квалифицированные замечания и рекомендации. Мою искреннюю признательность я адресую господину профессору Михаэлю Веррле (г. Мюнхен), директору Комиссии по древней истории и эпиграфике Немецкого археологического института, любезно предоставившему мне самые благоприятные условия для работы в библиотеке Комиссии, а впоследствии помогавшему обеспечением литературой, советами и поддержкой в письмах. Я выражаю сердечную благодарность Наталье Николаевне Трухиной, доценту кафедры истории древнего мира Московского государственного университета. Именно в результате наших совместных усилий были найдены формулировки ряда выводов этой работы, а в основу главы IV положены статьи, написанные нами в соавторстве. Я обращаюсь также со словами глубокой признательности к ведущему отечественному специалисту по социально-политической истории Рима, профессору МГУ Ие Леонидовне Маяк, взявшей на себя труд детального рецензирования этой книги.

Подготовка и издание монографии оказались возможными благодаря финансовой поддержке Немецкой службы академического обмена (DAAD) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), выделивших средства на конкурсной основе для данного исследования.

В.В.Дементьева

ВВЕДЕНИЕ

Рим республиканского времени представлял собой суверенную гражданскую общину — *civitas*, являвшуюся разновидностью полисной организации. Полисный тип сообщества преобладал в Средиземноморье в первом тысячелетии до н.э.¹ Основными функциями полисного государства были, на наш взгляд, поддержание стабильности общины, ее защита, воспроизведение условий ее нормального существования, т.е. регулирующая и организаторская функции. Стремление к стабильному существованию гражданской общины на практике приводило к появлению в античном мире отличающихся друг от друга политических механизмов и своеобразных структур, часть из которых была унаследована другими обществами. К их числу относится диктатура как особая форма государственной власти, закрепившаяся в истории специфической моделью политической организации.

Римская диктатура знала два принципиально различных варианта: раннереспубликанскую магистратуру, когда авторитарная власть была строго регламентирована конституционными основами как чрезвычайная мера, и диктаторские режимы поздней республики, стоявшие над конституцией и попиравшие ее. Объектом изучения данной работы является экстраординарная должность диктатора V-III вв. до н.э.

Res publica означало *res populi* и понималось как совместные интересы всех граждан, их правовая общность. «Воля к совместной жизни в античности, — отмечал Клод Николе, — являлась,

¹ *Raaflaub K.A.* The Conflict of the Orders in Archaic Rome. A Comprehensive and Comprative Approach // *Social Struggles in Archaic Rome* (Edited by Kurt Raaflaub). Berkely — Los Angeles, 1986. P.26.

прежде всего, волей к лучшей жизни в спокойном равновесии»². «Равновесие» римского политического устройства предусматривало разделение «государственной ноши» между комициями, сенатом и магистратурами. Распределение этой «ноши» для полисного государства было фундаментальной проблемой, ибо, «если она плохо распределена, узлы в конце концов будут разорваны»³. Прочность уз римского гражданского коллектива в течение нескольких столетий свидетельствует, что политические институты эффективно поддерживали его существование, сохраняя при этом сравнительно архаические формы.

Римская *civitas* не имела письменной конституции; неписанный *mos maiorum* (обычай предков) регулировал политико-правовые отношения; «компетенция различных инстанций, их функции и взаимоотношения друг с другом никогда законодательно письменно не формулировались»⁴. Тем не менее, основополагающие устои римского государственного порядка мы можем называть «римской конституцией», как это обосновал Йохен Бляйкен⁵ (отметивший, что система конституционного права и собственно государственная правовая конституция известны в истории только со времен Французской революции).

Правящей элитой Римской республики в V-IV вв. до н.э. был патрициат. После завершения сословной борьбы и эмансипации плебеев у руководства общиной оказалась плебейско-патрицианская верхушка, насчитывающая около 50 семей, — нобилитет⁶. Поэтому характер Римской республики исследователи, в основном, оценивают как аристократический, нобилитарный⁷.

² Nicolet C. Der Bürger und der Politiker // Der Mensch der römischen Antike. Frankfurt – New-York – Paris, 1991. S.33-34.

³ Ibid. S.36.

⁴ Meyer Er. Das politische Denken in Rom // Museum Helveticum. Basel, 1988. Vol.45. S.236.

⁵ Bleicken J. Staat und Recht in der Römischen Republik. Wiesbaden, 1978. S.145.

⁶ Bleicken J. Die Nobilität der römischen Republik // Gymnasium. Heidelberg, 1981. B.88. S.236-253.

⁷ Millar F. The Political Character of the classical Roman Republic, 200-151 B.C. // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. XLXXIV. P. 1-19.

Центральными в изучении государственной практики Римской республики являются вопросы правового механизма функционирования, реальных полномочий народных собраний, сената и магистратур, взаимоотношения данных политических структур. Ответы на вопрос о приоритете того или иного органа власти в исследовательской литературе давались различные. Многие авторы (Эрнст Мейер, Франческо Де Мартино, Герхард Везенберг и др.) считали римские магистратуры «исполнительным органом сената», полагая, что магистратская власть правовым образом зависела от его решений⁸. По мнению Эберхарда Брука, политическая власть сената превосходила власть народных собраний и должностных лиц не правовым образом, а фактически⁹. Однако еще в XIX в. такие авторитеты, как Б. Нибур, Й. Рубино, Т.Моммзен подчеркивали самостоятельность магистратуры; народные же собрания, по мысли этих авторов, были, в противоположность должностной власти, пассивны¹⁰. Современный исследователь Урсула Хакль считает, что в раннюю фазу Римской республики задавали тон в государстве магистраты (их самостоятельность была значительной), а не сенат; лишь со времени Пунических войн сенат начинает руководить Римом как суверен¹¹. Из этой сложной общей проблемы в данной работе мы рассмотрим частный, но принципиальный случай — взаимоотношения чрезвычайного магистрата (диктатора) с комициями и сенатом.

Римские должностные лица делились на магистратов *cum imperio* и *sine imperio*. Как отмечал Мозес Финли, понятие *imperium*

⁸См.: Graeber A. Auctoritas Senatus und obermagistratische Gewalt // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1989. B.15. S.139-158.

⁹Bruck E.F. Über römisches Recht im Rahmen der Kulturgeschichte. Berlin Göttingen Heidelberg, 1954. S.6.

¹⁰См.: Giovannini A. Magistratur und Volk. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S.406-436.

¹¹Hackl U. Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2.Jahrhunderts v.Chr. bis zur Diktatur Sullas. Kallmünz, 1982. S.2; Hackl U. Krieg und Politik im republikanischen Rom // Klassisches Altertum, Spätantike und frühes Christentum. Würzburg, 1993. S.102.

не имело соответствия в греческой полисной организации; эта категория не знала греческого перевода¹². Обладатели империя осуществляли верховную гражданскую и военную власть в Римской республике. Деятельность магистратов регламентировалась, магистрат присягал, что он не будет нарушать закон¹³.

Стройная система римских магистратур включала в себя как обычные (ординарные), так и чрезвычайные (экстраординарные). Самой весомой из последних, без сомнения, была диктатура. Центральными при ее изучении являются проблемы происхождения, целевого назначения, механизма функционирования, а также роли в общественной жизни. Именно эти исследовательские вопросы составили основное содержание данной монографии.

Научный интерес к магистратуре диктатора обозначился еще в XIX в., когда создавались обобщающие труды по римской истории. Он был связан с проблемой сути римской конституции, впервые поставленной в начале прошлого века в великолепном немецком антиковедении. Назовем наиболее крупных исследователей, обращавшихся к характеристике римской диктатуры, отмечая проблемы, вызвавшие их наиболее пристальное внимание; содержание же их принципиальных выводов изложим в соответствующих разделах основной части нашей работы.

Первым автором нового времени, в труде которого научно освещалась раннереспубликанская диктатура (преимущественно с точки зрения ее происхождения), был Бартольд Нибур¹⁴. Расширили проблематику изучения данного вопроса Й.Рубино, охарактеризовавший взаимоотношения диктатора с другими должностными лицами¹⁵, и Вильгельм Беккер, который анализировал причины, вызвавшие к жизни первые диктатуры, роль сената при объявлении диктатора, наличие у диктатора заместителя (начальника конницы)¹⁶. Значительное внимание уделил римской диктатуре

¹² *Finley M.* Das politische Leben in der Antiken Welt. München, 1986. S.113.

¹³ *Grziewotz H.* Das Verfassungsverständnis der römischen Republik. Frankfurt am Main – Berlin – New York, 1985. S.46.

¹⁴ *Niebuhr B.* Römische Geschichte. B.1. Berlin, 1833.

¹⁵ *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839.

¹⁶ *Becker W.A.* Handbuch der Römischen Alterthümer. B.2. Leipzig, 1846.

Людвиг Ланге, рассмотрев правовые истоки диктатуры, сопоставив диктатуру с консулатом и сделав попытки определить ее целевое назначение¹⁷ Порядок провозглашения диктатора и условия, в которых его назначали, были отмечены Вильгельмом Ине¹⁸.

Кроме обобщающих работ по римской истории немецкая историография XIX в. создала серию фундаментальных трудов по истории римского права и конституции, в которых должное место заняла тематика чрезвычайной власти. Этот ряд открыли работы Г.Ф.Пухты, который из интересующих нас вопросов остановился на функциях диктатора и сроке его полномочий¹⁹ Выдающийся вклад в разработку проблемы внес Теодор Моммзен, написавший в своем «Римском государственном праве» подробный раздел о диктатуре²⁰, во многом предопределив как последующую проблематику ее изучения, так и трактовки основных черт римской экстраординарной власти, а также заложив потенциальный заряд будущих научных дискуссий.

Широта подхода и глубина проникновения в предмет изучения были характерны также для Эрнста Херцога, Отто Карлова и Адольфа Ниссена²¹ Э. Херцог задавался, главным образом, вопросами происхождения, времени появления, терминологических обозначений диктатора; О.Карлова рассмотрел содержание реальной власти диктатора, соотношение ее с консульской, положение при диктаторе начальника конницы; А.Ниссен сосредоточил внимание, в первую очередь, на проблеме диктаторского империя и законе о его передаче. Попытку показать эволюцию диктатуры предпринял Иоганн Мадвиг, сделавший упор на военном характере ее целевого назначения²².

¹⁷ *Lange L.* Römische Alterthümer. B. 1. Berlin, 1876.

¹⁸ *Ine W.* Römische Geschichte. B.2. Leipzig, 1870; B.4. Leipzig, 1876.

¹⁹ *Пухта Г.Ф.* История римского права. Ч.1. М., 1863.

²⁰ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. B. 1. Leipzig, 1871; B. 2. Leipzig, 1874; *Mommsen Th.* Abriss der römischen Staatsrecht. Leipzig, 1893.

²¹ *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. B.1. Leipzig, 1884; *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. B.1. Leipzig, 1885; *Nissen A.* Beiträge zum römischen Staatsrecht. Strassburg, 1885.

²² *Madvig J.N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. B.1. Leipzig, 1881.

Работы в области римского государственного права, в которых была дана общая характеристика чрезвычайной должности диктатора, появились в XIX в. также в русской и французской историографии²³

Во второй половине XIX в. издаются и первые небольшие специальные работы по истории диктатуры. Французский исследователь Альбер Дюпон провел различия между полновластными диктаторами и диктаторами с ограниченной компетенцией и первым попытался составить хронологические таблицы диктаторских правлений²⁴. Немецкий автор Пардон стремился вписать диктатуру в сословную борьбу, видя в ней антиплебейский политический институт²⁵

Первая треть XX в. обогатила изучение римской диктатуры емким энциклопедическим очерком В.Либенама²⁶, гиперкритическими изысканиями И.В.Нетушила об историчности первых диктаторов (до 70-х гг. XX в. его статья была единственной специальной работой по проблеме диктатуры на русском языке)²⁷, диссертацией Фритца Банделя, содержащей последовательность диктатур и перечисление событий, к ним относящихся²⁸. Как отмечал К.Белох, в труде Ф.Банделя материал был собран, но методически не обработан²⁹

Специальными статьями, посвященными конкретно диктатуре, были также работы Вильгельма Золтау о возникновении магистратуры³⁰, Клинтон Уолкера о конституционном поло-

²³ Крылов Н.И. История римского права. М., 1868/69; Ефимов В.В. Лекции по истории римского права. СПб., 1898; Виллемс П. Римские государственные и правовые древности. Киев, 1890.

²⁴ Dupond A. De Dictatura et de magisterio equitum. Parisius, 1875.

²⁵ Pardou. Die Römische Dictatur. Berlin, 1885.

²⁶ Liebenam W. Dictator // Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie. B.5. Stuttgart, 1905. S.370-390.

²⁷ Нетушил И.В. Первый римский диктатор // Журнал министерства народного просвещения. 1906. Ч. VI (ноябрь). С. 489-519; 1907. Ч. VII. №1. (январь-февраль). С. 20-41.

²⁸ Bandel F. Die Römischen Diktatoren. Breslau, 1910.

²⁹ Beloch K.J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926. S. 63.

³⁰ Soltan W. Der Ursprung der Diktatur // Hermes. 1914. B. 49. S. 352-368.

жении диктатора³¹, Т.Бирта о терминологических обозначениях должности³².

Кроме того, интерес к диктатуре проявили авторы, занимавшиеся государственными структурами итальянских городов, Артур Розенберг, Франц Лайфер, Ханс Рудольф, Перикле Дукати³³.

Общие работы по римской истории и римскому праву, опубликованные в первой трети XX в. также содержали краткие сведения о диктатуре, различно ее трактуя³⁴.

40–50-е гг. XX в. стимулировали, в силу политических реалий, изучение авторитарной власти в античности, в том числе и ранне-римской диктатуры. В центре внимания исследователей этой проблемы оказались вопросы возникновения диктатуры, ее исторических корней, генезиса, места и роли в эволюции римской государственности. Тематика практически всех статей, опубликованных по диктатуре в эти два десятилетия (а это были статьи Франца

³¹ Walker Cl. The constitutional position of the Roman Dictatorship // Studies in Philology The university of North Carolina. 1917. Vol.XIV. 4. P.298-305.

³² Birt Th. Was heißt βασιλευς, was heißt Dictator? // Reinisches Museum für Philologie. 1927. B.76. S. 198-204.

³³ Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. Untersuchungen über die ursprüngliche Verfassung der Latiner, Osker und Etrusker. Berlin, 1913; Rosenberg A. Zur Geschichte des Latinerbundes // Hermes. 1919. B.54. S.113-173; Leifer F. Studien zum antiken Ämterwesen (zur Vorgeschichte des Römischen Führeramts) // Klio- Beihefte. Leipzig, 1931. B. XXIII. S.100-121; Rudolph H. Stadt und Staat im römischen Italien (Untersuchungen über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen Zeit). 2.Verlag. Göttingen, 1965. (Первое издание: Leipzig, 1931); Ducati P. L'Italia antice Dalle prime civiltà alla morte di Casare (44 a.C.). Milano, 1936.

³⁴ Герье В.И. Лекции по римской истории М., 1904; Боголюбов Н. Учебник истории римского права. М., 1907; De Sanctis G. Storia dei Romani. «La Nuova Italia». Editrice Firenze, 1956. (Первое издание: Torino, Fratele Bocca, 1907); Abbot F.F. A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963. (Первое издание вышло в 1910 г.); Петушиц И.В. Обзор римской истории. Харьков, 1916; Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Пг., 1918; Хвостов В.М. История римского права. М., 1919; The Cambridge ancient history. Vol.VII. Cambridg, 1928; Vogt J. Römische Geschichte. 4.Auf. Basel – Freiburg – Wien, 1959. (Первое издание вышло в 1931 г.).

Альтхайма³⁵, Ульриха Вилькена³⁶, Рудольфа Штарка³⁷, Эдуарда Гинтовта³⁸, Т.А.Дорея³⁹, Д.Коэна⁴⁰), вращалась, за исключением публикации Т.А. Дорея, вокруг названных вопросов.

По-прежнему уделяли внимание раннереспубликанской диктатуре авторы крупных работ по истории римской государственности, конституции и права⁴¹.

В систематизированном виде имена диктаторов по годам были приведены в прекрасном двухтомном справочнике о римских магистратах Т.П. Броутона⁴². Касались диктаторских полномочий также авторы статей об *imperiū* высших должностных лиц римской республики (Альфред Хойс, Карл Хайнц Фогель, Виктор Эренберг)⁴³.

60-е — начало 90-х гг. XX в. заметно увеличили объем научной продукции по римской истории в зарубежной историо-

³⁵ *Altheim F.* Forschungsbericht zur römischen Geschichte. 1. Die Lateinische Diktatur // *Die Welt als Geschichte*. Stuttgart, 1940. S.227-236.

³⁶ *Wilcken U.* Zur Entwicklung der römischen Diktatur. Berlin. 1940.

³⁷ *Stark R.* Ursprung und Wesen der altrömischen Diktatur // *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie*. 1940. Heft 2. S.206-214.

³⁸ *Gintowt E.* «Dictator Romanus» // *Revue Internationale de Droit de l'Antiquité*. Bruxelles, 1949. Vol.1. P.385-394.

³⁹ *Dorey T.A.* The dictatorship of Minucius // *The Journal of Roman Studies*. 1955. Vol. XLV. P. 92-96.

⁴⁰ *Cohen D.* The origin of Roman dictatorship // *Mnemozyne*. 1957. Vol.X. P. 308-325.

⁴¹ *Arangio-Ruiz V.* Storia del diritto romano. Napoli, 1940; *Cornelius F.* Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940; *Hannel K.* Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946; *Cornelius F.* Römische Geschichte. Stuttgart und Köln, 1950; *Scullard H.H.* Roman politics. 220-150 B.C. Oxford, 1951; *Dulceit G.* Römische Rechtsgeschichte. München und Berlin, 1952; *Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952; *Fritz K.* The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. New-York, 1954; *De Martino F.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958.

⁴² *Broughton T.R.S. / Patterson M.L.* The magistrats of the Roman republic. Vol.1-2. 1951-1952.

⁴³ *Heuß A.* Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R.A.* Weimar, 1944. B.64. S.57-133; *Vogel K.H.* Imperium und Fasces // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung*. ... 1950. B.67. S.62-111; *Ehrenberg V.* Imperium Maius in The Roman Republic // *American Journal of Philology*. 1953. Vol.LXXIV. 2. P.113-136.

графии. Однако исследований собственно о римской диктатуре в этом потоке оказалось не слишком много. Все же по сравнению с предыдущим периодом работы этого времени имеют, как правило, более основательный характер и рассматривают более разнообразный круг вопросов, относящихся к данной магистратуре. К числу таких трудов принадлежат обширная статья Ульриха фон Любтова (которую мы считаем одним из самых лучших исследований по теме, хотя не со всеми выводами автора можем согласиться)⁴⁴, главы из монографии Йоахима Яна, в которых тщательным образом сведены данные о диктатуре для проведения выборов⁴⁵, статья А.Друммонда с аргументированным обоснованием нереальности годичных диктатур⁴⁶. К числу принципиально важных для осмысления римской диктатуры работ мы относим рукопись Н.Н.Трухиной⁴⁷, к сожалению своевременно не опубликованную даже частично, главные выводы которой об изначальном военно-гражданском характере магистратуры диктатора представляются нам доказательными.

Единственной специальной публикацией на русском языке после работы И.В.Нетушила стала статья В.Н.Токмакова⁴⁸, с отдельными тезисами которой мы не согласны (их мы рассмотрим в основной части), но выход которой приветствуем как проявление внимания современных отечественных авторов к проблеме.

В зарубежной историографии в 90-е гг. появилась статья Масимо Гуссо, рассматривающая диктатуру Фабия Максима 217 г. и содержащая интересные выводы по исследованию формулировки

⁴⁴ von Lübtow U. Die römische Diktatur // Der Staatsnotstand. Berlin, 1965. S.91-137.

⁴⁵ Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1970.

⁴⁶ Drummond A. The Dictator years // Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden, 1978. B. XXVII. S.550-572.

⁴⁷ Трухина Н.Н. Сущность и значение римской диктатуры. М. 1970. Рукопись. (Библиотека кафедры истории древнего мира МГУ).

⁴⁸ Токмаков В.Н. Цель и значение диктатуры в раннеримской республике (V-IV вв.) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С.108-115.

консульских фаст целевого назначения этого диктатора⁴⁹ Специальные работы по диктатуре на этом исчерпываются.

Из работ более общей проблематики, касающихся темы настоящего исследования, для периода 60-90-х гг. XX в. отметим новые труды по римскому праву⁵⁰, ранней истории Римского государства⁵¹, его социальной структуры и отдельных политических институтов⁵². К числу последних относятся монографии Рольфа Рилингера и Карла-Йоахима Хелькескампа⁵³, весьма содержательные в плане интересующей нас темы. Наибольший вклад в осмысление принципов функционирования магистратуры диктатора из авторов, рассматривавших диктатуру в контексте других

⁴⁹ *Gusso M.* Appunti sulla notazione dei Fasti Capitolini interregni caus(sa) (pro)dittatura di Fabio Massimo nel 217 p.C. // *Historia*. Stuttgart, 1990. B. XXXIX. S. 291-333.

⁵⁰ *Siber H.* Römisches Recht in Grundzügen für die Vorlesung. B.1-2. Darmstadt, 1968; *Kaser M.* Römische Rechtsgeschichte. 2. Auf. Göttingen, 1978; *Wieacker F.* Römische Rechtsgeschichte. München, 1988; *Kunkel W.* Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974.

⁵¹ *Meyer Er.* Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich und Stuttgart, 1961; *Werner R.* Der Beginn der römischen Republik. München – Wien, 1963; *Werner R.* Die Auseinandersetzung der frühromischen Republik mit ihren Nachbarn in quellenkritischer Sicht // *Gymnasium*. Heidelberg, 1969. B. 75. S. 505-519; *Gjerstad E.* The origins of the Roman Republic // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 1-30.

⁵² *Lippold A.* Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulats von 264 bis 201 v. Chr. Bonn, 1963; *Alföldi A.* Zur Struktur des Römerstaates im V. Jahrhundert v. Chr. // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 223-278; *Magdelain A.* Praetor Maximus et Comitatus Maximus // *Rivista internazionale di diritto romano e antico*. Napoli, 1969. B. XX. P. 257-286; *Tammler U.* Der Römische Senat in der Zeit des Zweiten Punischen Krieges (218-202). Bonn, 1971; *De Martino F.* Intorno all' origine della repubblica romana e della magistrature // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin – New York, 1972. P. 217-249.

⁵³ *Rilinger R.* Der Einfluß des Wahlleiters bei dem römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr. München, 1976. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte. B. 24.); *Rilinger R.* Die Ausbildung von Amtswechsel und Amtsfristen als Problem zwischen Machtbesitz und Machtgebrauch in der Mittleren Republik (342 bis 217 v. Chr.) // *Chiron*. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München, 1978. B. 8. S. 277-312; *Hölkeskamp K.J.* Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart, 1987; *Hölkeskamp K.J.* Senat und Volkstribunat im frühen 3. Jh. v. Chr. // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S. 437-457.

проблем римской истории, внесли Альфред Хойс⁵⁴, Адальберто Джованнини⁵⁵ и Йохен Бляйкен⁵⁶. В чем этот вклад состоит, мы отметим в тексте основных глав.

В целом, краткий историографический обзор показывает, что интерес к магистратуре диктатора в мировой науке об античности является традиционным, однако в основном эту проблему затрагивают авторы монографий по правовым проблемам или политической истории Рима, а также статей, посвященных отдельным структурам римской государственной власти. Количество исследований, в которых объектом изучения является непосредственно раннереспубликанская диктатура, насчитывается около полудесяти, и среди них нет крупных монографических работ, что для двухвекового научного изучения магистратуры историками многих национальных школ антиковедения, в сущности, мало. Как правило, основные проблемы изучения диктатуры у разных авторов трактуются противоположным образом, следовательно, сохраняется дискуссионный характер их обсуждения. Наибольший вклад в изучение магистратуры диктатора внесли немецкие антиковеды; в отечественной историографии публикации по проблеме единичны и фрагментарны. В данной монографии мы предпринимаем попытку дать систематичное и целостное ее изложение, проводя историографические экскурсы и опираясь, в первую очередь, на имеющиеся исторические источники.

⁵⁴ *Heuß A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1977; *Heuß A.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt. Göttingen, 1983. (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1. Philologisch Historische Klasse, 1983. S.376-454.)

⁵⁵ *Giovannini A.* Consulare imperium. Basel, 1983. (Schweizerische Beiträge zur Altertumwissenschaft. Heft 16); *Giovannini A.* Les origines des magistratures romanes // *Museum Helveticum*. Basel, 1984. Vol.41. Fasc.1. P.15-30; *Giovannini A.* Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S.406-436.

⁵⁶ *Bleicken J.* Die Verfassung der römischen Republik. 6.Auf. Paderborn München – Wien – Zürich, 1993; *Bleicken J.* Staatliche Ordnung und Freiheit in der Römischen Republik. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1972; *Bleicken J.* Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium – potestas – imperium. Göttingen, 1981; *Bleicken J.* Geschichte der Römischen Republik. 4.Auf. R. Oldenbourg Verlag. München, 1992.

Особенностью источниковой базы изучения раннереспубликанской диктатуры (как и многих других проблем римской истории V-III вв. до н.э.) является то, что она практически целиком состоит из нарративных источников. Документальный материал, по существу, отсутствует, что усложняет работу исследователей. Даже данные эпитафии по содержанию относятся, в сущности, к нарративным.

Эпитафические памятники, сообщающие нам сведения о диктаторах и начальниках конницы при них, представлены, в первую очередь, капитолийскими фастами⁵⁷. Они являются перечнем высших магистратов Рима от царского периода до эпохи Августа, составленным около 30 г. н.э. Конкретное имя создателя фаст остается для историков проблематичным; ясно только, что они возникли как результат обработки летописи понтификов и сведений младших анналистов. Фасты позволяют относительно надежно реконструировать если не саму историческую последовательность консулов и диктаторов, то хотя бы официально принятое римлянами представление об этой последовательности. Имеющиеся в распоряжении историков фрагменты фаст содержат пропуски от 292 до 285 г. и от 222 до 218 г. до н.э., на которые, судя по другим источникам, приходится не менее четырех диктатур, не поддающихся точной датировке. Есть разночтения в хронологии диктатур между капитолийскими фастами и Титом Ливием.

Прочие эпитафические материалы с упоминанием диктатур являются, в основном, элогиями, т.е. краткими перечнями заслуг умерших предков, далеко отстоящими от времени жизни упоминаемых в них лиц. Сохранились (полностью или частично) элогии следующих диктаторов: Постумия, Валерия, Камилла, Фабия Максима, Аппия Клавдия Цека, Папирия Курсора⁵⁸, а также подпись под статуей диктатора Эмилия Барбулы⁵⁹. Лишь одна надпись может достоверно считаться современной запечатленному событию — посвящение Геркулесу от имени диктатора М.Минуция, найден-

⁵⁷ *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL). Vol.1². Berolini, 1823. P.16-29.

⁵⁸ *Dessau H.* *Inscriptiones Latinae selectae*. Vol.1. Berolini, 1892. 2. Ed. 1954. №50,52,53,54,56; *Degrassi A.* *Inscriptiones Italiae*. Vol.XIII. Roma, 1937. №10,14; CIL. Vol.1². Elogia. X, XIII.

⁵⁹ *Degrassi A.* *Op. cit.* №69.

ное в 1862 г. в Риме около церкви Святого Лаврентия: «Hercolei (sacrom) M.Minuci(us) C.,f., dictator vovit»⁶⁰.

Незначительные по количеству и лаконичные по содержанию эпиграфические памятники отдают приоритет в источниковой базе изучения диктатуры античной историографии.

Бесспорно, что из всех античных писателей на первое место по источниковой значимости для изучения темы следует поставить Тита Ливия (55 г. до н.э. — 17 г. н.э.), поскольку именно его *Ab urbe condita* позволяет раскрыть многообразные нюансы положения диктатора. Несмотря на то, что современные историки высказывают сомнения в достоверности описания Ливием тех или иных событий, для характеристики, во-первых, политической практики реализации диктаторской власти и, во-вторых, для понимания правовой стороны функционирования магистратуры, труд Ливия является важнейшим источником. Однако как таковой юридический механизм осуществления диктаторских полномочий Ливий не описывает; его приходится реконструировать на основе косвенных данных рассказа о действиях того или иного диктатора. Немаловажным обстоятельством, определяющим ценность труда Тита Ливия как источника по истории диктатуры, следует считать также то, что он позволяет проследить эволюцию магистратуры, повествуя о ее развитии во времени; о деятельности ряда диктаторов мы знаем только из книг Ливия. Особенно значим рассказ Ливия о диктатурах конца III в. до н.э. — сравнения с имеющимися данными других источников дают основание говорить о глубине его познаний в области государственных структур раннереспубликанского Рима и серьезности его информации. Приходится только сожалеть о не сохранившихся книгах второй декады труда Ливия, ибо составленные в древности краткие обзоры ее (периохи) для нас уже не столь полнокровный источник, хотя содержащиеся в девятнадцатой периохе упоминания о диктатурах 249 г. весьма ценны.

Из римских авторов необходимо в обзоре источников по теме называть Цицерона, поскольку его трактаты «*De re publica*» и «*De legibus*» содержат существенные замечания о правовом положе-

⁶⁰ Dessau H. Op. cit. №11; Degraffi A. Op. cit. Vol.1. №118; Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность VIII-II вв. до н.э. М., 1991. №99.

нии диктатуры. Довольно тонкое и детальное знание Цицероном особенностей системы римских магистратур позволяет считать его труды достаточно надежным источником, однако его стремление нарисовать идеальное государственное устройство дает повод иногда допустить наличие расхождений в его описании с историческими реалиями ранней республики.

Правовые характеристики диктатуры отражены также в сочинениях римских юристов ранней империи, сохранившихся в «Дигестах» Юстиниана. И хотя сведений о диктатуре в этом памятнике немного (D.I.2.2.18; D.I.2.2.19; D.I.1.1.1.), следует с должным вниманием отнестись к ним при определении круга полномочий диктатора и начальника конницы, а также соотношения их статуса с должностными лицами предшествовавшей и последующих эпох.

Краткий фрагмент грамматика П в. н.э. Феста (Fest.p.198 M; Fest.p. 216 L.) дает основание для выделения форм диктатуры в зависимости от компетенции диктатора и заставляет задуматься над вопросом о том, существовали ли различия в правовом положении диктаторов, выполнявших разное целевое назначение.

Упоминания об отдельных диктатурах донесли до нас «Naturalis Historia» (7.139;16.37) Плиния Старшего (I в. н.э.), «Factorum et dictorum memorabilia» (I.1.5; П.7.8;П.9.4) Валерия Максима (первая половина I в.н.э.), «Noctes atticae» (4.87; 15.27.4) Авла Геллия (II в. н.э.), «Epitome» (I.18.12) Анния Флора (II в.н.э.).

Греческие авторы, писавшие о диктатуре, представлены рядом знаменитых имен: Дионисий Галикарнасский, Диодор, Плутарх, Полибий и Дион Кассий, — последовательность их перечисления соответствует источниковой значимости их произведений для изучения нашей темы. Дионисий — главный из греческих авторов, дающих нам сведения для характеристики диктатуры, и второй после Тита Ливия по объему сообщаемого материала. Его «*Ρωμαϊκῆς ἀρχαιολογίας*», написанная в 7 г. н.э., уступает Ливию по знанию автором государственно-правовых норм ранней Римской республики. Дионисий не был должным образом осведомлен о юридической базе функционирования диктатуры и, описывая ее, неоднократно ошибался. Заслугой же его является подробное описание социального фона деятельности диктаторов.

«*Ἱστορίων βιβλιοθήκη*» Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) содержит краткие сведения о семи диктатурах, продатированных иначе, чем у Ливия, но доверие к хронологии Диодора проблематично, так как он смешивал греческий и римский год. Описание же военных событий и римских побед под руководством диктаторов у него, вероятно, более правдоподобно, чем у Ливия, ибо первоисточники Диодора, не подвергшиеся обработке младших анналистов, были более точны и менее тенденциозны.

Другим дополнительным источником по истории диктатуры являются «*Βίοι παράλληλοι*» Плутарха (46-126 гг. н.э.), особенно жизнеописания Камилла, Фабия Максима и Марцелла. Благодаря удивительной эрудиции автора из них мы узнаем подробности деятельности отдельных диктаторов. О соотношении диктаторской и трибунской власти Плутарх говорит и в своих «Римских вопросах». Однако в трактовке правовых норм римской диктатуры Плутарх, как и другие греческие авторы, неоднократно допускал неточности и ошибки.

К сожалению, очень мало информации по изучаемой теме дает такой знаток политического устройства античных государств, как Полибий (ок. 200-120 г. до н.э.) в своей «*Ἱστορίαι*». У него упомянуто только диктатура Фабия Максима 217 г. (Polyb. III.87-106), рассказ о которой не во всем совпадает с изложением Ливия (XXII.31,32). Юридическим аспектам функционирования магистратуры диктатора Полибий почти не уделит внимания.

Вспомогательными источниками для нас служат некоторые сведения «*Ρωμαϊκή ἱστορία*» Диона Кассия, слова императора Клавдия о диктатуре из его речи в сенате, упоминание о ней у Светония (Suet. Tib.3.1), а также отдельные фразы трудов более поздних авторов — богослова Аврелия Августина (August. De civit. Dei. 3.17) и византийского историка Иоанна Зонары (Zon. 7.13; 8.2).

В целом, имеющиеся исторические источники позволяют реконструировать государственно-правовой статус раннеримской магистратуры диктатора (что и является главной целью данной работы), но эта реконструкция сопряжена со многими трудностями и в ряде случаев неизбежно приводит к вариативности выводов. Мы исследуем, в первую очередь, именно юридический аспект функционирования должности диктатора, обращая основное внимание на

регулировавшийся обычаем и законом механизм, приводивший его к власти, обеспечивавший круг его полномочий, взаимоотношения с другими государственными органами и уход в отставку. Оставляя несколько в стороне социальный фон V-III вв. до н.э., мы, тем не менее, рассматриваем и исторические корни диктатуры, и политическую практику ее применения, в том числе обращаемся и к ее роли в сословной борьбе. В качестве же приоритетных задач исследования мы избрали анализ правовых основ существования магистратуры диктатора в ранней Римской республике.

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ ДИКТАТОРА

Чрезвычайная магистратура диктатора появляется, согласно античной традиции, в начале становления Римской республики, но не одновременно с ее введением: в 501 г. до н.э. по Титу Ливию, в 498 г. до н.э. по Дионисию, «почти через десять лет после первых консулов», по сообщению Цицерона⁶¹ Однако некоторые исследователи придерживались мнения, что уже с момента основания республики была предусмотрена возможность в случае опасности вводить чрезвычайное единоличное правление⁶² В соответствии с таким взглядом, институт диктатуры появился благодаря необычайной политической прозорливости и гениальности основателей республики. Нам представляется маловероятным, что одновременно с отменой пожизненной царской власти была предусмотрена такая же по объему, хотя и ограниченная во времени, власть. Логич-

⁶¹ *Liv.* II.18; *Dionys.* V 72; *Cic.* De rep. II.32,56. И.В.Нетушил, гиперкритически подходя к античной традиции, отрицал историчность первых трех диктаторов и относил появление диктатуры к 437 г. до н.э. (*Нетушил И.В.* Первый. 1906. Ч.VI. С.493-511; 1907. Ч.VII. №1. С.20.) Современные оценки античной традиции противоречат такой точке зрения.

⁶² *Walter F.* Geschichte des römischen Rechts bis auf Justinian. 3.Auf. Bonn, 1960. S.209; *Mommsen Th.* Römisches . . B.2. S.127; *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1877. С. 252-253; *Karlowa O.* Op. cit. B. 1. S. 211-212; *Rosenberg A.* Der Staat... S.78; *Vogt J.* Op. cit. S.41.

нее предположить, что к восстановлению *regium imperium* римляне вынуждены были прибегнуть в ходе кризисной ситуации, что, собственно, и сообщает нам традиция. Вероятно, что именно практика политической (внешней и внутренней) жизни республики заставила обратиться *in rebus trepidis* к концентрации власти в одних руках.

В историографии существует также гипотеза, относящая возникновение магистратуры диктатора еще к царскому периоду (см. с. 32); республиканская же эпоха в таком случае просто «унаследовала» эту должность. Однако, поскольку данная точка зрения не согласуется с античной традицией, то вопрос о способе введения диктатуры в республиканскую конституцию для большинства исследователей не снимается.

Проблема правовых основ введения диктатуры в римскую политическую систему сводится к существованию специального *lex de dictatore creando*. Источники сообщают о его наличии (*Liv.П.18; Dionys. V.70*), признают его и некоторые исследователи⁶³

Действительно, если, следуя за античными авторами, считать, что диктатура не была предусмотрена при конституировании республики⁶⁴, то вполне логично признать принятие закона о ее учреждении. Однако сколь-нибудь адекватное воспроизведение этого закона невозможно. Ливий упоминает только о норме пассивного выбора: *consulares legere* (*Liv.П.18.5*). Но это предписание нарушалось множество раз, причем особенно часто в раннее время: до 321 г. до н.э. неконсуляры назначались диктаторами около двадцати раз, далее же такие случаи были единичны. На основании такой картины *lex de dictatore creando* иногда объявлялся исследователями результатом обобщения поздней практики⁶⁵. Другие же авторы делали попытки объяснить нарушения зафиксированной Ливием нормы⁶⁶, третьи понимали ее как нестро-

⁶³ *Becker W.A.* Op. cit. B.2. S.154-155; *Schwegler D.U.* Römische Geschichte. B.3. Tübingen, 1858. S.124; *Lange L.* Op.cit. B.1. S.750-751; *Cohen D.* Op. cit. P.308.

⁶⁴ *Herzog E.* Op. cit. S.718.

⁶⁵ *Mommsen Th.* Römisches... S.129.

⁶⁶ *Lange L.* Op. cit. S.752; *Becker W.A.* Op. cit. S.155.

го обязательное предписание⁶⁷, а четвертые отрицали само ее существование⁶⁸

Включал ли закон об учреждении диктатуры еще какие-либо определения ее правового статуса? Л.Ланге отвечал на этот вопрос утвердительно, относя к *lex de dictatore creando* все юридические формальности, в рамках которых действовал диктатор⁶⁹. Но такое толкование является умозрительным построением, которое невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Таким образом, соглашаясь с тем, что *lex de dictatore creando* существовал как особый закон, которым была введена диктатура спустя несколько лет после установления республики, мы должны признать невозможность реконструкции его конкретного содержания.

Чем же было вызвано введение должности диктатора в политическую систему ранней республики, на какой основе она появилась, в чем состояли ее истоки и предпосылки — эти вопросы составляют суть дискуссионной проблемы происхождения римской диктатуры.

1.1 Концепции происхождения римской диктатуры

Проблемы происхождения римской экстраординарной магистратуры диктатора касались в той или иной степени многие антиковеды, изучавшие раннюю Римскую республику. При этом в их подходах можно выделить как бы три уровня: во-первых, поиск конкретных предпосылок создания чрезвычайной должности, во-вторых, определение ее первоначального статуса и, в-третьих, установление ее исторических корней, политико-правовой преемственности от других родственных властных структур.

Рассмотрим первый из названных историографический пласт. Естественно, что стремились выяснить конкретные мотивы

⁶⁷ *Becker W.A.* Op. cit. S.155.

⁶⁸ *Abbot F.F.* Op. cit. P.182.

⁶⁹ *Lange L.* Op. cit. S.750-752.

введения должности диктатора (первоначально она называлась *magister populi* — см. с. 39-44) в римскую конституцию, главным образом, те авторы, которые вслед за античной традицией датировали появление диктаторов несколькими годами позже основания республики. Те исследователи, которые полагали, что возможность чрезвычайного единоличного правления была предусмотрена с момента основания республики, не ставили задачу конкретизации предпосылок введения диктатуры, ибо решающим фактором для них становилась мудрость и проницательность первых творцов конституции.

Большинство авторов, определявших конкретные обстоятельства появления должности *magister populi*, традиционно подчеркивали потребности единоличного высшего командования в критической обстановке внешней военной угрозы. Так, Теодор Моммзен объяснял необходимость введения диктатуры тем, что во время войны равные права консулов должны были вызывать опасения⁷⁰ Ульрих Вилькен также называл причиной создания должности преодоление конкурентного командования двух консулов, которое могло парализовать действие армии⁷¹ Подобная трактовка имеется и у Вольфганга Кункеля⁷². Франц Лайфер утверждал, что диктатор был противопоставлен консулу как военный магистрат гражданскому, в чем, по его мнению, проявилась древняя и острая противоположность между *imperium domi* и *imperium militiae*⁷³ Считал диктатуру при ее зарождении выраженной военной должностью и Ханс Рудольф⁷⁴. Подчеркивали военный характер диктатуры (особенно в первый век ее существования) Иоганн Мадвиг⁷⁵, Вильгельм Золтау⁷⁶, Франц Виаккер⁷⁷, Франческо

⁷⁰ Моммзен Т. Указ. соч. С. 252.

⁷¹ Wilcken U. Op. cit. S.4.

⁷² Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. Köln, 1956. S.11.

⁷³ Leifer F. Op. cit. S.104.

⁷⁴ Rudolph H. Op. cit. S.25.

⁷⁵ Madvig J.N. Op. cit. S.484.

⁷⁶ Soltau W. Der Ursprung S.207

⁷⁷ Wieacker F. Privatrechtsgesetzgebung und politische Grundordnung im Römischen Freistaat // Die Antike. B.16. 1940. S.180.

Де Мартино⁷⁸, Генрих Зибер⁷⁹, И.В. Нетушил⁸⁰, А.В. Игнатенко⁸¹, Т.В. Кудрявцева⁸².

Нуждами чрезвычайного военного положения объясняли введение диктатуры Б. Низе⁸³, Г. Дулькайт⁸⁴, У. фон Любтов⁸⁵, Й. Бляйкен⁸⁶.

С.И.Ковалев связывал появление диктатуры в Риме с возникновением консулярного военного трибуната — при разделении власти между *tribuni militum consulari potestate* появились трудности в руководстве армией. Для их устранения необходимо было сосредоточить власть в одних руках⁸⁷.

В противоположность названному подходу Карл Вильгельм Нич связывал возникновение магистратуры диктатора с сословной борьбой, рассматривая ее появление как стадию политического противоборства, когда «в определенные моменты, для поддержания внутреннего мира, роды вверяли начальство над низшими сословиями одному магистрату»⁸⁸. К.В. Нич обращал внимание и на военный аспект введения диктатуры, но рассматривал его через призму сословной борьбы: оно пресекало отказы плебеев отбывать воинскую повинность.

Плодотворной, по нашему мнению, явилась точка зрения тех исследователей, которые предпочитали рассматривать основополагающей предпосылкой, вызвавшей к жизни диктатуру, — стремление римской общины преодолеть кризисную ситуацию (независимо от

⁷⁸ *De Martino F.* Storia... P.229.

⁷⁹ *Siber H.* Römisches Verfassungsrecht... S.105.

⁸⁰ *Нетушил И.В.* Первый... 1906. Ч.VI. С.64.

⁸¹ *Игнатенко А.В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Дис... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1981. С.193; Она же. Древний Рим: от военной демократии к диктатуре. Свердловск, 1988. С.67.

⁸² *Кудрявцева Т.В.* Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме. Дис... канд. ист. наук. Л., 1990. С.24.

⁸³ *Низе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. 3-е изд. Спб., 1910. С.56.

⁸⁴ *Dulkeit G.* Op. cit. S.24. *von Lübtow U.* Die Römische... S.111.

⁸⁵ *von Lübtow U.* Die Römische... S.111.

⁸⁶ *Bleicken J.* Geschichte... S.32.

⁸⁷ *Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С.90-91.

⁸⁸ *Нич К.В.* История Римской республики. Спб., 1904. С.60.

того, внешними или внутренними причинами она была порождена). Так, Эрнст Херцог отмечал, что не имеет значения, был ли военный мотив введения диктатуры или нет, так как империй диктатора мог, по природе своей, использоваться в случаях серьезной (как внешней, так и внутренней) опасности⁸⁹. Подчеркивали те и другие трудности как политический фон провозглашения диктаторов Фрэнк Эббот⁹⁰, Фридрих Корнелиус⁹¹ и Клинтон Уолкер⁹².

Именно такой подход, на наш взгляд, глубже отражает суть магистратуры диктатора, отрицая историографическое заблуждение о ее изначальном чисто военном характере. Принципиальное несогласие с противопоставлением «военной» и «гражданской» диктатур высказала в 1970 г. Н.Н. Трухина⁹³. Мы поддерживаем это мнение, рассматривая в качестве исходных целевых функций диктаторов как отражение внешней угрозы, так и преодоление внутренних распрей.

Проблему происхождения магистратуры диктатора ряд исследователей переносит в плоскость определения ее «первоначального облика». При этом ставятся вопросы такого плана: предшествовала ли экстраординарной диктатуре диктатура ordinaria (годовая), каково соотношение понятий *magister populi* и *praetor maximus*?

Точку зрения о ранних годовых диктаторах развивали исследователи, либо считавшие ordinary диктатуру переходной формой от монархии к коллегияльному управлению, либо признававшие наличие диктаторских лет после введения консулата⁹⁴.

Первым, кто предположил, что годовая диктатура являлась исходной формой римского республиканского устройства был Д.У.

⁸⁹ Herzog E. Op. cit. S.718.

⁹⁰ Abbot F.F. Op. cit. P.182.

⁹¹ Cornelius F. Römische...S.17.

⁹² Walker C. Op. cit. P.301.

⁹³ Трухина Н.Н. Указ. соч. С.94-99.

⁹⁴ Schwegler D.U. Op. cit. S.586-589; Ihne W. Op. cit. S.107-108; Gelzer M. Die Nobilität der Römischen Republik. Berlin, 1912. S.40; De Martino F. Storia...P.189,375; Siber H. Römisches Verfassungsrecht...S.89; von Lübtow U. Die lex curiata de imperio. // Zeitschrift für Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1952. B.LXIX. S.164-165; Чистяков Г.П. Комментарии // Ливий Тит. История Рима от основания города. Т.1. М.,1989. Прим.18 к кн.X. С.571.

Швеглер, считавший ее переходной ступенькой от царской власти к консулату⁹⁵. К. Ханнел ошибочно полагал, что первым высказал эту гипотезу К.Й.Белох⁹⁶. В действительности же К.Й.Белох развил уже имевшийся тезис, добавив, что после уничтожения царской власти диктаторы стояли во главе Римского государства до времен децемвирата.

Согласно схеме Э.Корнеманна, при переходе к республике функции царя были поделены между *rex sacrorum* (религиозные) и *magister populi* и *magister equitum* (руководства общиной). Затем в сакральной сфере была создана коллегия понтификов (первоначально из трех человек), а в политической — коллегия военных трибунов с консульской властью (сначала их было также трое), которая затем была преобразована в коллегия из двух консулов и одного претора⁹⁷. Отрицали правдоподобность теории ординарной диктатуры многие историки XIX-XX вв., принадлежавшие к различным направлениям и школам⁹⁸. В конце 1970-х гг. А.Друммонд подчеркивал, что идея о существовании диктаторских лет должна быть целиком и полностью отброшена⁹⁹.

Исследователи, признававшие существование годовых диктатур, опирались, главным образом, на сообщения анналистов и отсутствие в капитолийских фастах для четырех лет (333, 324, 309, 301 гг. до н.э.) имен консулов и наличие только имен носителей должности *dictator* и его заместителя *magister equitum*¹⁰⁰. Сторонники этой концепции часто идентифицировали гипотетиче-

⁹⁵ *Schwegler D.U.* Op. cit. B.3. 1858. S.125. См. также: *Leifer F.* Op. cit. S.102; *Gintowt E.* Op. cit. P.385.

⁹⁶ *Hannel K.* Op. cit. ... S.169.

⁹⁷ Анализ схемы Э. Корнеманна см.: *Leifer F.* Op. cit. S.120-122.

⁹⁸ *Becker W.A.* Op.cit. S.151; *Mommsen Th.* *Römisches*. ... B.2. S.126-127; *Lange L.* Op. cit. S.751; *Madvig J.N.* Op. cit. S.483; *Herzog E.* Op. cit. S.718; *Karlowa O.* Op. cit. S.211; *Nissen A.* Op. cit. S.63; *Боголенов Н.* Указ. соч. С.63; *The Cambridge ancient history*. ... P.441; *Arangio-Ruiz V.* Op. cit. P.28; *Cornelius F.* *Römisches*. ... S. 39; *Altheim F.* *Römische Geschichte*. Frankfurt am Main Wiesbaden, 1951. S.209; *Fritz K.* Op. cit. P.211; *Abbot F.F.* Op. cit. P.182-184; *Трухина Н.Н.* Указ. соч. С.58.

⁹⁹ *Drummond A.* Op. cit. P.563.

¹⁰⁰ См.: *Soltau W.* *Die Anfänge der Römischen Geschichtsschreibung*. Leipzig, 1909. S.264.

скую ординарную единоличную магистратуру с названием *praetor maximus*¹⁰¹. Йохен Бляйкен, например, полагает, что первым республиканским принципом была годичность, а не коллегиальность (последняя появляется, по его мнению, только в середине IV в. до н.э.)¹⁰². Ульрих фон Любтов видел в годичном *praetor maximus* проявление аристократического характера римского государственного порядка¹⁰³.

Однако далеко не всеми авторами, обосновывавшими наличие должности *praetor maximus*, она понимается как единоличная магистратура, тождественная диктатуре. Ряд исследователей видит в ней руководителя коллегии магистратов из двух или трех человек¹⁰⁴.

Третья же группа авторов, не интерпретируя понятие *praetor maximus*, упрощенно считала, что это иное название диктатора¹⁰⁵. И.В.Нетушил полагал, что *praetor maximus* имеет смысл «лишь в относительном значении и может касаться столь же диктатора в сравнении с консулами, как и консулов в сравнении с преторами»¹⁰⁶.

На наш взгляд, как бы не решался вопрос о *praetor maximus*, достаточно очевидно, что к экстраординарному *magister populi* термин не имеет прямого отношения. Упоминание у Ливия (Liv.VII.3.3-4) о том, что для сакрального обряда назначили диктатора, памятуя, что в древности его выполнял *praetor maximus*, не дает серьезных оснований для соответствующих построений.

¹⁰¹ *Heurgon J.* Magistratures romaines et magistratures etrusques // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol.13. P.104-112.

¹⁰² *Bleicken J.* Die Verfassung... S. 76.

¹⁰³ *von Lübtow U.* Die Römische... S.97.

¹⁰⁴ *De Sanctis G.* Op. cit. P. 407; *Wesenberg G.* Praetor Maximus // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1947. B.LXV S.319-326; *Dulceit G.* Op. cit. S.26-27; *Kunkel W.* Kleine Schriften... S.476-477; *Hannel K.* Op. cit. S.177; *Lindersky J.* The Auspices and struggle of the orders // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. P.43-44.

¹⁰⁵ *Rubino J.* Op. cit. S.117; *Konn У.* Римские древности. М.,1868. С.99; *Виллемс П.* Указ. соч. С.289.

¹⁰⁶ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып.1. Харьков, 1894. С.158.

Теперь обратимся к третьему из интересующих нас (самому важному) историографическому пласту — взглядам исследователей на проблему происхождения диктатуры с точки зрения ее формирования как политической структуры, поиска ее прототипов. Мнения по этому поводу, высказанные в литературе, можно в общем виде разделить на два направления (каждое из которых представлено несколькими концепциями):

1. Гипотеза о заимствовании римской общиной должности диктатора.

2. Представление о собственно римском характере происхождения магистратуры.

Первая группа теорий создана исследователями, которые усматривали генетические связи диктаторской власти с латинским либо этрусским влиянием.

Согласно одной из них, идущей от Бартольда Нибура¹⁰⁷ и развитой Гаэтано Де Санктисом¹⁰⁸, образцом для римской диктатуры послужило аналогичное устройство высшей военной власти Арицийской конфедерации у латинских союзников Рима. Должность диктатора Латинского союза не была постоянной (как и римская), а вводилась по мере надобности. Поддерживали эту гипотезу, в частности, И.В. Нетушил¹⁰⁹, Вильгельм Золтау¹¹⁰, Фридрих Корнелиус¹¹¹, Генрих Зибер¹¹². В.Золтау рассматривал в качестве исходной формы для римской диктатуры командующего римско-латинскими союзными войсками (что, однако, не прослеживается по источникам). Ф.Корнелиус подчеркивал, что диктатор Латинского союза был сакральным руководителем, а Г.Зибер считал, что его название должности было с небольшими изменениями заимствовано римлянами.

Другие историки (следуя за сообщениями анналистов) понимали диктатуру не как общелатинскую политическую организа-

¹⁰⁷ Niebuhr B. Op. cit. S.589.

¹⁰⁸ De Sanctis G. Op. cit. P.409-410.

¹⁰⁹ Нетушил И.В. Первый... 1907. Ч.1. С.39.

¹¹⁰ Soltau W. Der Ursprung... S.382. Cornelius F. Römische... S.17.

¹¹¹ Cornelius F. Römische... S.17.

¹¹² Siber H. Römisches Verfassungsrecht... S.35.

цию, а как институт высшей власти в отдельных италийских общинах (Ариции, Тускуле, Фидене, Номенте и др.)¹¹³ Отдельные авторы видели прообразом римского *magister populi* альбанского диктатора¹¹⁴.

Артур Розенберг полагал, что латинская диктатура была для римлян не исходным образцом, а только посредником, поскольку в римской диктатуре, по его мнению, можно узнать этрусское устройство¹¹⁵. Логика этого рассуждения такова: из Этрурии была заимствована латинами годичная диктатура, и по образцу этой этрусско-латинской диктатуры была организована римская. Однако ряд исследователей (С.Кортсен, К.Й.Нойман и др.) в таком понимании усмотрели возможность трактовки первоначальной диктатуры как формы этрусского господства и отвергли ее¹¹⁶. Поддержана точка зрения А.Розенберга была Ховардом Скаллардом, отмечавшим, что от этрусков была заимствована диктатура и латинских городов, и Латинского союза¹¹⁷.

Таким образом, первое направление представлено концепциями латинских либо этрусских корней магистратуры диктатора в раннереспубликанском Риме.

Второе направление — трактуемое должностное диктатора как изначально римскую, самобытную, не заимствованную у соседей, — тоже неоднородно.

От Людвиг Ланге и Теодора Моммзена идет представление, что империй консулов — это ограниченный сроком и разделенный между ними империй царя. Л. Ланге считал, что *imperium* диктатора был перенят у царей, с той лишь разницей, что у царей он был пожизненным¹¹⁸. Т. Моммзен отмечал, что в сложных ситуациях римская община прибегала к концентрации власти в одних

¹¹³ Крылов Н.И. Указ. соч. С.133; Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. 2. Auf. B.1. Leipzig, 1881. S.148; The Cambridge ancient history. . P.440; Walker C. Op. cit. P. 304; Ковалев С.И. Указ. соч. С.91; и др.

¹¹⁴ Liebenam W. Op. cit. S.388-389; De Martino F. *Storia*. P 223.

¹¹⁵ Rosenberg A. *Der Staat*. .S.78-99.

¹¹⁶ См.: Stark R. Op. cit. S.206-207.

¹¹⁷ Scullard H.H. *A history of the Roman Word from 753 to 146 B.C.* London — New-York. 1964. P.51.

¹¹⁸ Lange L. Op. cit. S.749. Mommßen Th. *Römisches*. .S.150-151; Моммзен Т. Указ. соч. С.252-309; Mommßen Th. *Abriss* . .S.163.

руках, как бы восстанавливая царскую власть в прежнем виде и объеме¹¹⁹ Подобного мнения придерживались Э.Херцог, Й.Фогт, У.Вилькен, В.Эренберг¹²⁰ О монархической природе диктаторской власти писали также В.И. Герье, Н.И. Кареев, И.А. Покровский, В.М. Хвостов¹²¹, что свидетельствует о том, что в русской историографии XIX – начала XX в. была воспринята идея Т.Моммзена о происхождении магистратуры. В советском антиковедении такая трактовка возникновения диктатуры была отодвинута на второй план преобладанием в общих трудах по римской истории концепции латинского происхождения магистратуры, но тем не менее она присутствует, например в комментариях А.С. Бобовича к «Анналам» Тацита¹²². А.Б. Егоров соглашается с выводом Т. Моммзена о сущности консульского империя и считает диктаторскую власть существенным дополнением к нему¹²³

Оригинальный характер римской диктатуры, генетически связанной с царской властью, последовательно отстаивал Франц Альтхайм¹²⁴. Анализируя формы республиканского единоличного правления (как союзные, так и городские), он сделал вывод, что только у римского *magister populi* «монархичность соединялась с чрезвычайными функциями, во всех же других случаях этого сочетания не наблюдалось»¹²⁵. Развивая и углубляя этот вывод, Н.Н.Трухина отмечала: «Своеобразие римской диктатуры в том, что она соединила черты единовластия и экстраординарности в лице магистрата одного полиса»¹²⁶. Далее автором было справедливо

¹¹⁹ *Mommsen Th. Römisches...* S.150-151; *Моммзен Т.* Указ. соч. С.252-309; *Mommsen Th. Abriss...* S.163.

¹²⁰ *Herzog E.* Op. cit. S.128, 718; *Vogt J.* Op. cit. S.41; *Wilcken U.* Op. cit. S.54; *Ehrenberg V.* Op. cit. P.122.

¹²¹ *Герье В. И.* Указ. соч. С.190; *Кареев Н.И.* Государство-город античного мира. 2-е изд. Спб., 1905. С.143; *Покровский И.А.* Указ. соч. С.78; *Хвостов В.М.* Указ. соч. С.23, 30, 45.

¹²² *Бобович А.С.* Комментарии // Тацит Корнелий. Анналы. История. Приложения. Спб., 1993. С.603.

¹²³ *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С.21-22.

¹²⁴ *Altheim F.* Forschungsbericht... S.227-236.

¹²⁵ *Ibid.* S.236.

¹²⁶ *Трухина Н.Н.* Указ. соч. С.64.

подчеркнуто, что «мы не можем говорить как о непосредственном заимствовании диктатуры у соседних народов, так и об абсолютной специфике этой должности»¹²⁷.

Все названные авторы, признававшие самобытность римской диктатуры, исходили из того, что по происхождению своему она была тесно связана с царской властью, но явилась творением республиканского времени. Однако ряд историков относили само появление должности *magister populi* еще к царской эпохе. И.В.Негушил делал такое предположение исходя из отсутствия конкретных сведений о способе узаконения диктатуры. Это, по его мнению, может свидетельствовать, что республика и не нуждалась в особом узаконении диктатуры, так как она была известна еще при царях¹²⁸.

Эрнст Мейер рассматривал первоначальное появление диктатора как заместителя царя при чрезвычайных обстоятельствах¹²⁹. Военным помощником царя видел диктатора Герхард Дулькайт¹³⁰. Эйнар Гьерстад полагал, что царь, когда он был болен или выполнял дела политической или сакральной природы, для командования войском мог назначать диктатора¹³¹. При этом, по мысли Э.Гьерстада, в царский период диктатор имел только *imperium mandatum* (ибо, если бы он обладал полным империем, царь вынужден был бы ему подчиняться). В 1980-х гг. близкую точку зрения развивал Альфред Хойс¹³². Он предположил, что *magister populi* появляется в качестве командующего всеми вооруженными силами, выполняя эту функцию под верховным руководством царя, и осуществляя всю «рутинную» военную работу. Такой вывод представляет несомненный историографический интерес, однако расходится с античной традицией, относившей возникновение должности ко времени начала республики.

Отвергал концепцию заимствования магистратуры и Ханс Рудольф, полагая, что диктатура появляется как муниципальная

¹²⁷ Трушина Н.Н. Указ. соч. С.65.

¹²⁸ Негушил И.В. Очерк... С.175

¹²⁹ Meyer Er. *Römischer*... S.39,112,157.

¹³⁰ Dulckeit G. Op. cit. S.24.

¹³¹ Gjerstad E. Op. cit. P.25.

¹³² Heuß A. *Gedanken*... S.437.

должность либо независимо друг от друга в разных городах Италии, либо проникает в итальянские общины из Рима. Но при этом Х.Рудольф, исходя из активно разрабатывавшейся в Германии в межвоенные годы «своеобразной» концепции этногенеза античных народов, усматривал «индогерманские корни» этрусков и римлян. Поэтому он выводил римскую диктатуру из «индогерманского военного королевства», в котором была высока роль «приказа и дисциплины»¹³³. Детальная критика работы Х.Рудольфа (первое издание которой вышло в 1935 г.) дана в статье Ф.Альтхайма¹³⁴.

Отнесение Х.Рудольфом начал диктатуры к доримской эпохе дало определенный толчок к поискам их в первобытном обществе. Так, Р.Штарк усмотрел прототип диктатора в предводителе грабительских набегов родовой общины¹³⁵. Д.Коэн обратился к сфере древнейших идеологических воззрений, согласно которым назначение диктатора осуществлялось ради привлечения магической силы «мана»¹³⁶. Разумеется, диктатора в войну назначали «часто не столько из военных потребностей, сколько из представления о его победоносной магической силе»¹³⁷. Однако, выводя анализ происхождения магистратуры за историческое время существования римской общины, историк рискует впасть в произвольные построения. Поэтому особых перспектив, в данном случае, такой исследовательский подход не имеет.

Реализовали свои внутренние резервы на настоящий момент и концепции, обосновывавшие заимствование римлянами должности диктатора у латинских либо этруских общин. Прямого заимствования по источникам проследить не удастся, а аналогии возможны, но они не позволяют считать магистратуру диктатора привнесенной извне в римское государственное устройство. На наш взгляд, наиболее научно плодотворной явилась гипотеза происхождения магистратуры, идущая от Л.Ланге и Т.Моммзена. Идея об определенной преемственности политических институтов и трансформации одних в другие в рамках римской общины позволяет эффек-

¹³³ *Rudolph H.* Op. cit. S.18.

¹³⁴ *Altheim F.* Forschungsbericht. .S.226-235.

¹³⁵ *Stark R.* Op. cit. S.206-214.

¹³⁶ *Cohen D.* Op. cit. P.308.

¹³⁷ *Jahn J.* Op. cit. S.32.

тивно изучать эволюцию римской государственности. Естественно, что весьма проблематичны поиски *magister populi* в царском периоде истории Рима, но по происхождению своему эта республиканская должность очень тесно связана с монархической властью предшествующего периода. Разумеется, мы не можем поддерживать продление генетических корней диктатуры к «индогерманским предшественникам» римских царей. Но, если отказаться от крайних точек зрения, порожденных спецификой немецкой историографии межвоенного времени, то следует признать, что именно рациональное ядро второго направления, исходящего из собственно римского происхождения диктатуры, должно лечь в основу дальнейших разработок проблемы.

1.2 Генетические связи диктатуры с царской властью

История Рима показывает, что диктатура как единоличное авторитарное правление имеет реальные шансы возникнуть в таком обществе, где еще очень прочно сохраняются традиции монархического режима, где царская власть существовала в самом недалеком прошлом. Представления о сильной единоличной власти в общественном сознании при этом еще не изжиты, и в случае серьезных внешних и внутривнутриполитических осложнений они реализуются в передаче особых полномочий диктатору, как бы олицетворяющему восстановленную на время царскую власть. Диктатура как экстраординарная магистратура ранней Римской республики не случайно появляется в самом начале ее становления, ибо она генетически связана с царской властью. Доказательства этой связи мы усматриваем в следующем.

1. Сопоставление объема полномочий царя и диктатора свидетельствует, что он был одинаков. Диктатор обладал неограниченным империем, что отличает его полномочия от других республиканских магистратур и сближает с царскими предшествующего периода. Если у консулов империй был ограничен *provocatio ad populum*, ослаблен возможностью *intercessio*, то власть диктатора

(во всяком случае, в V-IV вв. до н.э.) не была стеснена этими обстоятельствами, — нельзя было апеллировать к народу даже в случае смертного приговора. Подробно правовые нормы функционирования магистратуры диктатора и объем его полномочий будут рассмотрены в гл. IV

В царский период отчетливо выделяются среди других две функции рекса: военная и сакральная. Слияние этих обязанностей, как отмечал Фюстель де Куланж, «казалось весьма естественным и было тогда основным законом человеческого общежития»¹³⁸ Диктаторы в раннереспубликанский период избирались часто для выполнения военных задач, но одновременно осуществляли и религиозные функции. Поэтому возникает вопрос, был ли диктатор ограничен в своих действиях той задачей, необходимость решения которой была побудительным мотивом для его избрания?

Т.Моммзен полагал, что уже в V в. до н.э. понятие о компетенции проникло в сферу деятельности *magister populi*, вследствие чего диктаторы считали себя связанными ею¹³⁹ В том, что диктатор исполнял и военные и религиозные функции одновременно, Т.Моммзен усмотрел оппозицию со стороны магистрата. Но дело, видимо, заключается в том, что независимо от причин, приведших к назначению диктатора, объем его власти включал в себя полномочия в двух важнейших сферах — военной и сакральной, как восстановленного на время царского империя. Этот вывод представляется аргументированным еще и потому, что само военное руководство в Риме имело также и магическое содержание. И, хотя в республиканский период назначался *rex sacrorum* (который унаследовал религиозные функции царя), наличие сакральной власти у диктатора было неременным условием, не зависящим от его целевого назначения. Власть «начальника народа» в раннереспубликанский период отличалась от власти царя не объемом полномочий, а только временем их исполнения.

Несмотря на то, что высшие ординарные магистраты также могли общаться с богами, диктаторские полномочия в глазах римлян всегда были в этих действиях более авторитетны. Так, в 344 г., ко-

¹³⁸ Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1895. С.165.

¹³⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С.310.

гда из-за каменного дождя «граждане были объаты страхом перед богами»¹⁴⁰, специально для умиротворения богов назначили диктатора. Появление диктаторов со специальной сакральной компетенцией свидетельствует о наличии древнего религиозного компонента в его власти, ибо «отделяться» в качестве самостоятельной цели могли только те функции, которые были изначально заложены в магистратуре.

2. Порядок и процедура вступления в должность диктатора весьма напоминает избрание царя в дореспубликанский период. Власть царя была выборной, выборы проходили в народном собрании, но кандидатура царя предлагалась сенатом, им же и утверждалось избрание. Царь сам вносил в комиции *lex curiata de imperio*¹⁴¹. Диктатора вводили в должность весьма похожим образом: сенат давал приказание одному из консулов провозгласить диктатора (*dictatorem dicere*). Персональный выбор диктатора так же, как и царя, определялся сенатом. Диктатор был креатурой сената, такой вывод мы делаем на основе специального исследования (см. гл. III). Законный характер его власти также придавался *lex curiata de imperio*, вносимым самим диктатором в комиции для утверждения.

3. На генетические связи царской и диктаторской власти, их кровное родство, указывает также наличие при носителях той и другой одинаковой должности заместителя (помощника) — начальника конницы, обладавшего высшей властью в войске после рекса и «начальника народа» (D.I.2.2.19). Термины, переводимые как начальник конницы, обозначались по разному: при царях — *tribuni celerum*, при диктаторах — *magistri equitum*. Изменение названия должности связано, видимо, с упразднением корпуса целеров (который не был, по наблюдениям И.Л. Маяк, чисто всадническим, а представлял собой либо пехотинцев лейб-гвардии, «пользовавшихся при случае конями», либо был «отрядом телохранителей, имевшим в своем составе представителей и пехоты и конницы»¹⁴²).

¹⁴⁰ *Liv.* VII.28.7.

¹⁴¹ Маяк И.Л. Рим первых царей. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1983. С.245.

¹⁴² Маяк И.Л. Рим первых царей. ... С.242-243. Werner R. Der Beginn S.262; von Lübtow U. Die Römische ... S.96-96; De Martino F. Intorno... P.243-244.

Упразднение отряда целеров говорит о том, что полного тождества в статусе рекса и «временного царя» – диктатора – не было. Но отсутствие полного сходства отнюдь не затмевает родственные связи диктатора и царя, — эти связи видны в принципиальных механизмах реализации властных полномочий. К их числу мы должны отнести и наличие начальника конницы. Будучи вторым лицом после царя и диктатора, он назначался ими самими и был им подотчетен.

4. Наконец, общей является внешняя символика царской и диктаторской власти. Rex и magister populi имели максимальную свиту по двадцать четыре ликтора (во всяком случае вне города¹⁴³), тогда как у высших ординарных республиканских магистратов – консулов – их было двенадцать (Polyb.VI.18.9). Т.Моммзен считал, что по древнему обычаю диктаторы в городе имели двенадцать ликторов, а за пределами померия — двадцать четыре¹⁴⁴

Известно, что фаски римляне заимствовали у этрусков (Dionys.III.61; Strabo. V.220; Flor. I,5,6; VIII,5). Однако, основываясь на этом факте, бесперспективно выводить политические структуры Рима из этрусской организации. Ибо в таком случае нужно «по цепочке» идти дальше, выяснять, откуда заимствовали свои инсигнии этруски, поскольку для исследователей очевидны аналогии: «Надо думать, – писал А.И.Немировский, – что этрусская секира, как атрибут священной власти царя, и секира критян имеют общий источник — малюазийские религиозные представления»¹⁴⁵ Следовательно, рассуждая в этом направлении, можно прийти до абсурда и искать истоки органов власти римской civitas, например у хеттов. Другое дело, что, когда речь идет об определенной преемственности политических институтов и трансформации одних в другие в рамках одной общины, то внешние символы, без сомнения, являются выражением внутренних родственных связей. Тем более, когда атрибут носит сакральный характер (что мы можем отнести и к фаскам), его наследование свидетельствует о политико-

¹⁴³ Werner R. Der Beginn ... S.262; von Lübtow U. Die Römische ... S.96-96; De Martino F. Intorno... P.243-244.

¹⁴⁴ Mommsen Th. Römisches... S.304.

¹⁴⁵ Немировский А.И. Царская власть у этрусков // Норция. Воронеж, 1971. С.20.

правовой преемственности структур (в данном случае и консулов, и диктатора).

По мнению К.Х.Фогеля, пучки прутьев олицетворяли *imperium domi*, а воткнутые в них топоры — *imperium militiae*¹⁴⁶. Нам кажется такая трактовка не вполне исчерпывающей. Действительно, ликторы консулов несли в пределах померия только *fasces*, и лишь за чертой города еще и топоры, но ликторы диктаторов несли топоры постоянно. Это, видимо, должно было означать, что диктаторы унаследовали царское *ius vitae necisque*. То есть, если консулы обладали топорами как символом полномочий для борьбы с врагом, как выражением *imperium militiae* (за пределами города они выступали как командующие войсками), то диктаторы, как ранее цари, имели оружие и как олицетворение права казни сограждан.

Наконец, наша уверенность в генетических связях диктаторской власти с *regium imperium* основывается еще на том, что обращает на себя внимание «недвусмысленно единодушное», по выражению А.Хойса¹⁴⁷, убеждение римской традиции о связи власти чрезвычайных магистратов с понятием царских полномочий.

Таким образом, *magister populi* ранней Римской республики как полномочный и единоличный носитель высшей чрезвычайной власти по происхождению своему очень тесно связан с архаичной монархической властью предшествующего периода. Империй рекса продолжал существовать не только в разделенном и ограниченном виде в консульской магистратуре, но еще более явно и практически в прежнем объеме присутствовал у диктатора. Римская диктатура явилась не просто отголоском, а прямым порождением традиций царской власти.

¹⁴⁶ Vogel K.H. Op. cit.S.77.

¹⁴⁷ Heuß A. Zur Entwicklung...S.57.

Глава 2

ЦЕЛИ НАЗНАЧЕНИЯ ДИКТАТОРОВ. ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ МАГИСТРАТУРЫ

2.1 Терминологические вопросы обозначения должности диктатора

Чрезвычайная должность ранней Римской республики, носитель которой обладал полнотой власти, обозначена в источниках либо *magister populi*, либо *dictator* (в переводах на греческий *αυτοκρατωρ* или *στρατηγος αυτοκρατωρ*). Согласно сообщению Циперона (Cic. De rep. I.40.63), которое он приводит со ссылкой на книги авгуров, первоначально должность диктатора называлась *magister populi*. В соответствии термина *magister populi* диктатору при возникновении магистратуры не сомневался ни один авторитетный исследователь¹⁴⁸ Опубликованное недавно утверждение

¹⁴⁸ *Mommsen Th. Römisches...* Bd.2. S.124,142; *Mommsen Th. Abriss...* S.161; *Dupond A. Op. cit.* P.3; *Herzog E. Op. cit.* S.720; *Karlowa O. Op. cit.* S.217; *Нетушил И. В. Очерк.* Вып. 1. Харьков, 1894. С. 157; *Санчурский Н.* Краткий очерк римских древностей. Изг., 1916. С.105; *The Cambridge Ancient History...* P.440; *Birt Th. Op. cit.* S.24; *Leifer F. Op. cit.* S.104; *Rudolph H. Op. cit.* S.24; *Wilcken U. Op. cit.* S. 5; *Stark R. Op. cit.* S.359; *Dulckeit G. Op. cit.* S.27; *Arangio-Ruiz V. Op. cit.* P.103; *Hannel K. Op. cit.* S.194; *Vogt J. Op. cit.* S.41; *Werner*

В.Н.Токмакова о том, что «происхождение диктатора от магистра попули ... более чем сомнительно»¹⁴⁹, идет вразрез с общепринятым мнением и при отсутствии серьезной аргументации выглядит крайне неубедительно. Также неоправданными являются попытки трактовать название *magister populi* как более поздний титул диктатора, появившийся после изменения характера его власти¹⁵⁰. Мы признаем, что *magister populi* — исходное название должности диктатора.

Был ли «военный» оттенок в названии *magister populi*? Если принять во внимание определенное противопоставление названий *magister populi* и *magister equitum* как «начальник народа» и «начальник конницы», то понятие «начальник народа» приобретает оттенок «начальник пехоты». И в этом смысле «военное» содержание титула налицо. Но, видимо, в политическом сознании римлян «начальник народа» понимался одновременно и как военный, и как гражданский «руководитель» коллектива общины (тем более, что основное значение слова *populus* — народ как политическая общность, государство). Андреас Альфельди и Альфред Хойс даже считали, что от названия *magister populi* произошел сам термин «магистратура» для обозначения государственных должностей Рима¹⁵¹.

Понятие *dictator*, по наблюдениям многих исследователей, этимологически никак не связано со специфическими военными функциями¹⁵². Правда, некоторые историки пытались определить корень «*tote*» как «*populus*» в словоупотреблении соседних латинских общин¹⁵³, что опять-таки выводит анализ к понятию «на-

R. Der Beginn... S.262; *von Lübtow U.* Die Römische ... S.96; *Momigliano A.* Osservazioni sulla distinzione fra patrizie e plebei // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. B.13. P.213; *Alföldi A.* Op. cit. S.238; *Bernardie A.* Dagli ausiliari del rex ai magistrati della repubblica // *Athenaeum*. 1969. Vol.XXX. P.25-26; *Kunkel W.* Kleine Schriften... S.476; *Kaser M.* Op. cit. S.39; *Heuß A.* Römische... S.544; *Heuß A.* Gedanken... S.62-63; *Giovannini A.* Les origines... P.19-21.

¹⁴⁹ Токмаков В.Н. Указ. соч. С.113.

¹⁵⁰ Чеканова Н.В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи. Учебное пособие. Ярославль, 1990. С.21.

¹⁵¹ Alföldi A. Op. cit. S.238; Heuß A. Gedanken... S.437.

¹⁵² Heuß A. Gedanken... S.438.

¹⁵³ Dulckeit G. Op. cit. S.27.

чальник народа». Большинство же авторов традиционно считают основополагающим для термина корень «dicere», а те, кто усматривал латинское происхождение магистратуры, иногда отмечали, что руководитель Латинского союза назывался *dicator*, что и было с небольшим изменением заимствовано римлянами. Смысл слова *dictator*, как писал Т.Бирт, – *orator, spectator, moderator*¹⁵⁴.

Почему произошла смена названия должности диктатора? Видимо, следует согласиться с теми авторами, которые считали, что «при возраставшем чувстве свободы титул *magister populi* не соответствовал республике»¹⁵⁵, что он «более напоминал о монархической природе должности»¹⁵⁶. Титул же «*dictator*» был нейтральнее, он являлся «эвфемизмом, под которым в свободном римском государстве прятался человек с абсолютной, приближавшейся к царской, власти»¹⁵⁷ и поэтому вытеснил первоначальное обозначение магистратуры.

Согласно сообщению Феста (Festus. p.198 M), различались диктаторы *optima lege* и *imminuto iure* («провозглашенные по высшему закону» и «с уменьшенным правом»). Эти уточняющие определения диктатуры появились, видимо, с середины IV в. до н.э., когда практика функционирования должности привела к появлению ее внешне отличающихся форм.

Диктаторы *optima lege* обладали *summum imperium*, который распространялся и на сферу *domi*, и на сферу *militiae*. Из содержащихся в источниках обозначений к диктатуре *optima lege* следует отнести диктаторов *rei gerundae causa*, *belli gerundae causa*, *seditionis sedandae causa*. Первые два названия встречаются неоднократно как в капиталийских фастах, так и у Тита Ливия. Последнее содержится в фастах для характеристики диктатуры 368 г. до н.э.

Диктатура, вводившаяся для ликвидации серьезной внешней или внутренней опасности, называется *rei gerundae causa*. Нам представляется, что *ges* в данном случае не должно переводиться только в значении военных сражений, что подтверждается от-

¹⁵⁴ Birt Th. Op. cit. S.203.

¹⁵⁵ Ibid. S.204.

¹⁵⁶ von Lübtow U. Die Römische... S.96.

¹⁵⁷ Birt Th. Op. cit. S.204.

дельно существовавшим вариантом *belli gerundae causa*. Греческий эквивалент Диодора Сицилийского *αυτοκρατωρ του πολέμου* в данном случае совершенно не показателен в силу не слишком четкого представления греческих авторов о специфике римских политических институтов. Поэтому мы не можем считать исчерпывающей характеристику этого понятия, данную Й. Бляйкеном, полагающим, что назначение диктатора *rei gerundae causa* вести войну¹⁵⁸. На наш взгляд, целевое назначение этой диктатуры следует толковать расширительно, в значении выполнения важного государственного дела (*res*). Формулировку же фаст «*seditionis sedandae*», вероятно, нужно рассматривать как уточнение целевого назначения диктатуры 368 г. до н.э., ее задачи успокоения конфликта. И.В. Нетушил полагал, что «оборот *seditionis sedandae* в сущности даже не верен, так как настоящей *seditio* тогда вовсе не было, а была лишь интенсивная политическая борьба»¹⁵⁹. Видимо, здесь И.В. Нетушил переводил «*seditio*» как «мятеж» и поэтому отрицал корректность употребления понятия, но термин допускает и такой перевод, как «разлад», «раздор», «несогласие», что снимает аргументацию негативного отношения И.В. Нетушила. Г. Зибер утверждал, что понятие *seditionis sedandae* означает ограничение компетенции диктатора¹⁶⁰ с чем мы также не можем согласиться, поскольку это одно из главных целевых назначений ранней диктатуры с *summum imperium*.

Диктатура *imminuto iure* представлена в источниках следующими конкретизирующими ее разновидностями: 1) *clavi figendi causa* (для сакрального обряда вбития гвоздя); 2) *comitiorum habendorum causa* (для проведения консульских комиций); 3) *senatus legendi causa* (для пополнения сената); 4) *Latinarum feriarum causa* (для устройства Латинского праздника); 5) *feriarum constituendarum causa* (для устройства новых игр); 6) *comitiorum ludorumque faciendorum causa* (для председательствования на играх). Из перечисленных видов диктатуры *imminuto iure* наиболее часто использовалась диктатура для проведения выборных комиций.

¹⁵⁸ Bleicken J. Geschichte... S. 32.

¹⁵⁹ Нетушил И.В. Первый 1907. Ч.VII. С.78-79.

¹⁶⁰ Siber H. Römisches Verfassungsrecht... S.104.

В источниках имеются еще два определения целевого назначения диктатуры, которые, на первый взгляд, могут рассматриваться как обозначения компетенции диктаторов. Во-первых, это «*questionibus exercendis*» (для проведения дознания) у Тита Ливия для диктатора 314 г. до н.э. Гая Мения, – Liv.IX.28.6. (в фастах фрагмент, определявший его целевое назначение, утрачен). Во-вторых, уточнение капитолийских фаств о диктаторе 217 г. до н.э. Квинте Фабии: «*Q.Fabius Q.f. Q.n. Maxim(us) Verucoss(us) dict(ator) interregni caus(sa)*» (CIL.V.1². P.23).

Начиная с Фритца Банделя исследователи были склонны считать «*questionibus exercendis*» и «*interregni causa*» ошибочным названием компетенции¹⁶¹. Недавно опубликованная работа Массимо Гуссо показала, что смысл, заложенный в выражении фаств, был следующим: «*dictator ex interregno*»¹⁶². Действительно, ситуация 217 г., в которой Фабий был провозглашен диктатором, в определенном смысле была междоусобицей, поскольку один консул погиб, а второй был отрезан от Рима войсками карфагенян. Поэтому следует согласиться с трактовкой М. Гуссо, что «*interregni causa*» не свидетельствует об особом виде полномочий диктатора. Следовательно, диктатура Фабия была по целевому назначению – *rei gerundae causa*.

Что же касается диктатуры «для проведения дознания», то, на наш взгляд, это также обычная диктатура *rei gerundae causa* с широкими полномочиями диктатора во внешнеполитической и внутренней жизни, при которой он вполне мог проводить следствие. Именно фактическое выполнение судебно-следственных функций и отражено у Ливия, а не особый вид ограничения сферы деятельности диктатора.

Если очевидно, что титул *magister populi* применялся к диктаторам *optima lege*, то диктаторов *imminuto iure*, вероятнее всего, им не называли, применяя только обозначение *dictator*. Однако этот последний термин использовался и как синоним понятия *magister populi* к диктаторам *rei gerundae causa* (причем, вероятно, еще до того, как появились диктаторы с ограниченной компетен-

¹⁶¹ Bandel F. Op. cit. S.3; von Lübtow U. Die Römische...S.115.

¹⁶² Gussio M. Op. cit. P.297.

цией). Поэтому вряд ли новое название – dictator – было введено в обиход вместе с появлением диктаторов *imminuto iure*, как это иногда трактовалось в литературе¹⁶³

Еще одним важным терминологическим вопросом является проблема соотношения понятий dictator и praetor maximus, на дискуссионном обсуждении которой мы уже останавливались (см. с.26-28). Мы полагаем, что к должности magister populi (dictator) этот термин не имеет прямого отношения.

Таким образом, первоначальным титулом для обозначения должности диктатора был magister populi, затем появился термин dictator, который относился как к диктаторам optima lege, так и к диктаторам imminuto iure. Что собой представляли эти разновидности магистратуры, происходило ли «перерождение» должности в течение трех веков ее существования, в чем заключается ее эволюция, менялись ли конституционные основы функционирования магистратуры, – на эти вопросы мы постараемся ответить в следующих параграфах.

2.2 Цели назначения диктаторов optima lege

Чрезвычайный характер магистратуры диктатора свидетельствует о том, что первоначально к ней прибегали при сложных и крайне опасных ситуациях. Римская civitas, как всякое полисное государство, главной своей функцией имела сохранение самой общины, ее стабильного положения, воспроизводство условий ее нормального существования. В качестве механизма осуществления этой функции в критических обстоятельствах и была выработана система экстраординарной власти, которая, будучи в основе архаичной, на ранних стадиях становления полисного устройства в Риме оказалась оптимальной.

Стабильности римской общины и самому ее существованию угрожала как внешняя, так и внутренняя опасность. Внешняя угроза в V-III вв. носила почти непрерывный характер, и случаи

¹⁶³ Stark R. Op. cit. S.359.

ее критического обострения были нередкими. Внутри гражданского коллектива сословная борьба в это время также многократно обострялась, поэтому *civitas* должна была выступать инструментом согласования противоречивых интересов патрициев и плебеев.

Диктатура *optima lege*, вводившаяся для ликвидации серьезной внешней или внутренней опасности, называется в капитолийских фастах, как мы уже отметили, *rei gerundae causa*. Наиболее подробное и достаточно систематичное изложение целевого назначения диктаторов дает Ливий, поэтому его сообщения заслуживают подробного анализа. Отражение агрессии как главная целевая задача диктаторских правлений называется в первой декаде Ливия свыше тридцати раз¹⁶⁴. В трех случаях введение диктатуры произошло в ходе 2-й Самнитской войны, и Ливий специально не оговаривает цели назначения диктатора, но они очевидны. Еще в трех ситуациях (340 г., 325 г. и 312 г. до н.э.) диктаторы были провозглашены во время военных событий, не носивших угрожающего характера, но болезнь консулов потребовала принятия экстренных мер.

Кроме названных событий, у Ливия встречается упоминание о ведении войны как об одной из причин, хотя и не главной, перехода к диктаторскому правлению (IV.26.5.). В двух других ситуациях диктаторы назначались из-за обострения сословной борьбы, но активно воевали: в одном случае в силу необходимости (II.29.11; II.30.5), в другом – больше по собственной инициативе, чтобы правление диктатора было более впечатляющим (VI.11.10). Одно событие описано Ливием как потребность в диктаторе не для отражения агрессии, а для помощи союзникам, которых подвела «нерасторопность» консулов (VIII.15.5). Наконец, в определении целевого назначения трех диктаторов (были или нет военные мотивы) Ливий сомневался (VIII.40.2; VII.9.31; IX.28.1).

Ливий признает, что степень реальной опасности могла сильно преувеличиваться, и назначение диктатора в таких случаях являлось неадекватной реакцией на не слишком серьезную угрозу (IV.23.5; IV.56.8; VII.28.2; VIII.17.; IX.38.9).

¹⁶⁴ Liv. II. 18.4; II.19.3; III.26.; IV. 17.8; IV.21.9; IV.23.5; IV.31.4; IV.46.10; IV.56.8; V.19.2; V.46.10; VI.2.5; VI.6.12; VII.11.4; VII.12.9; VII.17.6; VII.19.9; VII.21.9; VII.28.2; VIII.12.9; VIII.17.3; VIII.17.6; VIII.29.9; IX.15.9; IX.21.1; IX.22.1; IX.29.3; IX.39.9; XL.1.7-8.

Военная деятельность диктаторов описывается античными авторами преимущественно как успешная (Liv. V.49.9; VII.11.8; VII.15.1; VII.17.8; VII.28.4; VIII.36.8; VIII.39.10; IX.21.4; IX.23.6; IX.28.4-5; IX.39.5-11; IX.40.7-14; X.1.9; X.3.5 и др.). О масштабе победоносных сражений и значении их свидетельствуют триумфы диктаторов — для их проведения требовалось убить в сражении не менее 5 тыс. врагов. Триумфы диктаторов проводились весьма часто¹⁶⁵. По подсчетам Роберта Вернера, за период от 435 г. до 350 г. до н.э. из 19 назначенных из-за внешней войны диктаторов 11 справляли триумф¹⁶⁶. Особенно пышный характер имели торжественные церемонии въезда в город Луция Квинкция Цинцинната в 458 г. (Liv. III.29.4) и Марка Фурия Камилла в 396 г. до н.э. (Liv. V.23.4-6). Интересно, что один раз триумф диктатору назначался не сенатом (как это было принято), а народным собранием (Liv. VII.17.9).

Следует признать, что передача всей полноты военной власти диктатору (Polyb. VI.18.9) в критических обстоятельствах внешней опасности была у римлян эффективным способом борьбы с врагами. Осуществление единоначалия крупным (как правило) полководцем позволяло быстро найти оптимальные способы ведения войны. Даже известие о назначении римлянами диктатора вызывало смятение в стане их врагов (Liv. II.18.; VI.28.3). К тому же вера не только в полководческие таланты, но и в магические свойства диктатора¹⁶⁷, священный трепет перед ним, — все это также способствовало привнесению боевого духа в ряды армии даже после предыдущих тяжелых неудач. Для того чтобы усилить сакральное воздействие своей персоны, диктаторы давали обеты освящения храмов и проведения религиозных праздников (Liv. II.42.5; V.23.7; V.31.3; VII.11.4; VII.28.4; IX.1.9; XXII.10.10 и др.). Конечно, диктаторы не были застрахованы от неяркого проведения военных кампаний (Liv. IV.57.8; VIII.12.3; VIII.17.7; XXIII.22.4), а иногда до военных действий у назначенного с этой целью диктатора дело не доходило (Liv. IV.23.5).

¹⁶⁵ Liv. II.20.13; III.29.4; IV.20.1; IV.29.4; IV.34.4; V.23.4-6; VI.4.1.; VI.16.5; VI.29.8; VII.15.1; VII.15.8; VII.17.9; VIII.37.1; VIII.39.15; IX.40.7; X.1.9.

¹⁶⁶ Werner R. Der Beginn. .S.260.

¹⁶⁷ Jahn J. Op. cit. S.32.

Естественно, что в V-IV вв. до н. э. военные цели назначения диктаторов с *summi imperium* преобладали, но из этого не следует, что диктатура *optima lege* имела чисто военный характер (хотя такие взгляды иногда встречаются и в современной отечественной литературе¹⁶⁸). Мы не можем согласиться ни с утверждением И.В. Нетушила о том, что «рассказы о вмешательстве старых диктаторов (до 368 г.) во внутренние дела римской общины, безусловно, вымышлены»¹⁶⁹, ни с выводом Р.Ю. Виппера: «Старинные диктаторы были чисто военной должностью и никакого отношения к внутренней политике не имели»¹⁷⁰. По нашему мнению, абсолютно справедливым является тезис Н.Н. Трухиной, что с самого начала «носителю экстраординарного империя отводилась роль военно-гражданского вождя»¹⁷¹.

Разумеется, обострение сословной борьбы приводило к назначению диктатора не столь часто, как потребность в вооруженной защите общины. Согласно Ливию, в 494 г. назначили Мания Валерия из-за конфронтации плебеев с патрициями (II.29.11). В 439 г. диктатора (по Ливию – Луция Квинкция Цинцинната, IV.13.7-12) провозгласили из-за того, что Спурий Мелий якобы замыслил стать царем и дарами пытался привлечь внимание плебеев. Поскольку обвинение в стремлении к царской власти часто применялось против плебейских лидеров, то этот эпизод тоже, вероятно, следует считать вспышкой сословной борьбы. Диктатор Авл Корнелий Косс был назначен в 385 г. против движения Марка Манлия (Liv.VI.11.10), а борьба вокруг законов Лициния и Секстия привела к должности в 368 г. поочередно двух диктаторов – Марка Фурия Камилла и Публия Манлия. Характеризуя в этом параграфе действия названных диктаторов в самом общем виде, отметим тенденцию поиска диктаторами компромиссных решений сословных противоречий (подробно см. гл.V).

Целям ликвидации внутренней и внешней опасности, угрожавшей римской общине, должны были служить и диктатуры 342 г. и 314 г. до н.э., хотя внешне они не были вызваны к жизни ни военной

¹⁶⁸ Игнатенко А.В. Армия ... С.193.

¹⁶⁹ Нетушил И.В. Обзор С.52.

¹⁷⁰ Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1928. С.119.

¹⁷¹ Трухина Н.Н. Указ. соч. С.116.

агрессией, ни сословной борьбой. В первом случае заставил назначить диктатора мятеж римских воинов, намеревавшихся отобрать Капую у кампанцев и чуть было не двинувшихся на Рим из-за сопротивления этим планам консула (Liv.VII.39.4-14)¹⁷². Причем диктатор убеждал воинов искать мирный способ разрешения конфликта (Liv.VII.40.5-14). Ливий подчеркивает: «*nondum erant tam fortes ad sanguinem civilem nec praeter externa noverant bella...*» (VII.40.2). Более того, диктатор провел законы, в которых были заинтересованы воины (Liv.VII.41.3-7).

Если в 342 г. был мятеж римских легионеров, то в 314 г. до н.э. был организован заговор среди капуанской знати с целью отпадения Кампании от Рима. После того как сенат узнал о нем, назначили диктатором Гая Мения для ведения дознания (Liv.IX.26.7). Когда расследование было перенесено в Рим и распространено на дела о злоупотреблениях при соискании должностей, диктатор, будучи ставленником сената, тем не менее привлекал к ответу многих патрициев, т.е. в первую очередь заботился (как лицо, облеченное властью) не о сословных, а об общегосударственных интересах. Поскольку инициативой введения диктаторского правления обладал сенат, то неминуемо должны были возникнуть ситуации, когда этот государственный орган назначал диктатора, чтобы избавиться от неугодных ему высших магистратов. В источниках подобные случаи зафиксированы, но интересно, что при этом в качестве официальной мотивировки причин назначения диктатора сенат выдвигал внешнюю угрозу (Liv.IV.26.5; VIII.12.10-13; VIII.15.5). Ливий признает, что истинными причинами было недовольство сената действиями консулов: раздоры между коллегами, их военные неудачи и даже враждебность сенату¹⁷³.

¹⁷² Ливий, правда, отмечает: «В других летописях рассказывается, что Валерия диктатором не назначали, а все дело вели консулы» (Пер. Н.В.Брагинской) Liv. VII.42.3.

¹⁷³ О консуле 339 г. до н.э. Эмилии говорится: Эмилий стал враждебен сенату и начал исполнять свои обязанности, словно мятежный трибун. До конца консульства он не переставал обвинять отцов перед народом и не встречал со стороны товарища никакого отпора, ибо тот и сам был из плебеев.» (Пер. Н.В.Брагинской) Liv. VIII.12.10-12.

Таким образом, мы видим, что изначально к диктатуре прибегали в обстановке внешней или внутренней опасности для римской *civitas* (или сенат маскировал опасностью свои истинные цели – что, вероятно, было не частым явлением). При этом диктатор не был ограничен в своей деятельности целевым назначением. В течение отведенного ему шестимесячного срока он выступал носителем империя и мог действовать как высшее должностное лицо. (Так, в 434 г. диктатор Мамерк Эмилий, назначенный для войны с этрусками, ограничил полномочия цензоров. Liv.IV.24.3.)

До какого времени сохранялось такое положение, когда независимо от целей назначения диктатор не знал ограничения своей компетенции? Оно продолжалось, пока существовала диктатура *optima lege*, а она вводилась до конца III в. до н.э., хотя были длительные хронологические отрезки без нее (например с 249 по 217 гг.). Последний раз диктатор в статусе *rei gerundae causa* назначался в 216 г. до н.э. Диктатура *optima lege* сохранялась, таким образом, почти весь III в. до н.э., но еще в середине IV в. до н.э. эта изначально «классическая» форма раннереспубликанской диктатуры стала не единственной.

2.3 Возникновение форм диктатуры *imminuto iure*

В середине IV в. до н.э. от диктатуры *optima lege* как бы «отщепляется» *dictatura clavi figendi causa* (зафиксирована в источниках первый раз в 363 г., а затем в 331, 313 и 263 гг. до н.э.). Около 350 г. до н.э. появляется новая форма диктатуры, которая в консульских фастах обозначена *dictatura comitiorum habendorum causa*. В дальнейшем известны и другие варианты специального поручения диктатору (*dictator senatus legendi causa*, *dictator ludorum faciendorum causa* и другие: см. с.42). Ко всем этим «отпочковавшимся» от исходной формы диктатурам следует отнести обобщенный термин *dictatores imminuto iure*. При этих диктаторах консулы сохраняли объем своих полномочий, в отставку они уходили сразу же по исполнении поручения и даже в единственном случае не

было назначено начальника конницы (Liv. XXIII.22.10-11). Диктатура *imminuto iure* также просуществовала до конца III в. до н.э. (у Ливия она последний раз упоминается в 202 г. до н.э.).

Появление диктатуры «для вбития гвоздя» означает не что иное, как отделение сакрального компонента от исходной диктатуры с *summum imperium*. Религиозный, магический элемент в римской диктатуре был всегда, так как он был унаследован как составная часть царской власти. Теперь же, сохраняясь в диктатуре *rei gerundae causa*, он существует как бы и самостоятельно, воплощаясь в форме *dictatura clavi figendi causa*. Сакральный смысл носили также торжества и игры, для которых назначали диктатора (Liv. VIII.28.7). Руководитель римского государства был издревле одновременно и религиозным руководителем Латинского союза¹⁷⁴, поэтому празднование на Mons Albanus требовало наличия облеченного высшей властью магистрата, руководившего праздником и приносившего главную жертву. Компетенцию такого диктатора капитолийские фасты определяют как «*Latinar(um) fer(iarum) caussa*» (CIL.1². P.24). У Ливия названа также диктатура «для устройства новых игр» «*feriarum constituendarum causa*» (Liv. VII.28.7-9).

Возникновение диктатуры *comitiorum habendorum causa* свидетельствовало, что чрезвычайный магистрат теперь назначался на короткий срок для проведения консульских выборов. Первое упоминание о таких специальных полномочиях диктатора приходится на 361 г. до н.э., для которого Ливий, со ссылкой на историка I в. до н.э. Лициния Макра, отмечает соответствующие полномочия у диктатора Тита Квинкция Пенна (хотя сам Ливий склонялся к мнению, что диктатора назначили для войны с галлами. VII.9.31). Не сомневается Ливий в диктатуре для проведения консульских комиций 351 г. до н.э. (VII.22.10.), подчеркивая, что диктатора провозгласили «без всякой военной угрозы».

Собственно говоря, диктаторы с *summum imperium* и до этого года могли проводить консульские выборы (Liv. VII.21.1-2), теперь же эта функция отделяется и появляется специальный ее носитель. Практика назначения такого дикта-

¹⁷⁴ Rosenberg A. Zur Geschichte... S.114.

тора становится частой: прослеживается не менее двадцати пяти случаев руководства выборами со стороны специального диктатора¹⁷⁵. При этом сохраняется и возможность проведения выборов диктаторами *rei gerundae causa* (Liv.XXP.25.6; XXIII.24.3).

Каковы причины и мотивы «отщепления» названной функции от исходной формы диктатуры? Источники дают несколько трактовок необходимости такого способа избрания высших ординарных магистратов и вместе с тем позволяют выявить основные тенденции перехода к нему. Элементарной ситуацией, побуждавшей к назначению диктатора *comitiorum habendorum causa*, была невозможность консулов своевременно осуществить эту процедуру вследствие ведения военных сражений (Liv.IX.44.1; XXX.33.4) или же тяжелых ранений и болезней (Liv.VII.24.10). Например, для времени Второй Пунической войны не менее 8 раз консульские выборы проводили через диктатора (на 215, 212, 209, 207, 206, 204, 201 гг.). При этом назначать диктатора *rei gerundae causa* вне критического положения было неоправданно. Возможность объявления интеррегнума в такой ситуации проблематична, но И.Ян считал, что это было допустимо¹⁷⁶. Однако сенат, как внешне простое и рациональное решение, прибегал к диктатуре со специальными полномочиями.

Поскольку инициатива введения диктатуры находилась в руках сената, то, естественно, возникает предположение, что за назначением диктатора *comitiorum habendorum causa* стояли сенатские интересы. Тем более что далеко не во всех из двадцати пяти случаев назначения диктаторов с такой компетенцией не было предварительного выбора на роль председателя: консул или дик-

¹⁷⁵ *Degrassi A.* Op. cit. V.XIII.1. №14, 34, 47, 80, 105, 106, 108, 111, 113, 118-120, 404, 405, 414-417, 422, 423, 428, 440, 441, 444-453; *Liv.* VII.17.10-13; VII.21.1-2; VII.21.9-22.1; VII.22.10-11; VII.24.10-11; VII.26.11; VIII.15; VIII.16.12; VIII.17; VIII.23.11-16; VIII.29.8-37.3; IX.7.12-14; IX.15.9-11; XXII.33.9-35.7; XXII.57.9; XXIII.23.9-24.5; XXV.2.3-5; XXVII.4.1-3; XXVII.5.1-19; XXVII.219.1-6; XXVII.33.6-35.1; XXVIII.10.1-2; XXIX.10.2-3; XXIX.11.9-11; XXX.24.3; XXX.26.12; *Suet.* Tib.3.1; *Plin.* Nat. Hist. 7.132; *Val. Max.* I.15; *Plut.* Marc.V.4,12,14.

¹⁷⁶ *Jahn J.* Op. cit. S.12.

татор, интеррекс или диктатор. Но в таком случае возникает вопрос: имел ли диктатор больше возможностей для влияния на исход выборов по сравнению с консулом или интеррексом? Этот вопрос, в свою очередь, упирается в другой: сколь велика была при проведении выборов высших ординарных магистратов роль председательствующего в комициях? Традиционно в историографии были представлены по этому поводу различные точки зрения. Одни авторы вслед за Й.Рубино отдавали приоритет в этой процедуре председателю, другие вслед за В.Беккером — народу, третьи же, соглашаясь с Т.Моммзеном, считали выборы совместным действием председателя и народного собрания¹⁷⁷ Мы согласны с формулировкой Фюстель де Куланжа, что итоги выборов были тесно связаны с действиями председателя¹⁷⁸ Магистрат, проводивший избрание консулов, наблюдал ночью знамения на каждого кандидата, а на собрании называл только имена тех, кому, по его мнению, предвещения благоволили. За другие кандидатуры подавать голоса запрещалось (Dionys.IV.84.). Если же некоторые центурии подавали голоса за иных претендентов, то проводивший комиции имел право *popem pop rescipere in suffragium revocare*. Веллей Патеркул (П.ХСП.4) также сообщает, что проводивший выборы мог не провозглашать консулом получившего большинство голосов в народном собрании, т. е. простым способом влияния на выборы было *pop renuntiare* (Val. Max. III.8-3). Поэтому мы позволим себе не согласиться с мнением А.Джиованнини, что председатель не мог препятствовать кандидату¹⁷⁹ Предлагать кандидатуру от своего имени председатель не имел права, но он мог ограничить количество кандидатов в консулы двумя именами, и вероятность избрания устраивающих сенат лиц была очень высока. Почти всегда находилось достаточно граждан, чтобы избрание состоялось. Случаи, когда народ в массе своей отказывался от подачи голосов в такой ситуации, были не частыми. Йоахим Ян, основываясь на механизме консульских выборов, даже делал вывод, что избрание новых должностных лиц до конца республики фактически проходило «в

¹⁷⁷ *Giovannini A. Magistratur. .S.417-418.*

¹⁷⁸ *Фюстель де Куланж. Указ. соч.С.167-169.*

¹⁷⁹ *Giovannini A. Magistratur. .S.426.*

форме назначения через предшественников»¹⁸⁰ А.Джиованнини не согласен с таким утверждением, ссылаясь на то, что диктатор не был предшественником консула по должности, так же как они не были преемниками друг друга¹⁸¹. На наш взгляд, независимо от того, как рассматривать положение консула и диктатора относительно друг друга, следует признать, что роль председателя при проведении выборных комиций была велика.

Что же касается особой роли председателя-диктатора, то мнения в современной историографии также расходятся. «Диктатор мог в этом отношении в противоположность интеррексу осуществлять большее влияние на исход выборов», считал Йоахим Ян¹⁸². Действительно, результаты выборов под руководством диктатора неоднократно состояли в том, что его помощник *magister equitum* избирался консулом (в III в. в 216, 213, 207, 203, 202 гг.), а в ряде случаев консулом становился и сам диктатор, например Луций Фурий Камилл (Liv.VII.24.11.) и Квинт Фульвий Флакк (Liv.XXII.6.3-11). Однако Рольф Рилингер попытался опровергнуть этот вывод Й. Яна, полагая, что все случаи избрания начальников конницы на консульские должности приходятся на период ведения войны, когда были просто учтены их заслуги как военачальников. По его мнению, никаких технических возможностей у диктатора для особого влияния на исход выборов не было, а следовательно, не было и этого влияния¹⁸³. Мы согласны с тем, что по источникам не прослеживаются формальные «технические» способы воздействия на голосующих со стороны именно председателя-диктатора. Но мы допускаем, что это воздействие осуществлялось не через специальные правовые нормы, а через *auctoritas*, пронизывавшую всю политическую жизнь Римской республики. Авторитет этот был в данном случае не только авторитетом собственно персоны диктатора, но и *auctoritas* стоящего за его спиной сената, приведшего диктатора к власти. Не приходится отрицать и ореол харизматического вождя, окружавший диктатора, что способствовало поддержке народом любых его действий.

¹⁸⁰ Jahn J. Op. cit. S.10.

¹⁸¹ Giovannini A. Magistratur... S.418.

¹⁸² Jahn J. Op. cit. S.53.

¹⁸³ Rilinger R. Der Einfluß... S.35,40,41.

Мы полагаем, что заинтересованность сената в проведении консульских комиций лояльным по отношению к нему магистратом имела место. Истинные намерения сената, поручавшего проведение выборов диктатору, а не интеррексу, становятся очевидными и на примере противоположных ситуаций, когда предпочиталось междуцарствие, а не *dictatura comitiorum habendorum causa*. В случае, если сенат не доверял диктатору, проведение консульских комиций поручалось интеррексу. Например, когда отбывал магистратуру первый плебейский диктатор Гай Марций Рутил, установили междуцарствие, поскольку «патриции не хотели, чтобы консульские выборы проводил диктатор или консул из простого народа» (Liv.VII.17.10). Пытался проводить консульские выборы и диктатор-плебей М. Клавдий Марцелл в 327 г. до н.э., но также последовало *interregnum* (Liv. VIII.23.11-16). Только в 280 г. впервые плебейский диктатор Домиций Кальвин успешно провел выборы консулов (Degrassi A. Op. cit. V.XIII.1. №40, 113, 428).

Таким образом, отделение функций проведения консульских выборов от «классической диктатуры» с полным империем было одновременно и периодическим изъятием соответствующих полномочий у высших ординарных магистратов. Заинтересованность в таком изъятии возникает у сената особенно с появлением плебейских консулов, – неспроста *dictatura comitiorum habendorum causa* возникла после 367 г. до н.э. Следовательно, главным мотивом появления особой формы диктатуры для проведения консульских комиций следует считать стремление сената более активно влиять на исход выборов (в рамках действующих правовых норм). Диктатура для проведения выборов использовалась патрициями как вполне конституционный способ не соблюдать закона Лициния – Секстия о паритете плебеев и патрициев в высшей ординарной магистратуре. Это явно заметно в первые пятнадцать лет после принятия закона Лициния – Секстия. Затем, с 340 г. до н.э., диктатура для проведения выборов перестает быть открыто выраженным патрицианским инструментом для отпора притязаниям плебеев на равноправие по отношению к консулату¹⁸⁴.

¹⁸⁴ *Hölkeskamp K.J.* Die Entstehung...S.120.

Естественно, что иногда сенату на консульских выборах, даже проводимых диктатором, все-таки не удавалось добиться желаемого (Liv. VII.22.10), но такие случаи были исключительными. Однако, если усилия сената привести к власти путем введения диктатуры патрицианских консулов встречали активное сопротивление народа (Liv. VII.21.1-3; VII.22.1-2), то сенат «общего согласия ради» (Liv. VII.21.4) назначал интеррекса и соглашался на соблюдение законов Лициния – Секстия. Видимо, сенат стремился соблюдать правила политической игры, и если провести «свою игру» в «рамках приличия» не удавалось, то до обострения ситуации дело не доводили.

Стремление контролировать занятие должностей исполнительной власти (а следовательно, и ее деятельность) проявилось и в совершенно необычном назначении диктатора с цензорскими полномочиями для составления списка сената (Liv. XXII. 22. 10-11). Это была странная диктатура, введенная в 216 г. до н.э. параллельно с исполнением должности традиционным диктатором с высшей военной и гражданской властью. При этом (исключительный случай) не сочли нужным даже назначить начальника конницы, но срок полномочий определили в полгода. Совершенно очевидно, что в данной ситуации мы наблюдаем аналогичную попытку временного изъятия полномочий (только на сей раз цензорских) тем же путем введения диктатуры *imminuto iure*.

Итак, изменения в целевом назначении диктатуры, происшедшие в 60-50 -х гг. IV в. до н.э., констатируются совершенно отчетливо. Первоначальная форма диктатуры, когда диктатору давался *summum imperium*, сохраняется, но параллельно ей начинает функционировать (до конца существования магистратуры) диктатура с ограниченными полномочиями. Диктатор с неограниченной властью назначается все реже (между 301 и 217 гг. в фастах называется только одна диктатура *rei gerundae causa* – для 249 г.¹⁸⁵), а после Второй Пунической войны магистратура прекращает свое функционирование.

Безусловно, такое «изживание» чрезвычайной должности связано прежде всего с тем, что Рим завоевывает мировое господство

¹⁸⁵ CIL. Vol.1². P.24.

и угроза агрессии для самой римской общины тем самым сходит на нет. Наряду с ликвидацией внешнеполитических причин отпадают и внутривнутриполитические. Эмансипация плебеев постепенно приводит к созданию более однородного в политическом отношении гражданского коллектива, и сохраняющиеся противоречия не выливаются в остроконфликтные формы борьбы. Понятие *concordia* как важнейший принцип поддержания внутренней стабильности общины было реализовано. Названные факторы развили тенденцию к демократизации общественно-политической жизни, которая заложена в самой сути античного полиса, и в таких условиях введение диктаторской власти при внутренних противоречиях воспринималось бы отрицательно в социально-психологическом плане – как нежелательное авторитарное ограничение существующего порядка. С развитием полисных структур управления теряется и прежний пиетет к диктаторской власти, воспринимавшейся поначалу наследницей царского империя (и бывшей таковой в действительности). Это проявилось в том, что к концу III в. до н.э. по отношению к диктатору можно было демонстрировать неуважение, обвинять его публично (Liv.XXII.25.3-11), требовать согласования кандидатуры диктатора с народным собранием (Liv.XXVII.5.16-17; Plut. *Maec.* XXV), а также в попытках превратить начальника конницы в коллегу диктатора или ввести одновременно диктатуру двух лиц (Liv.XXII. 27.3; XXIII.22.10).

Что же касается отделения от исходной формы полномочной диктатуры определенных функций, то этот процесс целесообразно рассматривать в контексте укрепления позиций сената в системе государственной власти Римской республики. Как мы видели, сенат пытался, опираясь на традицию введения диктатуры, конституционным способом проводить свое влияние на деятельность высших ординарных магистратов. Формирование нобилитарного характера римской политической системы отчасти следует связать и с теми нитями власти, которые были протянуты от сената к магистратурам, особенно к чрезвычайным. Прекращение же функционирования диктатуры *imminuto iure* было обусловлено отсутствием прецедентов введения первоначальной формы диктатуры. Только при ее сохранении, на ее фоне, сенат мог вводить «усеченную» диктатуру, преследуя при этом корпоративные цели.

Диктатура «с компетенцией» не имела особых правовых основ для своего функционирования, по юридической сущности она была той же формой диктатуры *optima lege*, но правовой статус ее на практике не полностью реализовался. «Отпочкование» диктатуры *imminuto iure* произошло в силу политических причин, а не изменения правового механизма деятельности магистратуры. Это подтверждается, во-первых, фактом параллельного функционирования «полноценной» диктатуры *rei gerundae causa*, а во-вторых, примерами, когда диктаторы «с уменьшенными правами» действовали как носители *summum imperium* (Liv. VII.3.9; XXVII.6). Так, в 363 г. до н.э. диктатор, назначенный для сакрального обряда вбития гвоздя, решает вести войну и объявляет набор; в 210 г. до н.э. диктатор для проведения консульских комиций назначает и перемещает командующих войсками. В 203 г. диктатор для проведения выборов¹⁸⁶ отзывает консула (Liv. XXX.24.3-4). Нам представляется верным и наблюдение Ульриха фон Любтова: «то, что при диктаторах с невоенной специальной компетенцией находились *magistri equitum*, не было лишено смысла; это объясняется тем, что полномочия ведения войны для них правовым образом ограничены не были»¹⁸⁷

Формы диктатуры *imminuto iure* были таковыми только по способу практического осуществления диктаторами своих полномочий, а не результатом изменения конституционных основ деятельности диктатуры (ее «юридического каркаса», по определению Н.Н. Трухиной¹⁸⁸). «Империй диктатора не имел юридически действенных ограничений определенным делом, он мог быть ограничен только фактическим исполнением... Поэтому также и специальный диктатор имел *de iure* неурезанный империй»¹⁸⁹ Эти формулировки У. фон Любтова, единственного автора до Н.Н. Трухиной (сделавшей те же выводы независимо от него), кто четко сказал о том, что диктатура с компетенцией правовым образом не была ограничена, мы деликом и полностью разделяем,

¹⁸⁶ Degrassi A. Op. cit. V. XIII.1. №46-47.

¹⁸⁷ von Lübtow U. Die Römische... S.116.

¹⁸⁸ Трухина Н.Н. Указ. соч. С.116.

¹⁸⁹ von Lübtow U. Die Römische... S.113, 114.

ибо пришли к ним до ознакомления с его статьей и рукописью Н.Н.Трухиной.

Таким образом, мы полагаем, что широко распространенный взгляд на изменение магистратуры, заключающийся в представлении о вырождении к середине IV в. до н.э. полномочной диктатуры и превращении ее в орган с юридически ограниченной компетенцией, нуждается в корректировке. Мы не можем согласиться с имеющимися в отечественной литературе утверждениями о том, что «вместе с изменением компетенции менялся и характер, и государственно-правовое положение диктаторов»¹⁹⁰ Полномочная должность диктатора к середине IV в. не была ликвидирована, она сохранилась и *de iure* и *de facto*, а «усеченные» ее формы имели место только *de facto*, вводились параллельно существованию диктатуры *optima lege* и только пока последняя сохраняла жизнеспособность по конституционным основаниям. Государственно правовой статус магистратуры диктатора не изменился: диктатура в форме *optima lege* внутренне не эволюционировала (она была застывшим в своих архаичных формах институтом, хотя изменялось ее общественное восприятие), а «отпочковавшиеся» от нее в интересах сената диктатуры с определенными при провозглашении кратковременными целевыми функциями не имели особого правового статуса.

На основе приведенных в данном параграфе рассуждений можно также сделать вывод об ошибочности идущего от Т.Моммзена и встречающегося во многих работах тезиса о том, что «понятие компетенции в форме ограничения определенным делом... в противоположность консулату принадлежит к сущности диктатуры»¹⁹¹ На наш взгляд, диктатура (даже в большей степени, чем консулат) никогда правовым образом не была стеснена выполнением определенной узкой задачи – это относится не только к диктатуре *optima lege*, но и к диктатуре *imminuto iure*.

¹⁹⁰ Чеканова Н.В. Указ. соч. С.21.

¹⁹¹ Leifer F. Op. cit. S.103.

Глава 3

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ ДИКТАТОРА

3.1 Юридические нормы приведения диктатора к должности

В юридических процедурах передачи власти диктатору были задействованы такие органы, как сенат, консулы (или военные трибуны с консульской властью) и куриатные комиции. Поэтому необходимо выяснить роль каждого из них. Во-первых, следует ответить на вопрос, от кого зависело назначение диктатора, а во-вторых, от кого зависел выбор для этой должности конкретного лица.

Ряд исследователей называли необходимым условием назначения диктатора предварительное сенатское постановление¹⁹²; некоторые авторы предположительно замечали о его существовании¹⁹³; третьи же отрицали его обязательность¹⁹⁴.

Источники свидетельствуют, что инициатором введения диктаторского правления выступал сенат. Тит Ливий обычно отмеча-

¹⁹² *Becker W.A.* Op. cit. S.157; *Schwegler D.U.* Op. cit. S.122; *Lange L.* Op. cit. S.749; *Nissen A.* Op. cit. S.62-63; *Хвостов В.М.* Указ. соч. С.26;

¹⁹³ *Siber H.* Römische Verfassungsrecht. .S.108.

¹⁹⁴ *Mommsen Th.* Römische. .S.132; *Karlowa O.* Op. cit. S.212; *Herzog E.* Op. . S.719.

60 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

ет (Ш.26.9; IV.26.5; IV.46.10; IV.56.8-9; V.46.10; VII.19.9; VIII.12.12; VIII.16.12; VIII.17.6; VIII.23.13; IX.7.12; IX.29.3; IX.38.9 и др.), что сенат приказал или решил назначить диктатора (*senatus dictatorem dici iussit; patribus placet; mandate senatus; censuerunt* и т.п.), либо по этому поводу принимается сенатское постановление (*senatus consultum*). Правда, по описанию Ливия, в трех случаях о намерении назначить диктатора заявлял консул, и нет предварительного упоминания о сенатском решении. Вместе с тем, для ситуации 439 г. (Liv. IV.13.12) ясно, что мнение сенаторов по поводу введения чрезвычайной магистратуры уже сформировалось, о чем говорит их позиция критики консулов, ранее изложенная Ливием (IV.13.10). В 361 г. до н.э. консул Лициний назначает диктатора и нет указаний на распоряжение сената (Liv. VII.9.4). Но поскольку в данном случае для самого Ливия не были ясны причины введения диктатуры, то, вероятно, и о других обстоятельствах ее функционирования он был не осведомлен. По существу, только в одном случае, в период войны с Ганнибалом, мы видим инициативу консула провозгласить диктатора для проведения выборов, но, тем не менее, его решение должно было получить одобрение сената. Об этом свидетельствует приведенное Ливием характерное высказывание консула: «*si patribus videretur*» (Liv. XXIX.10.2.). Видимо, следует согласиться с формулировкой Цицерона: «диктатор избирается, если постановит сенат» (Cic. De leg. III.9).

Процедура провозглашения диктатора входила в консульские обязанности. Сенат давал приказание одному из консулов назвать диктатора (*dictatorem dicere, facere, creare, legere, nominare*). Если сенат не обращался конкретно к одному из коллег, то консулы сами должны были прийти к согласию, а если не приходили к нему, то право объявления диктатора определяли по жребию (Liv. IV.26.11; Dionys.V.39.71). Вероятно, что консул, который при выборах был *primus repunctiatus*, имел преимущественное право назначать диктатора, так как в фастах (в которых, судя по всему, учитывалась очередность избрания при перечислении имен высших должностных лиц) первым обычно называется консул, провозглашавший диктатора. Поскольку первыми на выборах обычно объявлялись патри-

цианские консулы¹⁹⁵, то, по-видимому, сенат чаще и обращался к ним с призывом назначить диктатора.

Если в момент принятия решения о введении диктатуры консулы отсутствовали в Риме, то сенат либо требовал возвращения в город одного из них (Liv. VII.12.9; VII.19.9; Dionys.V.23), либо направлял посланцев с письмом, в котором передавалось решение о назначении диктатора прямо в военном лагере (Liv. VII.21.9; VIII.23.13; IX.38.13). При этом, если консулы находились в походе вместе, то назначать диктатора должен был *cuius tum fasces erant* (Liv. VIII.12.13).

Согласия коллеги при провозглашении диктатора высшим ординарным магистратом не требовалось. «Veto» товарища по должности не допускалось (Liv. IV.57), поэтому считать для данного акта коллегиальную интерпессию возможной (как это делал Л. Ланге¹⁹⁶) оснований нет. Не зафиксировано в источниках и случаев объявления диктатора через обоих консулов, как полагал Г. Шиллер¹⁹⁷

Диктаторы, провозглашенные не в Риме, а в военном лагере, появляются с 352 г. до н.э. Рассказывая о назначении диктатора этого года, Ливий особенно выделяет место его объявления – «dictus in castris – eo enim ad consules missum senatus consultum est» (Liv. VII.21.9). Начало в 352 г. новой практики назначения подчеркивал Э.Херцог¹⁹⁸

Независимо от того, в Риме или военном лагере происходило назначение *magister populi*, территория, на которой это осуществлялось, должна была относиться к *Ager Romanus*¹⁹⁹ Однако Ливий сообщает и о провозглашении диктаторов явно не на территории старого римского поля: на земле сидицинов (VIII.16,17), в Самнии (VIII.23), в Этрурии (IX.38). Поэтому возможно, что в середине IV в. до н.э. из-за удаления военных действий от Рима появился

¹⁹⁵ Rilinger R. Der Einfluß... S.31.

¹⁹⁶ Lange L. Op. cit. S.750

¹⁹⁷ Schiller H. Weltgeschichte. B.1. Geschichte des Alterthums. Berlin und Stuttgart, 1900. S.403.

¹⁹⁸ Herzog E. Op. cit. S.727.

¹⁹⁹ Mommsen Th. Römisches... S.135; Lange L. Op. cit. S.751; Karlowa O. Op. cit. S.213; Liebenam W. Op. cit. Siber H. Römisches Verfassungsrecht ... S.103.

62 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

обычай объявлять участок вражеской территории *Ager Romanus*. Однако от старого правила отступали неохотно в IV в. до н.э. известны всего пять случаев избрания в военном лагере (352,349, 334,327,310 гг.).

Стремление провозгласить диктатора в городской черте отчасти, видимо, объяснялось религиозными соображениями, придававшими особую законность назначению в пределах *romerium*. Но несомненны и политические мотивы. Консул, объявляя диктатора в Риме, находился под непосредственным контролем сената, который мог аннулировать результат *dictio* посредством протеста *авгуров*, всегда готовых найти в исполнении обряда формальные ошибки (формула «*vitio creatus*»)²⁰⁰ Скорее всего, именно из-за политических соображений в 216 г. Варрона дважды вызывали в Рим для провозглашения диктатора (Liv. XXII.57; XXIII.22). Опротестовать выбор, произведенный в лагере, было труднее, так как «в лагере консулов не было ни одного *авгура*»²⁰¹ Такие протесты имели место, но они вызывали бурный скандал (Liv. VIII.23.15).

Появление в середине IV в. до н.э. диктатуры *imminuto iure* не изменило требования к месту назначения диктатора, им оставалась территория Италии. В III в. до н.э. преобладала практика назначения диктаторов «с уменьшенным правом» в военном лагере (Liv. XXII.33; XXV.2; XXVII.5-6; XXVII.33; XXIX.10-11). Таким образом, очевидно, что консулы могли назначать диктатора, только находясь в пределах Италии, что четко и передает Ливий (Liv. XXVII.5.15), и по традиции этому правилу следовали довольно строго. Мы не можем согласиться с комментарием В.М.Смирин и Г.П.Чистякова к XXVII книге Ливия, которые в связи с ситуацией назначения диктатора в 210 г. до н.э. (когда консул Марк Валерий накануне провозглашения диктатора тайно отбыл в Сицилию) пишут: решение народа было проведено при посредстве второго консула Марка Клавдия Марцелла, который, судя по всему, и не приезжал для этого в Рим. Такое нестрогое отношение к правовой стороне дела при подчеркнутom внимании к

²⁰⁰ Трухина Н.Н. Указ. соч. С.82

²⁰¹ Сморчков А.М. Сакральные основы римской *civitas*. Дис. . . канд. ист. наук. М., 1991. С.108.

ней примечательно»²⁰². Никакого увиденного комментаторами «нестрогого отношения» в данном случае нет: Марцелл был в Италии (он теснил Ганнибала) и мог объявить диктатора в военном лагере, не прибывая для этого в Рим, а его коллега, находясь в Сицилии, не мог этого сделать.

Единственное исключение из названного правила, зафиксированное источниками, это назначение диктатора вне пределов Италии в запутанной ситуации 249 г. до н.э. (Liv. Per. XIX; Dio Cass. XXXVI.77), когда диктатора М. Клавдия Глицию, бывшего «homo ultimae sortis», сменяет другой Авл Атилий Калатин.

Возможно ли было заочное (в отсутствие претендента) объявление диктатора? Исследователи отвечали на этот вопрос по-разному. Например, И.Мадвиг утверждал, что заочное избрание невозможно²⁰³; Т.Моммзен и некоторые другие авторы придерживались противоположного мнения²⁰⁴. Определенную источниковую опору для второго взгляда дает Дионисий, говоря о заочности выбора Камилла и Цинцинната. Однако у Дионисия одинаковый рассказ о призвании Цинцинната от плуга к высшей magistrature повторяется дважды – к консульской должности в 460 г. и диктаторской в 458 г. (Dionys. X.17,22-23), что заставляет усомниться в надежности его данных.

Против заочного назначения диктатора свидетельствуют события 210 г. Консул, находясь в Риме и желая вручить диктаторские полномочия коллеге, не делает этого, видимо, ввиду отсутствия последнего (Liv. XXVII.5). Судя по всему, заочное провозглашение диктатора было невозможно.

Консул, уполномоченный объявить чрезвычайного магистрата, должен был в ближайшую за сенатским постановлением ночь провести ауспиции и назвать имя диктатора. Он совершал птицегадания в тишине и одиночестве с тем, чтобы, как отмечал К.В. Нич, избежать непосредственных личных влияний²⁰⁵. Но несмотря на то, что никто при этом не присутствовал, авгуры иногда обвиняли

²⁰² Смирин В.М., Чистяков Г.П. Комментарии // Ливий Тит. Указ соч. Т.2. М., 1991. С.498.

²⁰³ Madvig J.N. Op. cit. S.489.

²⁰⁴ Mommsen Th. Römisches... S.135; Liebenow W. Op. cit. S.379.

²⁰⁵ Нич К.В. Указ. соч. С.60.

64 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

консулов в ошибках при совершении ауспиций (например из-за неправильно установленной палатки²⁰⁶). Особенно это имело место до принятия в 300 г. до н.э. закона Огульниев, когда авгурами были только патриции. Однажды они объявили о нарушениях в птицегаданиях, будучи недовольны тем, что диктатор плебей (Liv. VIII.23.14-16).

При протестах со стороны авгуров назначение диктатора аннулировалось, другие же возражения во внимание не принимались. Поэтому вполне закономерно А.Хойс назвал авгуров «экспертной коллегией для общих ауспиций»²⁰⁷. Еще Й.Марквардт указывал на политическую власть коллегии авгуров²⁰⁸, но следует добавить, что, вероятно, подобная деятельность авгуров направлялась сенатом.

Диктатор мог провозглашаться одним из консулов, но не претором и не интеррексом. Плутарх, говоря о подобной роли претора (Plut. Marc. XXIV), заблуждался. Претор не мог даже председательствовать в избирательных консульских комициях. Также ошибался и Дионисий, сообщая о выборах через интеррекса (Dionys. XI.20). Дионисий не знал ни тонкостей избрания диктатора, ни сути интеррегнума, что ясно видно из его текста (Dionys. XIII.6; VIII.90). Провозглашение впоследствии диктатором Цезаря через претора и Суллы через интеррекса не имело оснований в традиционных правовых нормах раннереспубликанской диктатуры. Никогда диктатор не назначался и через другого диктатора.

Наличие у консулов права провозглашения диктатора часто связывают с наделением их возможностью ауспиций, противопоставляя им при этом не наделенных правом птицегаданий военных трибунов с консульской властью, которые только с разрешения авгуров назначали диктатора²⁰⁹. Вместе с тем, само по себе наличие права ауспиций не давало оснований *dictatorem dicere*. Если считать, что ауспиции могли совершать все магистраты с империем²¹⁰, то преторы, наделенные им, тем не менее, как мы

²⁰⁶ Сморгнов А.М. Указ. соч. С.111. Heuß A. Gedanken... S.389 (15).

²⁰⁷ Heuß A. Gedanken. .S.389 (15).

²⁰⁸ Marquardt J. Handbuch der römischen Alterthümer. B.3. Leipzig. 1878. S.383.

²⁰⁹ Боданская Н.Е. Комментарии // Ливий Тит. Указ.соч. Т.1. С.538.

²¹⁰ Хвостов В.М. Указ. соч. С.45.

отмечали, правом объявления диктатора не были облечены. Видимо, следует признать провозглашение диктатора прерогативой высших ординарных магистратов, которыми, безусловно, в отсутствие консулов являлись *tribuni militum consulari potestate*. Такой способ вручения чрезвычайной власти через высшего магистрата, а не через избирательные комиции, с одной стороны, позволял в критической обстановке оперативно прибегнуть к экстраординарной магистратуре²¹¹. С другой же стороны, немаловажным обстоятельством такого порядка назначения диктатора было обеспечение сенату если не исключительного, то очень сильного влияния на диктатуру. При провозглашении диктатора мнение народа обычно не учитывалось – это обстоятельство подчеркивали Генрих Зибер и Макс Казер²¹²

Таким образом, провозглашение диктатора имело в своей основе приведение в действие следующего правового механизма: инициатива и постановление сената, исполнение консулом (или военным трибуном с консульской властью). Приход диктатора к власти не в результате этого взаимодействия встречается в источниках как исключение в период Второй Пунической войны. В 217 г. до н.э., когда один консул был убит, а другой находился далеко в Галлии и пути к нему были отрезаны карфагенянами (*Liv. XXII.31.8-10*). Античные авторы подчеркивают, что избрание диктатора Квинта Фабия Максима народом случай дотоле небывалый (*Liv. XXII. 8.6; Polyb. III.87.6-8*). На каких комициях избрали Фабия? Ответ на этот вопрос для большинства исследователей очевиден: на центуриатных²¹³. Только Л.Ланге называл в этой связи трибутные комиции²¹⁴, что, на наш взгляд, исключается, поскольку они не избирали высших магистратов. Передав право назначения диктатора народу, сенат, по

²¹¹ *Пассек Е.В.* Пособие к лекциям по истории римского права. Юрьев, 1906. С.104.

²¹² *Ziber H.* *Römisches Recht...* S.24; *Kaser M.* *Op. cit.* S.44.

²¹³ *Scullard H.H.* *Roman politics...* P.56.

²¹⁴ *Lange L.* *Op. cit.* S.752.

66 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

верному наблюдению Х. Бенгтсона, сам отказался от своих прерогатив²¹⁵

Народное собрание повлияло на назначение диктатором Квинта Фульвия в 210 г. до н.э.: сенат решил, что консул должен спросить на комициях, кого народ желает видеть диктатором, но провозгласил его консул (Liv. XXVII. 5.14-19; Plut. Marc. XXV).

Итак, принципиальное решение о введении чрезвычайной магистратуры входило в компетенцию сената, консул же должен был торжественно объявить диктатора. Но даже теоретически можно предположить ситуацию, при которой консул не подчиняется сенату в его приказании *dictatorem dicere*. То, что эта ситуация оказывалась реальной, свидетельствуют изложенные Ливием события 431 г. до н. э. Разрешение конфликта было следующим. Сенат обратился к плебейским трибунам, чтобы те заставили консулов провозгласить диктатора. Трибуны пригрозили заточить консулов в тюрьму, и те подчинились (Liv. IV.26.5-10). В 210 г. до н.э. консул также отказался провозгласить диктатора, тогда назначение произвел его коллега (Liv. XXVII.5.14-19). Сенат, следовательно, находил способы давления на консулов, если те почему-либо противились назначению диктатора.

Tribuni militum consulari potestate, также в одном известном случае (Liv. IV.56.9-11), не согласились с сенатским постановлением о назначении диктатора. Вероятно, это произошло потому, что ущемлялись их права как военачальников и ставились под сомнение их полководческие таланты. Сенат в этом случае оказал давление на военных трибунов через трибунов плебейских, используя их право *coercitio*. К тому же «персональный нажим» на военных трибунов неизбежно должен был иметь больший успех, чем на консулов, вследствие того, что военных трибунов было больше и, соответственно, легче было подорвать единство их действий.

Из вышеизложенного вытекает, что сенат имел возможность реализовать свое право введения диктаторского правления даже при первоначальном несогласии высших ординарных магистратов. Более того, при обострении отношений сената с консулами или воен-

²¹⁵ Bengtson H. Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. München, 1970. B.1. S.99.

ными трибунами (а также при наличии раздоров между коллегами) сенат угрожал им назначением диктатора (Liv.IV.26.6; V.9.6).

Итак, консул называл после ауспий имя диктатора, но от него ли зависел выбор конкретного лица для этой должности? Т.Моммзен отвечал на этот вопрос утвердительно: «На выбор диктатора община не имела никакого влияния; он исходил из свободной воли одного из временных консулов, которому не могли в этом помешать ни его соправитель, никакая другая общественная власть»²¹⁶ Близким к этой точке зрения было и мнение И.В.Нетушила, который считал, что сенат только распоряжался относительно избрания диктатора, а само это избрание зависело от консула²¹⁷

Но так ли уж свободна была воля консула при провозглашении диктатора? В источниках содержатся свидетельства предварительной обусловленности сенатом решения консула о предоставлении диктаторских полномочий конкретному человеку. У Ливия и Дионисия имеются об этом прямые упоминания (Liv.IV.23.5; IV.46.10; VIII. V.46.10; VIII.15.6; VIII.17.3; IX.29.3; Dionys. V.71). В «Истории» Ливия есть и косвенные, но достаточно красноречивые сведения о том, что сенатом осуществлялся персональный выбор диктатора. Так, в 298 г. до н.э. сенат собирался назначить диктатором Марка Валерия, но все центурии объявили его консулом (взамен погибшего), и сенат вообще отказался от назначения диктатора (Liv. X.11.3-4). В.А.Беккер даже полагал, что *senatus consultum* уже содержал имя человека, которого сенат хотел провозгласить диктатором²¹⁸ Так или иначе, Плутарх недаром говорит о назначении диктатора сенатом, не упоминая консула (Plut. Cam. XXXIX.). Иногда кандидатура на должность *magister populi* обсуждалась на совещании сената с консулами (Liv. IV.21.9; VII.6.12). И только в единичных случаях из текста Ливия следует, что консул назначил на чрезвычайную должность (вопрос о ее введении сенатом был уже решен) явно нежелательное для сената лицо: в 356 г. по-

²¹⁶ Моммзен Т. Указ. соч. С.252. Изложение взглядов Т.Моммзена по этому поводу см. также: Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1894. С.125.

²¹⁷ Нетушил И.В. Первый... 1907. Ч.VII. С.38.

²¹⁸ Becker W.A. Op. cit. S.157-158.

68 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

явление первого диктатора-плебея (Liv. VII. 17. 6-7); в 339 г. до н.э. сенат прибег к диктатуре из-за недовольства обоими консулами, а один из них назначил диктатором своего коллегу (Liv. VIII.12.12-13); возможно, в 326 г. до н.э. (Liv. VIII.23.14-16); а также в 249 г. (Degrassi A. Op. cit. V.XIII. 1. P.43), когда в пику сенату отозванный за поражение и нарушение ауспий консул П.Клавдий Пульхр провозгласил диктатором Клавдия Глицию (Liv. Per. XIX.), бывшего писца (CIL. V.1². P.24) или посыльного (viator) (Suet. Tib.2), возможно сына вольноотпущенника²¹⁹.

Итак, по нашему мнению, реальный выбор кандидатуры на должность диктатора осуществлял сенат, и только формально за него отвечал консул. Этот вывод подтверждается также фактом назначения консулом на должность диктатора личного врага, как это было в 310 г. до н.э., когда Квинт Фабий провозгласил диктатором Луция Папирия Курсора²²⁰. Посланцы сената, передавшие Фабию постановление, уговаривали его провести это назначение, стоившее ему, по словам Ливия, тяжких душевных мук (Liv.IX.38.9-14). Приведенный пример красноречиво свидетельствует, что о самостоятельной роли консула при выборе конкретного лица на должность диктатора (и даже о взаимном согласии консула с сенатом²²¹) говорить не приходится. По существу, это признавал и Т.Моммзен, несмотря на приведенное выше категоричное утверждение. Л.Ланге замечал, что влияние сената на выбор персоны диктатора было нередким²²². К.Й. Хелькескамп подчеркивал, что «сенат всегда давал знать консулу, кого конкретно нужно назначить диктатором»²²³. У. фон Любтов формулировал близкий тезис следующим образом: «сенат часто обозначал персону называемого диктатора, но он не имел, конечно, права ее предложения»²²⁴. Наиболее четко вывод о том,

²¹⁹ Bandel F. Op. cit. S.120; Hölkeskamp K.J. Senat und Volkstribunat. .S.442.

²²⁰ Папирий, будучи диктатором в 325 г. до н.э., чуть было не казнил Фабию, являвшегося при нем начальником конницы (Liv.VIII. 32.10-12), – см. с.82.

²²¹ Dulckeit G. Op. cit. S.27.

²²² Lange L. Op. cit. S.752.

²²³ Hölkeskamp K.J. Senat. S.443.

²²⁴ von Lübtow U. Die Römische...S.108.

что, провозглашая диктатора, консул следовал инструкции сената, выступая только его исполнительным органом, делал Й.Бляйкен²²⁵

Подчеркивая безусловное влияние сената на выбор персоны диктатора, мы, вместе с тем, отмечаем, что это влияние основывалось не столько на законе, сколько на авторитете обычного порядка (*mos maiorum*). Юридически высший ординарный магистрат имел решающее слово при назначении диктатором конкретного человека, но на практике это, как правило, определял сенат. Механизм назначения диктатора регулировался не менее обычаем, чем законом.

Был ли законодательно ограничен каким-либо предварительным условием круг претендентов на должность диктатора? Тит Ливий сообщает, что было предписано избирать диктатора из бывших консулов (П.18.5). Некоторые исследователи, опираясь на это сообщение, считали такой порядок обязательным²²⁶ Однако подобное постановление или вовсе не соблюдалось или же применялось после начала III в. до н.э. Довольно долго не избирали диктаторов из плебеев, до 356 г. до н.э., когда в эту должность вступил Гай Марций Рутил (Liv, VII.17.6).

После того как имя диктатора называлось, процедура вступления в должность была сопряжена с утверждением его на куриатных комициях. Согласно Ливию (IX.38.15), предварительно диктатор проводил ауспиции, поэтому первой его задачей, как отмечал В. Ине, было заручиться поддержкой богов²²⁷ По мнению А.Джиованнини, ауспиции давались магистрату на основе куриатного закона²²⁸, следовательно, до его принятия их проведение было невозможным. Так или иначе, *lex curiata de imperio* (диктатор сам вносил его на комиции) придавал власти диктатора законный характер и, как под-

²²⁵ Bleicken J. Die Verfassung S.90.

²²⁶ Шулин Ф. Учебник истории римского права / Пер. И.И.Шукина под ред В.М.Хвостова. М.,1893. С.60.

²²⁷ Ihne W. Op. cit.S.180.

²²⁸ Giovannini A. Magistratur...S.434.

70 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

черкивал И.А.Покровский, религиозную санкцию²²⁹ При внесении куриатного закона в комиции обращалось внимание на предзнаменования²³⁰. Как исключение, в 390 г., в условиях галльского нашествия, куриатный закон о наделении империем диктатора Камилла был проведен в его отсутствие (Liv. V.46.10,11).

Адольф Ниссен полагал, что куриатный закон об империи наделая магистрата военной властью и нужен был для того, чтобы гражданское должностное лицо превратить в полководца²³¹. Соглашался с военным характером *lex curiata* и Альфред Хойс²³² Однако, на наш взгляд, высшая военная и гражданская власть кумулировались в понятии *imperium* в неразрывном единстве. Империй олицетворял полномочия магистрата одновременно и в сфере *domi* и в сфере *militiae*. Поэтому вполне закономерно, что одобрение курий получали и диктаторы *imminuto iure*. Отрицать для них *lex curiata* нет никаких оснований, хотя в источниках прямо об этом не говорится. Однако косвенные данные имеются. Так, в 217 г. диктатор *comitiorum habendorum causa* и его начальник конницы сложили с себя полномочия, так как были неправильно избраны и утверждены (Liv. XXII.33.11). Поскольку у Ливия использован глагол *iubere*, означающий утверждение в комициях²³³, то, следовательно, речь идет о куриатном законе.

Соглашаясь с Францем Виаккером, что куриатный закон об империи не означал выборы магистрата народом²³⁴, отметим важность его исполнения с точки зрения юридических норм и традиций, поскольку он был, несомненно, унаследован от царской эпохи. Попытки вывести более «древнее» его происхождение не предста-

²²⁹ Покровский И.А. Указ. соч. С.78.

²³⁰ Например, Луций Папирий в 310 г. до н.э. перенес утверждение закона о своей власти, т.к. при определении по жребию порядка голосования курий первой выпало голосовать Фавцийской курии, которая начинала голосование при двух печально закончившихся событиях. Поэтому диктатор заново проводил птицегадание и повторно предлагал *lex curiata* на следующий день (Liv.IX.38.15).

²³¹ Nissen A. Op. cit. S.60-61.

²³² Heuß A. Zur Entwicklung...S.73.

²³³ Целлер М. Указ. соч. С.60.

²³⁴ Wieacker F. Op. cit. S.224.

вляются убедительными. Так Р.Штарк, в традициях «индогерманской» гипотезы этногенеза в античности, основой *lex curiata* считал взаимную присягу на верность правителя и дружины в предшествовавшем римскому индогерманскому обществе²³⁵

Известно, что в период поздней республики, проведение *lex curiata* (при выборе ординарных магистров) было формальным актом, при котором присутствовали только ликторы тридцати курий²³⁶. В раннереспубликанское время куриатный закон также имел процедурное значение (отрицательное решение в отношении его, комиции, видимо, не выносили). Однако считать роль *lex curiata* совершенно незначительной (и тем более лишенной всякого практического смысла²³⁷) неправомерно. То, что с современной точки зрения лишено политического и практического смысла, для римлян было наполнено уважением к традициям, представлением об устойчивости *civitas*, религиозным значением совершаемых действий.

Итак, анализ правового механизма вступления в должность диктатора в Риме в V-III вв. и его политической реализации позволяет сделать вывод, что по сути – это назначение по решению сената кандидатуры, устраивавшей сенат. Недаром Дионисий (V.70) так передает содержание сенатусконсульта о диктатуре: «гражданин, которого назначает сенат и признает народ». Роль консула, юридически важная в этой процедуре, на практике сводилась к объявлению экстраординарного должностного лица, а куриатных комиций – к утверждению вносимого диктатором закона о вручении ему империя. Диктатор не избирался, а назначался²³⁸. Поэтому термин «выборы» диктатора является не вполне корректным, хотя он может употребляться, так как формальное участие комиций в решении этого вопроса путем голосования куриатного закона было предусмотрено.

²³⁵ Stark R. Op. cit. S.208-209.

²³⁶ Bleicken J. Zum Begriff... S.269.

²³⁷ Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование. Т.1. Спб., 1875. С.5.

²³⁸ Täubler E. Ausgewählte Schriften zur alten Geschichte. Stuttgart, 1987. S.222.

72 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

3.2 Сложение диктаторских полномочий

Магистратура диктатора при всем огромном объеме полномочий была краткосрочной (*sementris*). Согласно Дионисию, власть диктатору на шесть месяцев дает закон (*уоμος*) Dionys.X.25. Ульрих фон Любтов полагал, что этим законом был *lex de dictatore creando*²³⁹

По всем правилам проведения военных действий этот срок был достаточен для подавления врагов²⁴⁰, поэтому в литературе обычно его отождествляют со временем летней военной кампании (Т. Моммзен, О. Карлова, У. Вилькен, Г. Дулькайт, У. фон Любтов)²⁴¹. Вместе с тем, на наш взгляд, эти полугодовые рамки могли символизировать половину магистратского года, чем подчеркивалась принципиальная неординарность диктатуры. К тому же, следует согласиться с мнением Й.Бляйкена, что краткосрочность была одним из способов ограничения чрезвычайных полномочий²⁴². Мотивы установления срока не *amplius sex menses*, таким образом, в целом ясны, но во власти ли диктатора было исчерпать его полностью, или при определенных обстоятельствах он обязан был уйти в отставку раньше?

Некоторые авторы придерживались мнения, что диктатура заканчивалась вместе с окончанием дела, которым она была вызвана к жизни²⁴³. Эта точка зрения присутствует и в современной отечественной историографии. Так, Н.Е.Боданская утверждает, что, «исполнив возложенное на него поручение, диктатор был обязан сразу же, хотя бы и до истечения шестимесячного срока, сложить свои полномочия»²⁴⁴. Действительно, диктаторы часто ограничивались выполнением поставленной перед ними цели и слагали обязанности даже по проше-

²³⁹ von Lübtow U. Die Römische. .S.121.

²⁴⁰ Bleicken J. Geschichte. .S.32.

²⁴¹ Mommsen Th. Römische. .S.142; Karlowa O. Op. cit. S.215; Wilcken U. Op. cit. S.5; Dulkeit G. Op. cit. S.24; von Lübtow U. Die Römische. .S.112.

²⁴² Bleicken J. Die Verfassung. .S.76.

²⁴³ Петушил И.В. Очерк С.159; Санчурский Н. Указ. соч. С.105.

²⁴⁴ Боданская Н.Е. Указ. соч. С.522.

ствии нескольких дней (Liv. IV.34.4-5; IV.47.6; IV.57.8; V.23.7; VI.29.10; и др.). Но в ряде случаев, решив задачи, вызвавшие функционирование магистратуры, диктатор задерживался в должности на какое-то время (разумеется, если шестимесячный срок не был исчерпан. Liv.III.29.6). В связи с этим возникает вопрос: обязан ли был диктатор *optima lege* автоматически слагать свою власть сразу по достижении той цели, ради которой ему вручили диктаторские полномочия? По-видимому, нет. Когда диктаторы в такой ситуации слагали полномочия, они делали это по своему желанию, исходя из представлений о чрезвычайной власти. Ливий пишет: «*Dictator triumphans urbem est ingressus, et cum se dictatura abdicare uellet...*» (VIII.37.1). Он отмечает также (V.49. 9), что сенат мог просить диктатора не спешить со сложением полномочий.

Иногда важность каких-либо других дел заставляла диктатора не полностью отбывать срок должности, как это сделал Луций Фурий, давший в 345 г. до н.э. обет во время битвы с аврунками возвести храм Юноне Монете: «*...cuius damnatus voti, cum victor Roman revertisset, dictatura se abdicavit*» (Liv. VII.28.4).

Досрочное добровольное прекращение полномочий диктатора *optima lege* могло быть вызвано и тем, что цели его назначения отпадали. Так, Мамерка Эмилия назначили в 434 г. до н.э. для ведения военных действий, но они не состоялись. Тогда диктатор провел закон об ограничении полномочий цензоров и сложил с себя власть (Liv.IV.24.3-6).

Вынудить диктатора отказаться от власти могли и при помощи обвинений и выражения недоверия к его действиям, как это было с Гаем Мением в 314 г. до н.э., обвиненным в причастности к заговору, который он расследовал (Liv.IX.26.7-20). Хотя нужно учитывать, что решение о сложении диктаторских полномочий он принял сам, так как «заботился о своем добром имени больше, чем о власти» (Liv.IX.26.13).

Кроме добровольной отставки, единственной ситуацией, когда диктатор обязан был прекратить полномочия, был протест против его назначения со стороны авгуров, сославшихся на неблагопри-

74 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

ятные предзнаменования. Такие случаи неоднократно имели место (Liv.VIII. 15.6; VIII.17.4; VIII.23.14-15; Plut. Marc. V). Причем, даже если мотивы сомнений авгуров были вполне очевидны (как, например, недовольство диктатором-плебеем), диктатор оставлял должность. Сказанное относится к диктатуре *optima lege*.

Как же обстояло дело с отставкой диктаторов *imminuto iure*? Объявляя такого диктатора, называли цель, и на практике, достигнув ее, диктатор обычно сразу слагал полномочия. Это, собственно, и ожидалось, когда при провозглашении диктатора специально оговаривали конкретное поручение ему. Но, поскольку конституционные основы диктатуры *imminuto iure* были теми же самыми, что и диктатуры *optima lege*, то, с юридической точки зрения, уменьшить продолжительность диктаторских полномочий внутри полугодового срока на том основании, что цели введения должности достигнуты, было невозможно и для диктаторов *imminuto iure*. Отраженные в источниках случаи, когда такие диктаторы выходили за пределы своей компетенции (Liv.VII.3.9; XXVII.6), позволяют считать, что эти диктаторы не знали законодательного ограничения срока своих полномочий выполнением объявленной функции. Практика же реализации диктатуры со специальным поручением (*clavi figendi causa*, *comitiorum habendorum causa* и др.) и стала причиной представлений исследователей о непременной, законодательно оговоренной отставке диктатора сразу после исполнения им целевых функций.

Срок должности диктатора не зависел также от административного года и времени полномочий провозгласившего его консула (мы аргументируем этот вывод в следующей главе – см. с.90-92).

В историографии поднимался вопрос о том, нужна ли была правовым образом регламентированная процедура оставления должности диктатора при окончании полугодового срока его магистратуры²⁴⁵, т.е. была ли необходима отставка как таковая (*abdicatio*), если должность автоматически прекращалась с истечением шести месяцев? Скорее всего, отставка при полной истечении срока власти носила формальный характер, но какое-то объявление о сложении диктатором полномочий имело место. В

²⁴⁵ von Lübtow U. Die Römische...S.121-122.

ситуации же, когда положенные шесть месяцев еще не истекли, очевидно, было необходимо просто специальное заявление диктатора о добровольном прекращении своей должностной власти.

Механизм сложения диктатуры предполагал одновременное отстранение от должности и начальника конницы. Во власти *magister populi* было наложить запрет на любой вид деятельности *magister equitum*, но преждевременно (до собственного отказа от полномочий) отправить его в отставку диктатор не мог. С отставкой диктатора исполнение должности начальником конницы прекращалось *ipso iure*, поэтому У. фон Любтов небезосновательно называет отставку *magister equitum* декларативной²⁴⁶

Процедура сложения полномочий предполагала следующий порядок действий: 1) приказ диктатора начальнику конницы об этом; 2) сложение магистратуры диктатором; 3) сложение должности начальником конницы (Liv. IV.34.4-5; IX.26.20).

Таким образом, имея полугодичный запас времени нахождения в должности, любой диктатор был вправе исчерпать его весь, даже если цели введения диктатуры были достигнуты гораздо раньше. Давление граждан на диктатора, ставивших задачу отстранения его от власти, было, в сущности, моральным и не имело конституционного механизма реализации без его на то доброй воли. Единственным законным случаем досрочного прекращения диктаторских полномочий, при котором его желание во внимание не принималось, было признание авгурами нарушения правил священнодействия при назначении *magister populi*.

Законодательная норма, ограничивавшая власть диктатора шестимесячным сроком, судя по всему, в период ранней Римской республики ни разу не нарушалась. Диктаторы действовали в строгом соответствии с *mos maiorum* и в отношении собственной отставки. Незаконного (самодеятельного со стороны диктатора) продления полномочий в источниках не зафиксировано. Однако для исследователей существует проблема возможности официальной пролонгации диктаторского империя. Дело в том, что с последней четверти IV в. до н.э. стала часто применяться процедура *prorogatio* консульского империя, особенно распространившаяся во

²⁴⁶ von Lübtow U. Die Römische...S.123.

76 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ

время Второй Пунической войны. По подсчетам Ханса Клофта, из 36 консулов между 218 и 201 гг. 23 (т.е. 64%) имели prorogation империй²⁴⁷ Полномочия консула продлевались либо до окончания поручения, либо на год, конкретная правовая форма prorogatio не вполне ясна: у Ливия упоминается то сенат и народ, то только сенат²⁴⁸ Что же касается prorogation диктаторского империя, то упоминаний об этом акте в источниках нет, как и нет фиксации явных случаев его «сверхсрочного» применения. Единственное подозрение вызывала у исследователей последняя диктатура 202 г. до н.э. Гая Сервилия Гемина (диктатор, избранный чуть ли не в конце осени, проводит игры в честь Цереры, т.е. сохраняет свою власть и в середине апреля 201 г.). Но, как справедливо отмечал Х.Скаллард, если диктатор был избран в ноябре 202 г., то он до апреля 201 г. мог законно сохранять свои полномочия²⁴⁹ У. фон Любтов считал весьма вероятным, что Сервилий Гемин находился в должности диктатора свыше шести месяцев, поскольку, назначенный для проведения выборов, он долго не мог их провести, возможно по причине наводнения (Марсово поле, где проходили центуриатные комиции, лежало у Тибра)²⁵⁰ К тому же данный автор полагал, что ничего противозаконного в нахождении этого диктатора у власти без всякой пролонгации полномочий не было, так как для диктатора со специальной компетенцией полугодичный срок не действовал: он мог, на взгляд У.фон Любтова, до достижения цели назначения находиться в должности сколь угодно долго. Мы не склонны разделить это мнение, поскольку исходим из единства правовых норм функционирования диктатуры *optima lege* и *imminuto iure*; не имея особого юридического статуса, диктатура со специальной компетенцией не могла и функционировать свыше полугода. Мы отрицаем для данного случая диктатуры Гая Сервилия Гемина как наличие prorogation империя, так и незаконное или законное пребывание его у власти свыше шести месяцев, поддерживая приведенную выше точку зрения Х.Скалларда.

²⁴⁷ Kloft H. Prorogation und außerordentliche Imperium 326-81 v. Chr. (Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik). Hain, 1977. S.28.

²⁴⁸ Кудрявцева Т.В. Указ. соч. С.28.

²⁴⁹ Scallard H. Roman politics. P.279.

²⁵⁰ von Lübtow U. Die Römische... S.125.

Судьба диктатора после отставки могла делать самые неожиданные выражи. Диктатор мог удержаться в числе видных политических деятелей, стать консулом (Liv.X.5.14), тем более если он сам проводил выборы и пользовался расположением патрициев (Liv.VII.24. 11). В противном случае он мог резко лишиться своего общественного положения, как это случилось с Мамерком Эмилием после его второй диктатуры, когда цензоры в ответ на ограничение диктатором их полномочий исключили его из трибы и перевели в эрарии (Liv.IV.24.8). Эксдиктаторы иногда представляли перед судом, например, Гай Мений который во время судебного разбирательства смог защитить себя от обвинений.

Таким образом, анализ правового механизма назначения и отставки диктатора свидетельствует, что в его основе лежал законодательно оформленный порядок. Экстраординарная должность с огромным объемом полномочий была «вписана» в римскую конституцию и ни в коем случае не стояла над ней. Введение диктаторского правления зависело от решения сената, имевшего в Риме, по определению И.Л.Маяк, исключительное значение²⁵¹. Конкретная практическая реализация диктаторской власти находилась под сенатским контролем, что достигалось влиянием сената на выбор персоны диктатора при помощи *auctoritas* и формально не нарушало соблюдения юридических норм. Полугодичный срок полномочий являлся предельным независимо от цели назначения диктатора и не мог быть продлен ни самим магистратом, ни другим властным органом. Подчеркивая значение правовой основы провозглашения и отставки диктатора, отметим также, что эти действия осуществлялись при неизменной опоре на традицию, роль которой как регулирующего фактора общественно-политической жизни (и в конечном счете поддержания стабильности *civitas*) была необычайно велика.

²⁵¹ *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1993. С.60.

Глава 4

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИКТАТОРА

4.1 Взаимоотношения диктатора и начальника конницы

Обычный порядок функционирования экстраординарной магистратуры диктатора включал неременное назначение его заместителя начальника конницы: как свидетельствует Цицерон (Cic. De leg. III.9), *magister populi* имел при себе должностное лицо *magister equitum*. Наличие пары *dictator* – *magister equitum* многократно фиксируют консульские фасты, Ливий, Полибий, Дионисий, Цицерон, Плутарх и другие античные источники. Название должности *magister equitum* – калька с *magister populi*; крайне редко греческие авторы использовали обозначение *ἡπάρχος*. В случае если начальник конницы погибал, должность замещалась другим (*suffectus*) Liv.IX.22.6.

Каковы были взаимоотношения диктатора и начальника конницы? Каков был статус *magister equitum*? Ответы на эти вопросы позволяют глубже понять правовой механизм реализации чрезвычайной власти и сам ее характер в римской общине раннереспубликанского периода.

Согласно Дигестам Юстиниана (I.1.1.1), начальник конницы обладал высшей властью в войске после «начальника народа». Должность *magister equitum* нужна была, на первый взгляд, пото-

му, что, обладая верховными военными полномочиями, диктатор, как командующий пехотой, не имел права садиться на коня (Plut. Fab. Max. IV; Liv. XXIII.14.2) и потому был не в состоянии непосредственно руководить конницей. Видимо, титул *magister populi* отсылает нас к тем временам народного ополчения, когда армия не знала (или почти не знала) конницы²⁵². В источниках зафиксирована норма, согласно которой диктатор испрашивал разрешение садиться на коня. Для него, следовательно, существовал запрет, касавшийся высшего жречества и, вероятно, царя²⁵³. Поскольку обычай, судя по всему, появился в царскую эпоху и касался сначала царя, то в вопросе о том, у кого диктатор испрашивал это разрешение, – у сената, как сообщает Плутарх (Plut. Fab. Max. IV), или у народа, по свидетельству Ливия (Liv. XXIII.14.2), больше оснований предпочесть второе мнение, так как царь юридически не зависел от сената. И.Мадвиг даже отождествлял куриатный закон, наделявший диктатора империем, и разрешение садиться на коня²⁵⁴.

В принципиальном же плане основной предпосылкой введения такой должности является, по нашему мнению, то, что генетические связи диктатуры с царской властью обусловили появление при диктаторе помощника, аналогичного царскому «начальнику конницы», который назывался *tribunus celerum*. Конные отряды, согласно Дионисию (Dionys. IV.12; XII.2), составляли свиту диктатора. Х.Хилл в связи с этим полагал, что роль *magister equitum* заключалась (как и роль *tribunus celerum*) в командовании не всей конницей, а одним ее отрядом – гвардией²⁵⁵. Вообще же, указывать на аналогию *magister equitum* – *tribunus celerum* исследователи начали еще в середине XIX в.²⁵⁶ Однако некоторые авторы считали

²⁵² Meyer *Et. Römisches*... S.38,39.

²⁵³ Nissen A. *Op. cit.* S.69; Lange L. *Op. cit.* S. 761; Cornelius F. *Römisches*... S.17; Трухина Н.Н. Указ. соч. С.76.

²⁵⁴ Madvig J.N. *Op. cit.* S.488.

²⁵⁵ Hill H. *Eguites and Celers* // *Classical philology the univ. of Chicago press*. 1938. Vol. XXXIII. P.283-290.

²⁵⁶ См., например: Пугта Г.Ф. Указ. соч. С.57; Этой точки зрения придерживался также Г.Зибер: *Siber H. Römisches Verfassungsrecht*... S.108.

генетические связи начальника конницы при диктаторе с руководителем корпуса целеров проблематичными²⁵⁷

Преобладание на первых порах среди побудительных мотивов назначения диктаторов защиты от военной угрозы позволяет рассматривать также в качестве существенных причин установления должности начальника конницы нужды командования войском. Однако при провозглашении диктатора и с сакральными целями, и для проведения выборов объявление начальника конницы оставалось правилом. Дионисий замечает, что ни один диктатор не обходился без начальника конницы (Dionys.V.72.2). Мы знаем всего два исключения из этого правила: в 249 г. (Fast. Capit. ad a. 505)²⁵⁸ и в 216 г. до н.э.²⁵⁹ Следовательно, военные соображения при назначении помощника диктатора были далеко не единственными, а в правовой традиции вообще не определяющими.

Итак, генетически пара *magister populi* и *magister equitum* связана с царской властью. Но не являла ли она собой в новых условиях республики обычную коллегиальную магистратуру? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть два момента: характер должностных отношений начальника конницы с диктатором и объем полномочий *magister equitum*.

Начальник конницы – магистратура, производная от диктаторской. Назначался он самим диктатором (что постоянно подчеркивает Ливий и отмечает Полибий²⁶⁰) на следующий день после провозглашения *magister populi* по совершении им ауспий. В некоторых случаях высказывания Ливия имеют такой оттенок, по которому можно предположить, что кандидатура начальника конницы выбиралась не самим диктатором (VII.28.8; VIII.17.6; IX.7.13). При-

²⁵⁷ Mommsen Th. Römisches... S.161-162; Rosenberg A. Der Staat... S. 92.

²⁵⁸ CIL. V 1². P.24. В 249 г. до н.э. диктатор Клавдий Глиция не успел назначить начальника конницы, поскольку вынужден был под давлением сената быстро сложить полномочия (Liv. Per. XIX). Несерьезность этой диктатуры мы уже отмечали на с.68.

²⁵⁹ В 216 г. до н.э. при наличии диктатора, получившего полномочия для ведения войны и имевшего начальника конницы, был провозглашен диктатор без своего заместителя для составления списка сената (Liv. XXIII.22.10-11).

²⁶⁰ Liv. III.27.1; IV.13.14; IV.17.9; IV.21.10; IV.23.6; IV.26.11; VI.11.10; VI.28.4; VII.11.4; VII.17.6; VII.19.10; VII.26.12; VII.28.2; VIII.12.2; VIII.12.13; VIII.15.5; VIII.17.3; VIII.23.14; VIII.29.9; IX.29.3; IX.38.15; X.3.3; Polyb. III.87.9.

чем в первом из перечисленных случаев говорится: «...magister equitum ei Q. Fabius Ambustus datus est». Видимо, диктатор не воспользовался правом самостоятельного решения этого вопроса, так как его назначили для кратковременных сакральных целей, и от личности начальника конницы ничего не зависело. Для диктаторов *imminuto iure* волеизъявление сената было более весомым, чем для диктаторов *optima lege*. Поэтому их начальники конницы часто были рекомендованы сенатом. Вместе с тем, нет никаких оснований ставить под сомнение формальное право диктаторов самим определять себе помощника. Даже в 210 г. до н.э., когда решение о назначении диктатора принимало народное собрание, «ab Q.Fulvio dictatore P. Licinius Crassus pontifex maximus magister equitum dictus» (Liv. XXVII.5.19).

Скорее всего, объявление диктатором начальника конницы происходило при внесении *lex curiata*, которым вручался *imperium* диктатору. После персонального определения *magister equitum* упоминает о куриатном законе для диктатора Тит Ливий (Liv. IX.38.15); намек на это имеется у Плутарха (Plut. Сам. XXIV); перед каким-то собранием начальник конницы провозглашается у Дионисия (Dionys. X.24). Последовательность действий диктатора – сначала назвать имя своего заместителя, а затем испросить куриатный закон – видел Эрнст Мейер²⁶¹. Это мнение представляется нам не лишенным оснований, тем более что такой порядок легитимизации диктаторской власти как бы предусматривал распространение куриатного закона о вручении империя диктатору и на объявленного им *magister equitum*.

Естественно, что, выбирая себе заместителя в ситуации внешней угрозы, диктатор учитывал полководческие таланты претендента. Поэтому в должности начальника конницы часто оказывались люди, уже проявившие себя на военном поприще²⁶². Но, кроме того, совершенно очевидно, что при назначении *magister equitum* диктаторы руководствовались и другими соображениями. В V-IV

²⁶¹ Meyer Er. *Römischer*... S.158.

²⁶² При этом не только диктаторы могли неоднократно занимать магистратуру (см. биографию Камилла у Плутарха и Liv. V.19.2; V.46.10; VI.2.5; VI.38.4), но и начальники конницы также могли назначаться на эту должность несколько раз (Liv. VII. 19.10; VII.26.12; IX.29.3; IX.38.15 и др.).

вв. до н.э. нередко были случаи, когда диктаторы объявляли начальниками конницы представителей своего рода (Liv. IV.46.10-11; VIII.12.2; VIII.15.6; IX.22.6). Причем в 314 г. до н.э. начальник конницы был братом диктатора, а в 418 г. до н.э. (по одному из вариантов сообщения Ливия) – сыном. Иногда заместителем диктатор объявлял своего бывшего коллегу по консулату или консульному военному трибунату (например, см.: Liv. IV.17.9). Но еще более любопытные факты относятся к V в. до н.э., когда начальником конницы становился военный трибун с консульской властью, провозгласивший диктатора (Liv. IV.31.3; IV.46.11; IV. 57.6).

Таким образом, назначение начальника конницы не только формально, но и фактически зависело от диктатора, который мог провозгласить близкого родственника или человека, связанного с ним предварительным соглашением.

В своей деятельности *magister equitum* обязан был выполнять распоряжения диктатора, которому он был подотчетен. Это положение начальника конницы подчеркивал Полибий: *«οὗτος δὲ τετακται μὲν ὑπὸ τοῦ αυτοκράτορα γίνεσθαι ὁ οἰοῦναι διαδοχὸς τῆς ἀρχῆς ἐν τοῖς ἐκείνου περιστάσεσιν»* (III.87.9). Подконтрольность действий начальника конницы усугублялась еще тем, что он обязан был подчиняться приказу диктатора согласно воинской субординации. Более того, Ливий (VI.39.4) вкладывает в уста диктатора Публия Манлия утверждение, что власть начальника конницы не больше, чем военного трибуна (имевшего, как известно, в подчинении воинов и центурионов, но подчинявшегося легатам). Так или иначе, текст Ливия показывает, что в ходе военных кампаний *magister equitum* не имел права действовать без ведома диктатора даже в благоприятных ситуациях и с явными шансами на победу. Случай, когда начальник конницы действовал на свой страх и риск, специально подчеркиваются Ливием как выходящие за рамки принятых норм (VIII.30.2-5; IX.22.4). Не удивительно, что один из таких случаев привел к суровому конфликту диктатора и начальника конницы. В 325 г. до н.э. диктатор Луций Папирий Курсор вернулся в Рим для повторных птицегаданий. При этом он приказал начальнику конницы Квинту Фабию Руллиану не вступать в столкновения с противником (Liv. VIII.30.2-3). Но Квинт Фабий самостоятельно провел сражение с самнитами, завершившееся

успешно. Гнев диктатора был столь силен, что войску пришлось спасать начальника конницы. Затем в Риме, в народном собрании (во время которого Папирий приказал свести Фабия с Ростр на землю, что подчеркивало подчиненность начальника конницы диктатору, VIII.33.9) народ заклинал диктатора освободить Фабия от казни. Папирий смиростивился, уступая, как подчеркивает Ливий, мольбам, а не закону (VIII.35.5). Этот конфликт свидетельствует о том, что отношения между данными должностными лицами не были равноправными, как у ординарных коллегиальных магистратов.

То, что *magister populi* и *magister equitum* не представляли собой коллегиальную магистратуру, отмечали В.А. Беккер, Н.Боголепов, В.М.Хвостов, Эр.Мейер, Й.Бляйкен²⁶³. Однако Ф.Де Мартино называл начальника конницы *collega minor* диктатора, считая эту пару примитивной республиканской магистратурой²⁶⁴, К.Уолкер определял его как «подчиненного коллегу диктатора»²⁶⁵, а М.Казер как «младшего коллегу»²⁶⁶.

Принципиальным, но сложным для однозначного решения является вопрос о том, был ли начальник конницы наделен империем. Точка зрения о том, что начальник конницы являлся магистратом *sine imperio*, была сформулирована Л.Ланге²⁶⁷. Действительно, отсутствие в источниках упоминаний об особом *lex curiata de imperio* для *magister equitum* вызывает некоторые сомнения в наделении его империем. Однако имена носителей этой должности регулярно упоминаются в консульских фастах после имен диктаторов. Согласно Ливию, *magister equitum* имел право созывать сенат и направлять ему письма (Liv. VIII.30.10; VIII.33.4; XXIII.25.2), – первая из этих функций принадлежала только магистратам *cum imperio*²⁶⁸. Цицерон приравнивает должностное положение начальника конницы к иерархической ступеньке носителя высших судебных

²⁶³ Becker W.A. Op. cit. S.176; Боголепов Н. Указ. соч. С.67; Хвостов В.М. Указ. соч. С.52; Meyer Er. Römischer... S.112; Bleicken J. Geschichte... S.32.

²⁶⁴ De Martino F. Storia... P.23.

²⁶⁵ Walker C. Op. cit. P.304.

²⁶⁶ Kaser M. Op. cit. S.44.

²⁶⁷ Lange L. Op. cit. S.765-766.

²⁶⁸ Ефимов В.В. Указ. соч. С.187; Боголепов Н. Указ. соч. С.114.

ных функций (Cic. De leg. III.9), ранг которого предполагал наделение империем. Дионисий говорит о самостоятельном командовании начальником конницы армией (Dionys. V.75; VI.2), что также требует допустить наличие у него империя; этому не противоречит и его воинская субординация в отношении диктатора как верховного главнокомандующего. Зафиксированные у Диона Кассия шесть ликторов начальника конницы (Dio Cass. LXII.27), хотя они и относятся к Марку Антонию, начальнику конницы Цезаря, все же определенным образом свидетельствуют о наличии у *magister equitum* в V-III вв. до н.э. инсигний высшей власти. Дело в том, что, будучи существенно отличной по содержанию от раннереспубликанской диктатуры, с внешней стороны диктатура Цезаря была обставлена архаическими атрибутами своей древней предшественницы, что должно было придать ей видимость опоры на традиции. Косвенным образом свидетельствуют о наделении начальника конницы империем и упомянутые Титом Ливием ауспиции, совершавшиеся *magister equitum*. Ливий дважды говорит о проведении начальником конницы птицегаданий (VIII.31.1; VIII.33.22). При этом начальник конницы диктатора Курсора просит защитить себя «*cuius ductu auspicioque vicissent*». Г.П.Чистяков в комментариях к русскому переводу текста Ливия предполагает, что эти утверждения римского историка либо риторическое преувеличение, либо речевой штамп²⁶⁹. Если же признать, что начальник конницы был магистратом *sum imperio*, то недоумение по поводу указанных свидетельств Ливия снимается. Правда, И.Рубино считал, что право ауспиций, в принципе, могло передаваться²⁷⁰, но это представляется сомнительным в силу чисто сакрального характера процедуры гадания. Мнение В.М. Хвостова, что магистраты без империя имели право ауспиций, только *auspicia minora*²⁷¹, также не выглядит вполне аргументированным.

Таким образом, мы считаем, что *magister equitum* имел империй. Этот взгляд подкрепляется историографической тради-

²⁶⁹ Чистяков Г.П. Комментарии // Ливий Тит. Указ. соч. Т.1. Прим. 98 к кн. VIII. С.563.

²⁷⁰ Rubino J. Op. cit. ... S.66.

²⁷¹ Хвостов В.М. Указ. соч. С.45.

цией²⁷². Мы поддерживаем мнение, что это был, так сказать, «меньший империй» относительно диктаторского²⁷³. Именно наличие у начальника конницы самостоятельного империя не давало диктатору права сместить *magister equitum* по своему усмотрению. Вместе с тем мы не согласны с утверждением Ф.Виаккера, что обязанность иметь при себе начальника конницы с собственными полномочиями была ограничением диктатуры²⁷⁴. Скорее это обстоятельство расширяло возможности диктатора, усиливало его магистратуру, поскольку он пользовался правом приказа по отношению к начальнику конницы и, в крайнем случае, мог нейтрализовать его, запретив выполнять должностные обязанности. Согласно концепции Й. Бляйкена²⁷⁵, система должностных взаимосвязей (в том числе и взаимоотношений обладателей империя) в ранней Римской республике была как вертикальной, так и горизонтальной. Рассматривая соотношение власти диктатора и начальника конницы, мы полагаем, что оно носило не горизонтальный, а вертикальный характер.

Определяя ранг *magister equitum* на фоне других римских должностных лиц, исследователи обычно опираются на Цицерона (Cic. De leg. III.9), который сближал его положение со статусом претора²⁷⁶. При этом, главным образом, понимается, что отношения начальника конницы с диктатором как бы воспроизводили отношения претора с консулом. Однако здесь следует подчеркнуть и существенные различия. Право диктатора казнить и миловать действовало и применительно к его заместителю (Liv. VIII.35.5). Диктатор мог запретить начальнику конницы выполнять обязанности по должности (Liv. VIII.36. 1). Ничего подобного консул не мог совершить по отношению к низшим магистратам. В крайнем случае он мог парализовать один какой-нибудь акт

²⁷² Mommsen Th. Römisches... B.I. S.367; Karlowa O. Op.cit. S.217; Siber H. Römisches Verfassungsrecht... S.77-78; De Martino F. Storia... P.389; Vogel K.H. Op. cit. S.84; Alföldi A. Op. cit. S.239; von Lübtow U. Die Römische... S.112.

²⁷³ Arangio-Ruiz V. Op. cit. P.28;

²⁷⁴ Wieacker F. Op. cit. S.224.

²⁷⁵ Bleicken J. Die Verfassung... S.80; Bleicken J. Zum Begriff... S.265-269; 295.

²⁷⁶ Konn У. Римские древности. М., 1868. С.70; Петушил И.В. Очерк... С.164; De Martino F. Storia... P.390; Abbot F.F. Op. cit. P.184.

претора (Liv. XXVII.5.17), на что обратили внимание К.Уолкер и Н.Н.Трухина²⁷⁷

Аналогия со статусом претора возникла и на том основании, что в должности *magister equitum* нередко находились бывшие преторы, хотя, в соответствии с упоминаемым Ливием *lex de dictatore creando* (П.18.5) начальники конницы, так же как и диктаторы, должны были быть консулярами. Л.Виллемс подчеркивал, что неконсуляров начальников конницы было больше, чем консуляров²⁷⁸.

Ниже консулов и преторов по правовому рангу ставил начальника конницы Е.В. Пассек, отмечая при этом, что *de facto* он был выше любого ординарного магистрата²⁷⁹. Близкой была и точка зрения Н.Боголепова²⁸⁰. Считал должность начальника конницы не относившейся к числу курульных Б. Нибур²⁸¹. Э. Херцог увидел в магистратуре начальника конницы определенное противоречие: высокий (как у диктатора) ранг и несамостоятельные функции²⁸². Т. Моммзен называл эту должность «аномалией в ряду магистратур»²⁸³, а А. Розенберг подчеркивал ее «загадочность»²⁸⁴. При всей сложности определения правовых характеристик *magister equitum* следует согласиться с Х.Хиллом, что начальник конницы в период диктатуры был «вторым лицом после высшего авторитета»²⁸⁵.

Таким образом, сходство пары *magister populi* *magister equitum* с обычной коллегиальной магистратурой чисто внешнее. Характер их соподчинения не дает оснований для такой трактовки.

Единственная ситуация, отмеченная источниками как уравнивание народным собранием (по предложению плебейского трибуна) в

²⁷⁷ Walker C. Op cit. P.302; Трухина Н.Н. Указ. соч. С.93.

²⁷⁸ Виллемс П. Указ. соч. С.293.

²⁷⁹ Пассек Е.В. Указ. соч. С.105.

²⁸⁰ Боголепов Н. Указ. соч. С.117.

²⁸¹ Niebuhr B. Op. cit. S.439.

²⁸² Herzog E. Op. cit. S.729-730.

²⁸³ Mommsen Th. Römisches... S.179.

²⁸⁴ Rosenberg A. Der Staat... S.90.

²⁸⁵ Hill H. Op. cit. P.287.

правах диктатора и начальника конницы, относится к 217 г. до н.э., когда и сам диктатор Квинт Фабий был избран комициями²⁸⁶. Ливий сообщает об этом (ХХП.25.3-4, 10-11), подчеркивая, что «нигде в летописях подобное не упомянуто, – и это в том государстве, где начальники конницы привыкли дрожать перед розгами и топорами диктатора» (ХХП.27.3). В этой ситуации диктатор и начальник конницы (им был Минуций) действовали как консулы, поделив командование легионами (Liv. ХХП.27.10), а впоследствии Минуций попросил оставить ему только функции начальника конницы (Liv. ХХП.30.5). Полибий (Polyb. 103,4-8) называет данных магистратов двумя диктаторами и также подчеркивает невиданный ранее характер исполнения должности. Ни Ливий, ни Плутарх Минуция диктатором не именуют, но в посвянительной надписи от имени Минуция (CIL.V.1² P.607) фигурирует этот титул. Однако исследование Т.А.Дорея убедительно показало, что надпись относится к 220 г., когда Минуций исполнял диктатуру *comitiorum habendorum causa*²⁸⁷. Следовательно, в 217 г. двух диктаторов не было, но начальник конницы в первый и последний раз был облечен равной с диктатором властью. Это исключение подтверждает правило, что диктатор и начальник конницы обычно находились в отношениях строгой субординации.

Итак, наличие *magister equitum* при *magister populi* являлось как бы неразрывной составной частью диктаторских полномочий, необходимым условием функционирования магистратуры.

4.2 Диктатор в системе органов государственной власти

Чрезвычайное введение диктатуры неизбежно должно было временно видоизменять весь механизм государственного регулирования римской *civitas*, однако воздействие этого обстоятельства на отдельные политические структуры (комиции, магистратуры, се-

²⁸⁶ Fritz K. Op. cit. P.214; Штюрмер Л.Л. Рим до и во время Юлия Цезаря. Спб., 1876. С.47.

²⁸⁷ Dorey T.A. Op. cit. P.92-96.

нат) было различным. Естественно, что в первую очередь деформировалась исполнительная власть.

Для определения положения *magister populi* в системе других магистратур необходимо выяснить, полностью ли прекращали ординарные магистраты свою деятельность с введением диктаторского правления, и, если не прекращали, то в какой мере они зависели от диктатора при выполнении должностных обязанностей.

Мы уже отметили (см. гл.I), что не поддерживаем теорию ординарной диктатуры, согласно которой были особые диктаторские годы. Мы рассматриваем диктатуру только как чрезвычайную полугодичную магистратуру.

При описании событий периода диктатур в источниках обычно упоминаются консулы (иногда они даже заслуживали от диктатора особых похвал (Liv. VII. 11.9). Однако у Ливия есть сообщения, которые исследователями трактуются как отсутствие консулата при наличии диктаторской власти (например, X.5.14: «сложив диктатуру, Марк Валерий стал консулом»). Аргументом в пользу такой точки зрения служат также сведения Плутарха в биографии Камилла, где говорится, что при введении его диктатуры «сенат уничтожил все другие магистратуры» (Plut. Cam. V). Вообще, представление о том, что при диктаторе все должностные лица (кроме плебейских трибунов) слагают свои полномочия, характерно для греческой античной историографии (Polyb. III.87; Dionys. V.70,72; VI.22; App. Hann.12). Однако имеются многочисленные факты противоположного плана. При диктаторе, назначенном для ведения войны, консулы командуют армиями (Liv. II. 30.7-14; II.31.4-6; IV. 27-29; VII.11.5-8; Dionys. VI.2, 42; X.24; Diod. XIX. 76,101), причем под самостоятельными auspiciis, так как получают триумф (Liv. VII.11.9; IX.40.20). В 335 г. диктатор был назначен как раз для того, чтобы консулы могли свободно покинуть Рим и завоевать триумф (Liv. VIII.16.11-12). В 217 г. диктатора Фабия принудили избрать консула-суффекта (Liv. XXII.25.11). В 494 г. при наличии диктатора военную клятву воины давали консулам (Liv. II.32.1; Dionys. VI.45). К тому же, если бы с введением диктатуры полностью переставали функционировать ординарные магистраты, не смогла бы возникнуть диктатура *imminuto iure*.

Клинтон Уолкер полагал, что *abdicatio* консулов могла некогда иметь место, но к III в. до н. э. этот обычай вышел из употребления²⁸⁸. Близкой точки зрения придерживается в современной историографии Йохен Бляйкен, по мнению которого первоначально существовала практика отставки должностных лиц с введением диктатуры, замененная затем подчинением ординарных магистратов диктатору²⁸⁹. Нам представляется, что в раннее время существовала скорее возможность, чем практика отрешения магистратов; объем же диктаторского *imperium* и в последующее время оставался неизменным.

Обычным являлось положение, при котором с назначением диктатора консулы не отстранялись полностью от исполнения обязанностей по военному и гражданскому управлению, но власть диктатора становилась верховной, затмевала консульские полномочия (Liv. II.18.6; D.I.2.2.18; I.11.11). Проводя эту мысль, Ливий вкладывает в уста диктатора Папирия такие слова: «...власть диктатора – высшая власть, и ей покорны консулы, у коих царские полномочия, и преторы, избираемые при одних с консулами *auspicia*» (VIII.32.3). Показательно, что в 349 г. сенат отказался от введения высшей экстраординарной магистратуры, чтобы не подчинить (*subicere*) консула диктатору (Liv. VII.25.11). Верховенством диктаторской власти над консульской объясняет Ливий и наделение диктатора сакральными функциями (VIII.3.8). Более того, по рассказу Ливия (III.29.2.3), а также Плутарха (Fab. Max. IV), диктатор мог удалить консула от должности. В ходе военных операций консулы часто отстранялись от командования легионами, лишались права *auspicia* и ставились в положение *legatus* (подчинение консулов диктатору в период войны подчеркивалось У.Вилькеном²⁹⁰). В присутствии диктатора даже в позднюю эпоху консул терял право на свои *insignia* (Liv. XXII.11.5), появляясь перед диктатором без ликторов (тогда как преторы перед консулом только наклоняли фаски)²⁹¹. Консулы не имели права *intercessio* в отношении

²⁸⁸ Walker C. Op. cit. P. 303-304.

²⁸⁹ Bleicken J. Die Verfassung... S.90.

²⁹⁰ Wilcken U. Op. cit. S.4. von Lübtow U. Die Römische... S.119.

²⁹¹ von Lübtow U. Die Römische... S.119.

мероприятий диктатора. Действия консулов только на основе распоряжений диктатора отмечали Н.Боголепов и П.Виллемс²⁹².

Будучи *rector rei publicae* (Liv. IV.14), диктатор первым принимал письма с театра военных действий (Liv. VIII.30.10); просьбы послов обращались к нему и сенату (Liv. II.18.9-10); от его имени, как главы государства, ликтор поворачивал назад послов Ганнибала даже в эпоху упадка диктатуры (Liv. XXII.58.9). Обладая высшей исполнительной властью и в сфере *domi*, и в сфере *militiae*, диктатор, когда обстоятельства требовали вести военные действия, мог назначать для выполнения гражданских функций городского префекта – *praefectus urbis* (Liv. VIII.36.1). Сказанное не позволяет согласиться с мнением И.В.Нетушила об узости диктаторских полномочий по сравнению с консульскими²⁹³.

Включение правового механизма функционирования диктатуры не означало автоматического прекращения *imperium* других магистратов²⁹⁴. Нормальной была ситуация, когда действие империя консулов как бы замирало и реализовывалось только в том отношении и том объеме, которые считал нужными диктатор. С прекращением полномочий диктатора консульский империй возобновлялся в исходном виде, и проведения новых выборов не требовалось, если административный год еще не заканчивался.

С правовой точки зрения, соотношение империя диктатора с консульским не зависело от того, была ли это диктатура *optima lege* или *imminuto iure*. Другое дело, что на практике диктаторы со «специальными полномочиями» крайне редко (363, 210 гг.) стремились вмешиваться в обычный круг консульских обязанностей, ограничиваясь оговоренной целью назначения (см. с. 57).

Мы считаем также, что не имеют серьезных оснований попытки определить диктатора в виде *collega maior* консулов. Эти по-

²⁹² Боголепов Н. Указ. соч. С. 66; Виллемс П. Указ. соч. С.292.

²⁹³ Нетушил И.В. Первый... 1907. Ч.VII. С.20.

²⁹⁴ Сохранение империя должностных лиц при диктаторе отмечали многие авторы: Mommsen Th. *Römisches*...S.139; Herzog E. Op. cit. S.721; Schwegler D.U. Op. cit. S.121; Abbot F.F. Op. cit. P.182; Siber H. *Römisches Verfassungsrecht*...S.107; Dulckeit G. Op. cit. S.27. Напротив, Л.Ланге полагал, что магистраты во время диктатуры действовали без империя. См.: Lange L. Op. cit. S.755.

пытки делались в развитие представлений Т.Моммзена о том, что с окончанием консульского года диктаторские полномочия слагались (независимо от того, исчерпал ли диктатор отведенные ему шесть месяцев) и поэтому «технически» (т.е. в плане механизма функционирования) диктатор и консулы являлись коллегами²⁹⁵. Исходя из этого, Э.Херцог называл способ назначения диктатора «кооптацией»²⁹⁶, а Л.Уолкер полагал, что диктатор стал collega maiore консулов со Второй Пунической войны²⁹⁷.

Против связи срока диктаторских полномочий с административным годом высказывался Л.Ланге, О.Карлова, Г.Шиллер, В.Либенам, И.Ян, А.Друммонд, У. фон Любтов²⁹⁸. Мы разделяем этот второй подход, поскольку именно ему находятся доказательства в источниках.

Согласно сообщению Ливия, в 302 г. до н.э. диктатор Валерий наводил порядок в Этрурии: «non petentem atque adeo etiam absentem creatum tradidere quidam et per interregem ea comitia facta» (Liv. X.5. 14). Здесь особенно важно, что Валерий стоит еще во главе армии и его провозглашает консулом interrex, следовательно, выборы происходили по истечении магистратского года, поскольку interregnum при консулах невозможен. На отсутствие связи срока диктаторских полномочий с консульским империем указывает и ситуация 208 г. до н.э. (Liv. XXVII.33.6-7), когда один из консулов был убит, а второй, назначив диктатора, умер. Диктатор остается в должности и проводит комиции. Диктатор Сервилий, назначенный в 202 г. до н.э., сохранял свою власть и после того, как срок полномочий провозгласившего его консула истек (Liv. XXX. 39. 3-8). Следовательно, диктатура функционировала независимо как от административного года, так и от времени действия империя консула, провозгласившего диктатора. Возможность для диктатора «пере-

²⁹⁵ Mommsen Th. *Römisches...* S.137-138,143-145,148,209; Виллемс П. Указ. соч. С. 291; Sider H. *Römisches Verfassungsrecht...* S.105; Kunkel W. *Römische...* S.11.

²⁹⁶ Herzog E. Op. cit. S.721.

²⁹⁷ Walker C. Op. cit. P.305.

²⁹⁸ Lange L. Op. cit. S.758; Karlowa O. Op. cit. S.213; Schiller H. *Die römische Staats-Kriegs und Privatalterthümer*. B.IV 1887. S.539; Liebenam W.. Op. cit. S.381-382; Jahn J. Op. cit. S.42; Drummond A. Op. cit. P.563; von Lübtow U. *Römische...* S.119.

шагнуть» через рубеж консульского года снимает основную мотивировку коллегиальности диктатора и консулов. Изложенное также не позволяет согласиться с трактовкой В.Н.Токмаковым диктаторского империя как *imperium mandatum*²⁹⁹, ибо, если бы его империй был делегированным, то превысить срок полномочий передавших ему власть ординарных магистратов диктатор бы не мог (тем более, как мы отмечали в гл.Ш, диктатор проводил через куриатные комиции собственный закон об империи).

Все сказанное о взаимодействии диктатора с консулами в не меньшей степени применительно к его отношениям с *tribuni militum consulari potestate*. Военные трибуны с консульской властью были в сравнении с диктатором *magistratus inferioris iuris* (Liv.V.49.2).

В Дигестах Юстиниана сохранилось мнение римских юристов о приоритете диктаторской власти над цензорской (D.I.2.2.18). По предположению Э. Херцога, цензура вместе с ее задачами оставалась в стороне от непосредственной деятельности диктатора³⁰⁰, но мы знаем о проведении диктатором закона, ограничивающего полномочия цензоров (Liv.IV.24.8), и случай специального провозглашения диктатора с целью пополнения сената (Liv.XXIII.22.10-11), что говорит о потенциальной возможности «перекрывать» диктаторскими полномочиями компетенцию цензора. Что касается деятельности других магистратов (преторов, квесторов и эдилов) при диктаторе, то сведения источников по этому поводу весьма туманны и крайне скудны. Но по аналогии с полномочиями консулов мы можем предположить, что эти магистраты попадали под контроль диктатора и могли в рамках подчиненности ему выполнять какие-либо обязанности по должности, так как официально с нее не смешались. Они «действовали по его указанию и с его согласия»³⁰¹ И.Мадвиг полагал, что все должностные лица, (за исключением консулов) не прекращали свои функции³⁰², однако В.М.Хвостов замечал, что квесторы не сопровождали диктатора

²⁹⁹ Токмаков В.Н. Ук. соч. С.111.

³⁰⁰ Herzog E. Op. cit. S.725.

³⁰¹ Санчурский Н. Указ. соч. С.105.

³⁰² Madvig I.N. . Op. cit. S.491.

в качестве казначеев³⁰³ Наблюдение В.М.Хвостова представляет нам справедливым, так как диктатор не был обязан (в отличие от консулов) отчитываться об израсходовании выделенных ему средств (Dionys.VI.38), но само по себе это не свидетельствует о полном прекращении выполнения квесторами должностных обязанностей.

В особой ситуации при введении диктатуры находились плебейские трибуны. Это постоянно подчеркивают античные авторы. Так, Полибий сообщает, что, когда назначается диктатор, «прекращает действовать вся власть в Риме, кроме трибунов»(VI.18.9). То же утверждает и Плутарх в «Римских вопросах»(283 b. 81): «когда избирается диктатор, хотя власть всех магистратов передается диктатору, трибуны по-прежнему остаются». Однако Тит Ливий уточняет, что страх перед диктатором останавливал сопротивление трибунов (III.29.6) и, если с консулами трибуны могли вести политическую борьбу, то «диктатура всегда оставалась для нее недостижимой» (VI.38.13).

При этом диктатор не мог расправиться с плебейскими трибунами, так как сохранялся их статус *sacrosanctus* (Liv. VIII.34.6). Репрессивные меры применялись диктатором только в отношении тех плебейских вождей, которые не занимали в данный момент должности трибуна (Liv.IV.13.8; VI.15.1-13; VI.16.1-8; VI. 17.1-6; Plut. Cam.XXXVI.) За трибунами сохранялось в период диктатуры право законодательной инициативы. Но, если их законопроекты не устраивали диктатора, он мог послать ликторов разогнать плебейское собрание, как это сделал Камилл в 368 г. до н.э. (Liv.VI.38.8). Поэтому совершенно объяснимо, что в том же году для собрания плебеев трибуны использовали момент, когда один из диктаторов сложил полномочия, а другой их еще не получил (Liv.VI.39.1).

Главным образом, «недостижимость» власти диктатора для плебейских трибунов заключалась в запрете трибунской интерцессии на его решения. То, что изначально этот запрет строго соблюдался, у исследователей сомнения не вызывает. Но появилась ли трибунская интерцессия против диктаторов с течением времени? Мнения историков по этому поводу разделились. Одни склонны признать

³⁰³ Хвостов В.М. Указ. соч. С.53.

ее возможность (при этом чаще называется III в. до н.э. и диктатура *imminuto iure*)³⁰⁴, другие же в принципе отрицают ее³⁰⁵

Самый ранний случай, который можно трактовать как применение трибунской интерцессии против диктатора, относится к 363 г. до н.э. (Liv.VII.3.9). Анализируя его, некоторые авторы считали, что протест трибунов был направлен против выхода диктатора за рамки компетенции³⁰⁶. И.В.Нетушил полагал, что такой же характер имели интерцессии 353 и 352 гг.³⁰⁷ Окончательное узаконение трибунского veto в отношении действий диктатора И.В.Нетушил относил к 351 г., связывая его с появлением «диктатуры с ограниченной компетенцией». Между тем, прямой связи между интерцессией и целевым назначением диктатуры не прослеживается.

Рассмотрим конкретно названные ситуации. В 363 г. трибуны протестовали против набора, объявленного диктатором *clavi figendi causa*. Но во время суда над сложившим полномочия Манлием обвинения в превышении власти они не выдвигали, возмущались только жестокостью набора (Liv. VII.3.9; VII.4.2). В 353 и 354 гг. трибуны оспаривали нарушение закона Лициния о паритете в консулате, но не руководство военным диктатором выборными комиссиями (Liv.VII.21.1; VII.21.9; VII.22.1). В 351 г. предлог для противодействия тот же, хотя диктатор уже специально был объявлен для проведения выборов (Liv.VII.22.10). Из-за намерения диктатора отступить от закона (речь шла о правиле непродления консульских должностей – Liv. XXVII.6) происходили и препирательства трибунов с экстраординарным магистратом.

Таким образом, нигде из перечисленных примеров мы реально не видим сопротивления трибунов выходу диктатора за рамки целевых функций. Это связано с тем, что, по нашему мнению, пра-

³⁰⁴ Mommsen Th. *Römisches*...S.148; Schiller H. *Weltgeschichte*...S.539; Буллемс П. Указ. соч. С.293; Нетушил И.В. Первый...1907. Ч.VII. С. 87; Siber H. *Römisches Verfassungsrecht*...S.105; Meyer Er. *Römisches*...S.150; Abbot F.F. Op. cit. P.183.

³⁰⁵ Konn У. Указ. соч. С.70; Lange L. Op. cit. S.751; Herzog E. Op. cit. S.724; Karlowa O. Op. cit. S. 215.

³⁰⁶ Буллемс П. Указ. соч.С.293; Karlowa O Op. cit. S.215; Nissen A . Op. cit. S.71-72.

³⁰⁷ Нетушил И.В. Первый...1907.Ч.VII. С.87.

новой каркас полновластной диктатуры сохранялся и при использовании ее «усеченных» форм (диктатуры *imminuto iure*). Диктаторы, провозглашенные для сакральных целей, для руководства выборными комициями и др. в юридическом смысле были носителями высшей власти и в сфере *domi*, и в сфере *militiae*, только на практике это почти никогда не использовалось (исключения

Liv.VII.3.9; XXXVII.6). Тем не менее, конституционная возможность любых действий диктатора в рамках высшего *imperium* сохранялась. Поэтому в источниках и не прослеживается протеста трибунов против «выхода диктатуры за пределы компетенции». Противодействия трибунов имели причиной попытки диктатора не соблюдать те или иные законы. Но как соотнести слова Дионисия о том, что власть диктатора «более могущественна, чем власть, зависящая от закона» (*ἡν ἀρα ἡ κρείττωσιν ἀρχὴ τῆς κατὰ νόμους*

Dionys. V.70) а также Ливия, называвшего диктатора «не связанным путами закона» (Liv.IV.13.11) с контролем трибунов за законностью действий диктаторов, отмеченным теми же авторами. Вероятно, что античные писатели имели в виду независимость диктатора от тех законов, в соответствии с которыми осуществляли свою власть ординарные магистраты: его неколлегиальность, неподчинение интерцессии и апелляции. Именно исключительный характер режима функционирования экстраординарной магистратуры был не связан «путами закона». Что же касается соблюдения прочих законов, организующих жизнь римской общины, то в этом отношении, по правовым основам, диктатор не был *legibus soltus*. Е.Фрезер даже считал, что при вступлении в должность диктатор давал клятву о подчинении закону³⁰⁸

Наложить запрет на действия диктатора, в которых не усматривалось нарушения законов, трибуны не могли. В 325 г. они просили и убеждали диктатора, а не налагали *veto* на его решение (Liv. VIII.35.2). И хотя диктатор Луций Папирий Курсор просил трибунов не посягать на его полномочия своим вмешательством (Liv.VIII.34.6), ни он, ни сами трибуны не были уверены в правомочности интерцессии (Liv.VIII.35.5). Видимо, по той же причине

³⁰⁸ Friezer E. *Interregnum and patrum auctoritas* // *Mnemosyne*. 1959. Vol.XII. P.312.

обращения к трибунам в 314 г. с призывом о помощи против диктатора остались тщетными (Liv.IX.26.10).

Из сказанного, на наш взгляд, вытекает, что правовое оформление интерцессии и свободное ее применение против диктатора сомнительно. Протест плебейских трибунов имел не юридические последствия (запрет решений диктатора), а моральное значение их несогласия с его действиями.

Если по отношению к магистратам диктатор поступал, исходя из верховенства своей власти, то по отношению к сенату и комициям он не мог однозначно занимать позицию силы. Поэтому характер его взаимодействия с этими республиканскими структурами был довольно сложным.

Диктатор, проводя законы через народное собрание, предварительно заручался согласием сената (Liv. VII.41.3). *Magister populi* советовался с сенатом и при распределении военной добычи (Liv. V.20.1-3), хотя в принципе имел право сам распорядиться ею. Согласно сведениям, передаваемым Иоанном Зонарой (Зон.7.13), диктатор не мог без разрешения сената взять деньги из эрария. Видимо, это было связано с тем, что диктатор не отчитывался в своих финансовых тратах: консул брал деньги не спрашивая сенат, но давал отчет об их расходовании, диктатор же тратил денежные средства неподотчетно, но для их получения из казны ему требовалось сенатское постановление. Сохранялся при нем и порядок объявления войны: сенат предлагал народному собранию вынести решение о начале войны, при этом последнее слово оставалось за центуриатными комициями (Liv. VI.14.1; VII.19.10). Поэтому диктатор начинал войну только «с согласия сената и по воле народа». Вероятно, реально это обстоятельство чаще всего диктатора не стесняло, так как для ведения военных действий его назначали уже после их начала.

В период Второй Пунической войны различные сенатские постановления диктатору фиксируются особенно часто (Liv. XXII.8.7; XXII.11.2; XXIII.25.7; XXX.27.11). Судя по всему, это связано с общим усилением влияния сената и расширением его компетенции в

это время³⁰⁹. Если для эпохи борьбы патрициев и плебеев мы знаем случаи, когда диктатор стремился проводить свой внутривнутриполитический курс (494 г.) и ставил на голосование антисенатские законы (434,339 гг.), то для конца III в. до н.э. заметна сильнейшая зависимость диктаторов от сената. Отношение сената к диктаторам может быть определено как мелочная опека. (Скупрулезно определялась задача диктатора: укрепить стены и башни, расставить караулы, сломать мосты и т.д. Liv.XXII.8.7; XXVII.33.6.) Детальное вмешательство сената в действия диктатора особенно характерно для диктаторов *imminuto iure*, поскольку эта форма диктатуры, являясь порождением сената, от него в большей мере практически и зависела.

Однако контроль сената над диктаторским империем основывался не столько на юридических нормах, сколько на *auctoritas* сената. Подчинение магистратов *auctoritas* сената было традиционным для политической жизни Римской республики³¹⁰. Но чтобы использовать свой авторитет, сенат, вводя диктатуру, желал быть уверенным в лояльном к себе отношении со стороны чрезвычайного магистрата. Этого сенат добивался тем, что кандидатура на должность с огромным объемом полномочий подбиралась, как мы видели в гл.III, самим сенатом. Сенату нужна была устраивающая его кандидатура, чтобы не утратить влияние на общественную жизнь в периоды чрезвычайной власти. Возможность такой утраты подчеркивал Л.Ланге, отмечая, что диктатор при желании мог «перешагнуть через авторитет сената, будучи в этом отношении так же независим, как и царь»³¹¹.

Диктатор обычно восседал в комициях в тесном окружении сенаторов, а в конфликтных ситуациях даже специально запрещал им отходить от него (Liv.VI.38.5.). В полномочия диктатора, как высшего магистрата, входило право созывать и распускать сенат (Liv.VIII.30.11.). Причем созывать сенат диктатор мог по любому поводу, а не только в пределах порученного ему дела, как полага-

³⁰⁹ *Schneider H.* Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Kriese und Niedergang einer antiken Republik. Darmstadt, 1977. S.34-36.

³¹⁰ *Heinze K.* Auctoritas // *Hermes*. 1925. B.60. S.357-358.

³¹¹ *Lange L.* Op. cit. S.750.

ет В.Н.Токмаков³¹², поскольку даже начальник конницы мог сделать это по личным причинам (Liv. VIII.33.4). Но наиболее важные шаги в политической жизни dictator предпринимал с оглядкой на сенат и оправдывался перед сенаторами в случаях, когда они были недовольны его действиями (Liv. VI.39.4.). С этим, по-видимому, связана и пропатрицианская позиция многих диктаторов и в ходе сословной борьбы, и в дальнейшем, при консульских выборах, проводимых диктаторами. Согласование действий диктатора с сенатом было вполне естественным, и традиции его корнями уходят в царскую эпоху, когда rex «взаимодействовал и с сенатом, и с куриатными комициями»³¹³.

О приоритете комиций, хотя бы и формальном, говорит Ливий от имени Марка Фабия, находившегося перед лицом диктатора Папирия: «...provoco ad populum eumque tibi, fugienti exercitus tui, fugienti senatus iudicium, iudicem fero, qui certe unus plus quam tua dictatura potest polletque» (Liv. VIII.33.8.). По-видимому, представление об управлении в форме *res publica* предполагало даже не столько возможность корректировки народным собранием деятельности конкретного чрезвычайного магистрата, сколько возможность изменения этим собранием основополагающих законов функционирования магистратуры. Поэтому не случайно, что в том же конфликте 325 г. до н.э. между диктатором и начальником конницы Луций Папирий обращался к народу с просьбой «не сводить на нет законную силу диктатуры» (Liv. VIII.34.6).

Показательно, что имели место добровольные отчеты диктаторов перед народом, несмотря на «безответственную» власть диктатора (Dionys. VII.81). По Дионисию, готовность предстать перед судом изъявлял диктатор Валерий (494 г. – Dionys. VI.40), дважды отчитывался Цинциннат (Dionys. X.25; XII.3). По Ливию, тот же Цинциннат держал по своей воле перед народом речь, оправдывавшую убийство Мелия (Liv. IV.15.1-7).

Сложным для однозначного решения является вопрос о возможности апелляции к народному собранию на решения диктатора. О диктаторе не упоминает ни один из известных законов

³¹² Токмаков В.Н. Указ. соч. С.113.

³¹³ Маж И.Л. Рим первых царей ... С.245.

о провокации (их четыре, если не считать введения апелляции при установлении республики). Из них на время существования магистратуры диктатора приходятся два – Валерия и Горация (449 г. Liv. III.55.14; Cic. De rep. II.31), и lex Valeria (300 г. Liv. X.9.3). Й.Бляйкен только последний из этих законов считает историческим³¹⁴ Изначальное неподчинение диктатора апелляции фиксируют Ливий (II.29.11) и Дионисий (V.70; VI.58.2). Единственное свидетельство о том, что в какой-то момент провокация против диктатора была все же введена, дает Фест, фрагмент текста которого (Fest. p.198 M) гласит, что некогда все диктаторы избирались *optima lege*, т.е. без права провокации, впоследствии этой оговорки не делали. Исследователи (за редким исключением³¹⁵) в основном доверяют сообщению Феста. Однако в вопросе о времени введения провокации в историографии наблюдается серьезный разброс мнений. И.Мадвиг и Н.Боголепов приурочивали появление апелляции против диктатора к 449 г. – к закону Валерия-Горация³¹⁶ Историки права чаще указывали на 300 г.³¹⁷ или III в. до н.э.³¹⁸ Иногда авторы отказывались от датировки этого конституционного изменения³¹⁹ Соглашаясь с ними, приходится констатировать, что время введения апелляции на решения диктатора остается неизвестным. Возможно, ее появление следует связать с наметившейся после 367 г. до н.э. тенденцией укрепления позиций сената в противовес магистратской власти.

Первой провокацией против диктатора, о которой сообщают источники, может считаться обращение к народу в 325 г. отца провинившегося начальника конницы. При этом, апеллируя к народу, отец Фабия не может указать случая подчинения диктатора

³¹⁴ Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocation // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R.A. Weimar, 1959. B.76. S.357.

³¹⁵ Nissen A. Op. cit. S.73-78.

³¹⁶ Madvig I.N. Op. cit. S.484; Боголепов Н. Указ. соч. С.117.

³¹⁷ Mommsen Th. Römisches... S.147; Lange L. Op. cit. S.756-757; Scullard H.H. Roman politics... P.103;

³¹⁸ Abbot F.F. Op. cit. P.183; Siber H. Römisches Verfassungsrecht. S.103; Wilcken U. Op. cit. S.6.

³¹⁹ Herzog E. Op. cit. S.724; Becker W.A. Op. cit. S.170-171; Karlowa O. Op. cit. S.215; Meyer Er. Römisches... S.150; Liebenam W. Op. cit. S. 386-387; Leifer F. Op. cit. S.105.

провокации и поэтому ссылается на царя Тулла Гостилия (Liv. VIII.33.8). К тому же, диктатор в этой ситуации оспаривал право народного вмешательства в его действия, что косвенно свидетельствует о том, что после законов Валерия-Горадия, запрещавших выбор магистратов без провокации, эта норма в отношении диктатора не действовала.

По нашему мнению, стоит также обратить внимание и на то, что в сфере *militiae* консулы не имели апелляции до 123 г. до н.э. (lex Sempronia). Следовательно, более чем вероятно, что диктаторы до конца существования чрезвычайной магистратуры были свободны от апелляции на свои мероприятия в военной области.

Что же касается конкретного воздействия комиций на поступки диктатора, то Ливий приводит предположение о том, что в 368 г. до н.э. Камилл сложил полномочия потому, что якобы плебейское собрание постановило наложить на него штраф в 500 тыс. ассов, если он сделает что-либо по должности. Однако сам Ливий считал, что этот повод к отставке вряд ли мог иметь место, в том числе и потому, что диктатор имел право запретить предложение о пене (Liv. VI. 38.9-10.). Следовательно, Ливий был уверен в праве диктатора не разрешать голосование в комициях.

Таким образом, диктаторы, олицетворявшие высшую исполнительную власть и имевшие возможность принимать единоличные решения, часто предпочитали взаимодействовать с сенатом и комициями. С 311 г. до н.э. назначение военных трибунов осуществлялось не по желанию диктатора, а путем голосования всех вакансий (а не нескольких, как прежде) в комициях (Liv. IX.30.3.).

Огромная власть, сосредоточенная в руках диктатора, его право *ius vitae necisque* заставляли трепетать перед ним и сенаторов, и магистратов, и воинов, и плебеев, и италиков. Страх, внушаемый диктатором, постоянно подчеркивает Ливий (II.18.8-9, V.2.8, VI.28.4, VI.39.7, VII.40.9, IX.26.75. и др.). Но не только страхом характеризовалось отношение к диктатору. Поскольку с его назначением связывали надежду на магические свойства (и в его полномочия включались сакральные функции независимо от конкретной цели назначения), то в отношении римлян к диктатору был еще и священный трепет. Перед ним благоговели, – пишет Ливий, – «как

перед божественной волей» (VIII.34.2.). Поэтому случаи сопротивления диктатору были крайне редки, но они имели место.

Эти единичные случаи, когда несогласие с диктатором приводило к выраженному протесту против его действий, зафиксированы в источниках только для ситуаций недовольства в войске. В 325 г. до н.э. диктатор Папирий не мог добиться внимания и тишины на сходке возбужденного войска во время конфликта с Фабием, которого ряды воинов спрятали от гнева диктатора. В 358 г. до н.э., когда воевали с галлами в окрестностях Педа, диктатор Гай Сульпиций не стремился к активным действиям против неприятеля, что привело к ропоту армии. От имени воинов и при их поддержке центурион Секст Туллий потребовал решительных сражений с галлами. Это заставило диктатора начать битву (Liv. VII.12.9-14; VII.13.1-11; VII.14.1-6).

Следовательно, будучи носителем верховной военной власти, диктатор в своих действиях по отношению к армии не был стеснен ничьим противодействием, кроме (в исключительных случаях) самих воинов, что являлось, в сущности, противозаконным.

Итак, вступление в должность диктатора приводило к временному подчинению ему ординарных магистратов, в том числе и к «замораживанию» консульского империя. Концепция, согласно которой диктатор предстает в роли *collega maior* консулов и не может находиться у власти дольше административного срока провозгласившего его консула, представляется нам ошибочной. Запрет трибунской интерцессии на решения диктатора имел место не только в первое время после возникновения должности диктатора, но и, наиболее вероятно, в течение всего периода ее существования. Во всяком случае мы не считаем доказательным мнение о применении трибунской интерцессии против превышения диктатором его целевых функций. Стремление диктаторов взаимодействовать с сенатом и комициями свидетельствует о том, что в отношении законодательных и контролирующих органов власти диктатор не был столь непререкаемым авторитетом, как в отношении власти исполнительной. Наоборот, он находился под возрастающим давлением сената и исходил из представления о верховенстве римского народа в основополагающих политических действиях. Проблема возможности апелляции к народу на решения диктатора, на наш взгляд,

102 ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИКТАТОРА

имеет следующее приемлемое решение: в военной сфере диктатор всегда был свободен от провокации, появление апелляции на действия диктатора в гражданской сфере представляется вероятным, но точной датировке не поддается (во всяком случае, это произошло позднее 449 г.)

Таким образом, деятельность диктатора была правовым способом регламентирована; его взаимодействие со своим заместителем, ординарными магистратами, сенатом и комициями подчинялись традиционным нормам. Несмотря на громадный объем полномочий чрезвычайного магистрата, раннереспубликанская диктатура не характеризовалась его вседозволенностью и не была внеконституционной.

Глава 5

ДИКТАТУРА И СОСЛОВНАЯ БОРЬБА

5.1 Использование диктатуры как инструмента сословной борьбы

Сословная борьба сыграла важную роль в создании и сплочении гражданского коллектива римской *civitas*. Вполне естественно, что в ее ходе задействованы были органы власти Рима. Для нас особый интерес представляет позиция экстраординарных магистратов — диктаторов в периоды обострения социальной напряженности.

Источники вполне определенно свидетельствуют, что чрезвычайная должность *magister populi* вводилась не только ввиду внешней угрозы, но и когда начинались «жестокие распри между гражданами» (Cic. *De leg.* III.9). Разрешение внутренних конфликтов было, как мы видели в гл. П, одним из важнейших целевых назначений диктатуры. Переход к диктаторскому правлению в обстановке противостояния сословий был серьезным рычагом воздействия на социальную конфронтацию. Введение диктатуры для погашения сословных конфликтов — радикальный и главный (но не единственный) способ использования диктатуры как инструмента сословной борьбы. Характер действий диктаторов, призванных для ликвидации ее вспышек, мы рассмотрим в следующем параграфе, сейчас же выясним возможности использования диктатуры в сословных интересах для патрициев и плебеев.

Поскольку диктатор кардинально вмешивался в сословную борьбу, имея при этом огромный объем полномочий, а также в других своих действиях мог прямо или косвенно задевать сословные интересы и чувства, то возникает вопрос: была ли сама эта магистратура объектом сословной борьбы?

Л.П.Кучеренко (указывая на соотношение числа диктаторов, — 7 плебейских и 32 патрицианских за период до конца IV в. до н.э.) полагает, что плебеи стремились овладеть этой магистратурой, но патриции активно сопротивлялись «домогаательствам плебеев на должность диктатора»³²⁰. И.В.Нетушил отвечал на поставленный вопрос отрицательно, считая, что предметом борьбы патрициев и плебеев диктатура никогда не была, так как диктаторские полномочия были верховными только в военной сфере³²¹.

Действительно, ярко выраженного стремления плебеев получить должность *magister populi* в источниках не прослеживается. Но, по нашему мнению, происходило это не из-за «узости» компетенции диктатора, которой фактически не было (см. гл.IV). Дело в том, что, как мы полагаем, диктатор обычно являлся креатурой сената (во всяком случае в V – первой половине IV в. до н.э.), и в таких условиях магистратура не могла быть реальным объектом сословной борьбы. Введение чрезвычайной должности зависело от сената, и, если высший ординарный магистрат не подчинялся сенату в его приказании *dictatorem dicere*, то сенат находил способы воздействия на него (Liv.IV.26.5-10; IV.56.9-11; IV.57.4-6) и добивался реализации своего права введения диктаторского правления.

Формальное право выбора персоны диктатора находилось в руках консулов, которыми до законов Лициния – Секстия могли быть только патриции. Поскольку гражданский коллектив не имел влияния на выбор диктатора, то у плебеев не было реальной возможности конституционным способом воздействовать на сенат и патрицианского консула при назначении чрезвычайного магистрата. Домогаться диктатуры в этих условиях плебеям смысла не имело, поскольку отсутствовали шансы занять ее путем приведения в

³²⁰ Кучеренко Л.П. Сословная борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме. Учеб. пособие. Сыктывкар, 1990. С.64.

³²¹ Нетушил И.В. Первый... 1907. Ч.VII. С.20-21.

действие законных политических механизмов. До появления плебейских консулов практически не могли появиться и плебейские диктаторы.

После получения плебеями доступа к консулату сенат продолжал давать поручения о провозглашении диктатора патрицианскому консулу. Юридически это мотивировалось тем, что патрицианский консул, во-первых, обычно являлся *primus nuntiatus* и, во-вторых, имел предпочтение при провозглашении диктатора, «основанное на меньшей сакральной квалификации плебеев»³²². Фактически за этим стояло стремление сенатского большинства иметь пропатрицианского диктатора, которое осуществлялось внешне вполне в рамках правил политической игры. Впервые сенат дал поручение плебейскому консулу провозгласить диктатора, как следует из текста Тита Ливия, в 358 г. до н.э. (Liv.VII.12.9). Это был консул Гай Плавтий, объявивший в сложной военной ситуации диктатором *rei gerundae causa* патриция Гая Сульпиция, когда патрицианский коллега Плавтия по консулату Гай Фабий был занят на театре военных действий. Хотя К.Й. Хелькескамп считает это упоминание далеко не историчным³²³, в самом факте назначения патрицианского диктатора через плебейского консула мы не усматриваем ничего противоречащего историческим реалиям, поскольку речь идет о ситуации спасения общины, когда сословные трения отступали на второй план.

По подсчетам Й. Яна, из одиннадцати известных по именам консулов, провозглашавших диктатора в период 366-292 гг. до н.э., восемь были патрициями и только трое плебеями³²⁴. Однако Р. Рилингер отметил, что эти статистические наблюдения Й. Яна не имеют значения, поскольку всего за данный период провозглашали диктаторов тридцать семь консулов³²⁵. Весьма вероятно, что во второй половине IV в. до н. э. плебейских консулов, объявлявших диктатора в действительности было больше, и к 30-м гг. IV в. привилегия патрицианских консулов, «потенциально несущая

³²² Hölkeskamp K.J. Die Entstehung... S.120.

³²³ Hölkeskamp K.J. Die Entstehung... S.66.

³²⁴ Jahn J. Op. cit. S.36.

³²⁵ Rilienger R. Der Einfluß... S.26.

конфликты»³²⁶, была утрачена. Это согласуется с общей логикой сословной борьбы в римской общине, когда после 342 г. до н.э. затихает соперничество патрицианской и плебейской верхушки за высшую ординарную магистратуру. Потеря данной привилегии не означает полного отказа патрицианской части сената от использования испытанного рычага давления на экстраординарную должность, но утрата прежнего доминирования в консулате (в 50-40-е гг. IV в. было пять чисто патрицианских консульских коллегий – 355, 354, 353, 351, 349 гг. до н.э.) не дает теперь уже столь широких возможностей.

Таким образом, до середины IV в. до н.э. диктатура была только патрицианским политическим инструментом: консулы-патриции с подачи патрицианского большинства сената назначали патрицианского диктатора. Первоначально патрицианская монополия на диктатуру была нарушена, вероятно, в той части, что провозглашать диктатора-патриция стали появившиеся после 367 г. плебейские консулы. Первый же диктатор-плебей, как известно, был назначен вопреки воле сената в 356 г. до н.э., им стал Гай Марций Рутил. Но еще раньше, в 368 г., плебеи впервые получили должность начальника конницы при диктаторе, когда Публий Манлий объявил своим помощником Гая Лициния (Liv.VI.39.3.).

Патрицианское сословие использовало не только назначение диктаторов *optima lege*; другим способом применения диктатуры как инструмента сословной борьбы стало введение такой ее разновидности, как *comitiorum habendorum causa*, когда диктатора назначали для проведения консульских выборов.

Прежде чем диктатуру стали вводить конкретно для этой цели, появились прецеденты проведения консульских выборов диктатором, назначенным для ведения войны. Но они стали иметь место только после принятия законов Лициния – Секстия: «до 367 г. сенат принципиально не допускал появления экстраординарного председателя комиций (особенно показателен 390 г., когда Камилл устранен от выборов как диктатор, но получает к ним доступ в качестве междуцаря)»³²⁷ С появлением плебейских консулов, се-

³²⁶ *Hölkeskamp K.J.* Die Entstehung... S.119.

³²⁷ *Трухина Н.Н.* Указ. соч. С.157.

нат, напротив, стремится передать функции председателя выборов лояльному к нему патрицианскому диктатору. Так, в 353 г. до н.э. диктатор Тит Манлий стремился провести в консулы двух патрициев (Liv.VII.21.1), то же самое пытался сделать в 352 г. до н.э. диктатор Гай Юлий (Liv.VII.22.1).

В 351 г. до н.э. диктатор уже был назначен при отсутствии военной угрозы и других причин, только для проведения выборов с тем, чтобы «не соблюдать закона Лициния» (Liv. VII.22.10). Это стремление патрициев провести выборы высших ординарных магистратов при помощи диктатора реализовалось довольно часто и имело свои результаты. При этом плебейский консул отстранялся от руководства комициями. К тому же мы согласны с мнением Й. Яна, что диктатор имел больше возможностей влиять на исход выборов, чем председательствовавший консул и даже интеррекс, учитывая реальные итоги таких выборов (см. с.51-55).

Подобные выборы по сути близки назначению консулов диктаторами. И если диктатор занимал просенатскую позицию (что чаще всего и имело место), то исход выборов был благоприятным для патрициев. Если же диктатором в силу конфронтации консула с сенатом становился плебей, то авгуры действовали испытанным способом: объявляли о неблагоприятных знамениях и не давали провести консульские выборы (Liv.VIII.23.13-14). Активно сенат использовал выборную диктатуру для формирования устраивавшей его консульской коллегии до конца 40-х гг. IV в. до н.э., хотя не отказывался от нее в интересах патрициата и впоследствии. Первый же осуществивший руководство выборами диктатор-плебей провел их только в 280 г. до н.э.

Таким образом, диктатура для проведения выборов использовалась патрициями как правовой способ не соблюдать закона о паритете патрициев и плебеев при избрании консулов. Это была явная «политическая уловка», антиплебейская по своему характеру. Однако, будучи антиплебейской мерой, она не носила характера грубого нажима со стороны диктатора, а имела вид политической конкуренции в соответствии с принятыми нормами. Защищая интересы патрициата, такой метод, не являясь откровенно насильственным, не приводил к превращению социальной напряженности в бурный конфликт сословий с открытым противоборством сто-

рон. Гражданская община использовала государственную функцию поддержания стабильности путем придания сословной борьбе политико-правового выражения: в форме борьбы за консулат, за проведение законов и т.п.

Итак, с середины IV в. до н.э. диктатура перестает быть лишь таким орудием сословной борьбы, которое применяется только по желанию патрициата; постепенно она начинает использоваться и плебеями, чему предшествовали их успехи в деле достижения паритета в высшей ординарной магистратуре.

5.2 Политика диктаторов в обстановке обострения межсословных противоречий

Диктатор получал чрезвычайные полномочия по инициативе сената и был в большинстве случаев в V первой половине IV в. до н.э. его ставленником. А так как сенат представлял собой в это время ядро патрициата³²⁸ и (на что обратил внимание еще А.В.Захаров³²⁹) Ливий почти всегда отождествляет патрицианское сословие с сенатом, то вполне логично предположить, что при патрицианско-плебейской конфронтации диктатор должен был обычно занимать пропатрицианскую позицию. Тем более что иногда сенат прибегал к введению диктатуры из-за недовольства консулом, особенно активно защищавшим интересы плебеев (Liv. VIII.12.10-12). Действительно, в ряде случаев, зафиксированных в источниках, сенат назначал диктатора в качестве антиплебейской меры при обострении сословной борьбы, причем Ливий называет это «последним средством» для патрициев (Liv. VI.38.3). Получив при таких обстоятельствах власть, диктатор мог занять жесткую позицию по отношению к требованиям плебеев и к их действиям. Самым ярким примером тому являются события 385 г. до н.э., свя-

³²⁸ Кофанов Л.Л. К вопросу о времени возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1990. №2. С.128.

³²⁹ Захаров А.В. Политическая терминология первых шести книг Тита Ливия // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. Кн.1. С.62.

занные с обострением долгового вопроса и движением Марка Манлия (Plut. Sam. XXXVI; Liv. VI.15. 1-13; 16.1-8; 17.1-6). Диктатор³³⁰ приказал заковать Манлия в оковы и бросить в темницу. Ранее еще более сурово действовал диктатор 439 г. до н.э. Луций Квинкий Цинциннат. Судя по всему, конфликт этого года — тоже вспышка сословной борьбы, хотя обвинения Спурию Мелию, стремившемуся сплотить вокруг себя плебеев, проводя хлебные раздачи (Dionys. XII.2-4), сводились к его якобы подготовке к восстановлению царской власти (Liv. IV.13.8). Этот прием неоднократно использовался в борьбе против лидеров плебейского движения (в том числе и против упомянутого Марка Манлия). Спурий Мелий был убит заместителем диктатора, начальником конницы, т.е. против него было применено право диктатора казнить и миловать любого человека (*ius vitae necisque*).

Однако кроме прямого силового давления на плебеев путем репрессивных мер против их вождей, диктаторы использовали и другие средства, — а именно такие методы, которые были направлены на достижение определенного компромисса. В 494 г. до н.э. сенат решил назначить диктатора также ввиду обострения сословной борьбы. При этом, как сообщает Ливий, плебеи понимали, что избрание диктатора направлено против них (Pl. 30.5-11). Интересно, что при выборе конкретного лица для наделения чрезвычайными полномочиями сенат предпочел не кандидатуру ненавистного плебеям Аппия Клавдия, а лояльно относящегося к ним Мания Валерия. Диктатор предпринял шаги, облегчавшие положение плебеев (Dionys. VI.36-37). Его указ был, как пишет Ливий, «схожим с указом консула Сервилия» (Liv. Pl. 30.6), т.е. запрещалось держать в неволе римского гражданина, «лишая его возможности записаться в консульское войско, и чтобы никто, пока воин в лагере, не забирал бы и не отчуждал его имущества, и не задерживал его детей и внуков» (Liv. Pl. 24.6). Такие действия диктатора привели к определенному согласию и успокоили плебеев. Б.А. Павлович подчеркивал, что в этой ситуации «доверие к неограниченной власти

³³⁰ По свидетельству Ливия это был Авл Корнелий Косс (VI.11.10), а согласно Плутарху — Тит Квинкий Капитолийский (Plut. Sam. XXXVI.), названный у Ливия начальником конницы.

диктатора, равно как и благоговение перед этой властью, сломили упорство плебеев»³³¹. В свете сказанного выше такая оценка не кажется неоправданной.

В связи с рассмотрением характера мероприятий диктаторов, назначенных из-за обострения сословной борьбы, большой интерес представляют события, связанные с принятием законов Липиния и Секстия. В 368 г. до н.э. сенат, использовав другие средства сопротивления действиям этих плебейских трибунов, назначил диктатором Марка Фурия Камилла (Liv.VI.38.4; Plut. Cam. XXXIX). Как пишет Плутарх, Камиллу предоставили чрезвычайные права, чтобы он «сломил сопротивление народа», а по определению Ливия, чтобы боролся с плебейскими вождями «молниями диктаторской власти» (Liv. VI.39.7). Диктатор стал применять репрессивные меры, но они успеха не имели, и Камилл вынужден был сложить с себя полномочия.

Античные авторы предлагают различные версии причин его отставки (постановление о штрафе, принятое собранием плебеев, перспектива изгнания и осуждения, обнаружившиеся дурные предзнаменования при выборах и т.п.). Нам представляются существенными два замечания: Ливия, который писал, что Камилл отказался от должности в ситуации, «когда дело не двигалось» (VI.38.9) и Плутарха, отмечавшего, что возможно, диктатор «считал силу народа непобедимой» (Plut. Cam. XXXIX). Видимо, для сената стало ясно, что жесткими антиплебейскими действиями конфликтную ситуацию не разрешить. Поэтому патриции воспользовались, по существу, единственной законной возможностью отстранить диктатора (непопулярного у плебеев и не сумевшего погасить накал борьбы): авгуры объявили о неблагоприятных предзнаменованиях при совершении ауспий, проводившихся перед назначением диктатора. Этот прием неоднократно использовался в случаях недовольства патрициев действиями диктаторов (Liv.VIII.15.5; 17.4; 23.14-15). Был назначен новый диктатор, Публий Манлий, и совершенно очевидно, что его политика сразу приобрела характер достижения определенного гражданского согласия: даже начальником конницы он объявил плебея (Liv.VI.39.3-4).

³³¹ Павлович В.А. История Греции и Рима. СПб., 1873. С.207.

По всей видимости, сохранение общины, ее обороноспособности, требовали примирения сторон, хотя бы ценой уступок. На следующий год, когда диктатором снова был назначен Камилл (для ведения военных действий против галлов, – он был самый заслуженный военачальник), он и сенат вынуждены были признать требования плебейских трибунов (Liv.VI.42.9). Камилл на этот раз действовал более гибко, и именно благодаря ему, согласно Ливию (VI.42.11) удалось достичь компромиссного решения³³² Как отмечала Н.Н.Трухина, символично, что именно Камилл в 367 г., будучи диктатором, в знак примирения сословий освятил храм Согласия³³³

Анализ пяти известных случаев (до середины IV в. до н.э.) назначения диктатора-патриция для решения внутривнутриполитических конфликтов, которые по типу относятся к диктатуре *seditionis sedandae causa*, показывает, что в трех из них прослеживается отчетливая тенденция поиска взаимоприемлемых решений на компромиссной основе. В двух других ситуациях диктатор действовал с позиции силы и принимал меры, направленные против плебейских вождей. При этом он применял насилие, используя только 24 своих ликтора, но отнюдь не войско, находившееся в его полном подчинении. К тому же и в этих двух случаях диктаторы проводили мероприятия, направленные на ослабление конфликта, не путем подавления плебеев, а исходя из учета их интересов. Так, после заточения Марка Манлия была выведена колония в Сатрик в 2 тыс. граждан, а после казни Спурия Меллия был выбран одиннадцатый плебейский трибун (как сообщают Ливий и Плиний Старший Liv.IV.16.3-4; Plin. Nat. hist. XVIII.15), хотя Ливий с недоверием относится к такой информации.

Итак, диктатор, получивший власть вследствие обострения сословной борьбы, занимал в силу механизма назначения пропатрицианскую позицию. Но в задачу его входило снять социальное напряжение не только и не столько прямым насилием и подавлением плебеев (хотя до самого конца периода сословной борьбы диктатор

³³² Momigliano A. Camillo e la concordia // Momigliano A. Storia e storiografia antica. Bologna: Il Mulino, 1987. P.257-274. Трухина Н.Н. Указ. соч. С.153.

³³³ Трухина Н.Н. Указ. соч. С.153.

имел право осудить на смерть любого человека). В интересах гражданской общины было прийти к взаимному согласию сословий, что достигалось политикой компромиссов. Надо отметить, что и со стороны плебеев прослеживается стремление защищать, в первую очередь, интересы общины в целом, а затем уже — сословные. Так, начавшийся в 359 г. до н.э. социальный конфликт был спешно прекращен из-за нависшей внешней военной угрозы (Liv.VII.12). Диктаторы-плебеи провозглашали начальниками конницы патрициев, чтобы «не ожесточить» другое сословие³³⁴.

Компромиссы были непременным условием поддержания стабильности *civitas*, сохранения ее обороноспособности. Н.Макиавелли подчеркивал наличие в ранней Римской республике внутреннего единства: «В самом деле, всякий, кто тщательно исследует исход римских смут, обнаружит, что из них происходили не изгнания или насилия, наносящие урон гражданскому благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу»³³⁵. Мы считаем также чрезвычайно глубоким вывод Е.М.Штаерман о том, что в ходе сословной борьбы сформировалась древнейшая гражданская добродетель — *concordia* — согласие между патрициями и плебеями³³⁶. В конечном счете, стремление согласовать противоречивые интересы привело к последующей эмансипации плебеев.

Собственно, и в событиях последнего крупного всплеска сословной борьбы (287 г.до н.э.) был назначен диктатор Квинт Гортензий для урегулирования конфликта (Gell. Noct.Att. XX.15.27.4; Plin. Nat. hist. XXXVII. 16.37; Zonar. Epit. 15.2). Он стремился сделать это политическими средствами (принятие известного закона о плебисцитах). Гортензий был плебеем, и в данном случае сам факт назначения диктатора-плебея можно рассматривать как примиряющий шаг.

В связи с этим интересно проследить, всегда ли мы можем говорить о вручении полномочий диктатору-плебею как о (пусть и вынужденном) шаге одной противостоящей социальной силы на-

³³⁴ Beloch K.J. Op. cit. S.347.

³³⁵ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. Р.Хлодовского // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 389.

³³⁶ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т.1. С.26.

встречу другой. Обращение к источникам показывает, что процесс развивался далеко не однозначно. Первый плебейский диктатор Гай Марций Рутил (356 г. до н.э.) был назначен ввиду непосредственной военной угрозы. Ливий отмечает, что сенаторов это возмутило, и мы вправе предположить, что один из консулов провозгласил диктатором неугодного патрициям человека, встав в определенную оппозицию по отношению к сенату. Судя по всему, это был консул-плебей Марк Попилий Ленат (Liv.VII.17.1,10). Близкая по характеру ситуация сложилась и в 339 г. до н.э., когда сенат, чтобы избавиться от консулов, конфликтующих с ним, приказал назначить диктатора, а консул Эмилий Мамерцин провозгласил диктатором своего коллегу, плебея Квинта Публилия Филона (Liv.VIII.12.12-16).

Эти факты свидетельствуют, что в условиях, когда персональный выбор диктатора во многом зависел от сената, плебеи оказывались в этой должности поначалу только в случаях конфронтации консулов с сенатом, что стало возможным после принятия законов Лициния и Секстия и появления плебейских консулов, а реально осуществилось через десять с лишним лет. И, видимо, прошло много десятилетий, прежде чем сенат стал использовать назначение плебейского диктатора как стабилизирующий фактор.

Кроме рассмотренных случаев введения диктатуры специально для снятия социальной напряженности (494, 439, 385, 368 – две диктатуры, 287 гг. до н.э.), еще около пяти диктаторов, не будучи назначенными *seditionis sedandae causa*, так или иначе были задействованы в сословной борьбе. Если цель первой диктатуры (501 г. до н.э.) как средства урегулирования социального конфликта (Dionys.V.70) вызывает сомнения, то ограничение пензорских полномочий диктатором Мамерком Эмилием в 434 г. (Liv.IV.24.3), безусловно, может рассматриваться в русле смягчения сословной конфронтации, ибо было в интересах плебеев.

Диктатура 380 г. до н.э., имевшая в качестве непосредственного повода нападение внешних врагов, во многом была обусловлена обострением долгового вопроса и связанных с ним волнений против нового набора в армию (Liv.VI.27-29). Поэтому проведенный Титом Квинкцием Цинциннатом набор, по сути, не только обеспечил победу над латинами, но и пресек вспышку сословной борьбы.

Проблематичным является проведение социальных мероприятий диктатором Марком Валерием Корвом в 342 г. до н.э. (законов о занятии одной должности не ранее чем через 10 лет, о возможности избрания обоих консулов из плебеев и др.), поскольку в существовании этой диктатуры не был уверен Тит Ливий, допускавший, что названные законы были приняты в период консульского правления (Liv. VII.41-42).

Наконец, согласно сообщению Ливия, в 339 г. до н.э. уже упомянутый диктатор Квинт Публилий Филон провел три благоприятных для плебеев закона: 1) об обязательности постановлений плебейских собраний для всех граждан; 2) об одобрении законов посредством сенатской *auctoritas* до их рассмотрения в центуриатных комициях; 3) о предоставлении плебеям одной должности в цензорской коллегии (Liv. VIII.12.14-16). Оставляя в стороне дискуссионный вопрос об историчности первого закона Филона³³⁷, отметим, что он не противоречит характеру социальной политики диктатора.

Таким образом, до 287 г. до н.э. в общей сложности около 10 диктаторов решали проблемы сословных противоречий. Причем, не только диктаторы-плебеи проводили мероприятия в интересах своего сословия, но и диктаторы-патриции часто шли на серьезные уступки.

Факты, когда плебеи становились диктаторами вопреки желанию сената, и случаи, когда позиция диктаторов носила выраженный проплебейский характер, позволяют согласиться с Н.Н.Трухиной, что во второй половине IV в. до н.э. диктатура стала «обоюдоострым орудием»³³⁸.

На таком принципиально важном вопросе отношения диктаторской власти к сословной борьбе как характер деятельности плебейских трибунов в условиях функционирования экстраординарной магистратуры мы уже останавливались в гл. IV (см. с.93-96).

В целом, мы можем сделать выводы, что изначально должность диктатора была патрицианской монополией, плебеи не имели пра-

³³⁷ Ханкевич О.И. Законодательная деятельность трибутов комитий плебса в Римской республике (287-133 гг. до н.э.) // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977. С. 69.

³³⁸ Трухина Н.Н. Указ. соч. С. 157.

вового механизма соперничества за эту магистратуру, поэтому до 367 г. говорить о притязаниях на нее со стороны низшего сословия не приходится. Плебейские диктаторы появляются после допуска плебеев к консулату, первоначально как следствие конфликтного противодействия консулов-плебеев сенату. После затухания острой борьбы за высшую ординарную магистратуру к концу 40-х гг. IV в. до н.э. стремление сената провозгласить диктатора-патриция через консула-патриция перестает быть остро актуальным, хотя и сохраняется довольно долго. В III в. до н.э. само назначение плебея диктатором являлось следствием желания достигнуть взаимоприемлемых решений.

Диктатура использовалась в сословной борьбе различными способами. К ней прибегали как к инструменту разрешения обострившихся противоречий, назначая диктатора *seditionis sedandae causa*. При этом диктатор, будучи обычно креатурой сената, занимал пропатрицианскую позицию, но действия его носили характер не столько прямого подавления плебеев, сколько поиска приемлемого компромисса. Плебейский диктатор, провозглашенный для разрешения проблем сословной борьбы, имел место только в событиях 287 г., которые привели к уравниванию в правах патрициев и плебеев. Диктаторы, назначенные для решения других важных государственных дел, также могли оказывать воздействие на сословные взаимоотношения. При этом опять-таки прослеживается стремление достичь согласия сословий, выраженное в действиях не только плебейских, но и патрицианских диктаторов. Мы ни в коем случае не можем поддержать тезис о том, что диктатура осуществлялась «в узкоэгоистичных интересах патрициата»³³⁹

Кроме главного и прямого использования диктаторской власти для разрешения социальных конфликтов или вопросов сословных противоречий, инструментом сословной борьбы стала и специальная диктатура для проведения консульских выборов, которую сенат пытался использовать с тем, чтобы консульские должности были заняты просенатскими, патрицианскими кандидатурами. Это был вполне конституционный способ проведения антиплебейской политики, активно применявшийся в 50-40-е гг. IV в. до н.э. В даль-

³³⁹ *Токмаков В.Н.* Указ. соч. С.115.

нейшем диктатура *comitiorum habendorum causa* перестала быть явно выраженным орудием пропатрицианской политики, тем более, что она на восемьдесят с лишним лет пережила сословные антагонизмы.

Сословная борьба, несомненно, сыграла одну из ключевых ролей в становлении римской *civitas*³⁴⁰ Одновременно борьба патрициев и плебеев явилась настоящей проверкой ее жизнеспособности. Важным фактором самосохранения общины в условиях этой борьбы было регулирующее воздействие органов власти, в том числе и чрезвычайной.

³⁴⁰ *Штаерман Е.М.* К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. №2. С.76-94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Должность *magister populi* (*dictator*) явилась своеобразным институтом римской *civitas*, в деятельности которого проявились как особенности политической системы римской общины, так и общие черты полисной организации.

Являясь рычагом авторитарного правления, но функционируя в рамках тенденции к демократизации общественной жизни гражданского коллектива, сформировавшегося в раннереспубликанское время в полис, магистратура диктатора оказалась действенным органом консолидации общины в чрезвычайных условиях — для отражения внешней или внутренней угрозы ее существованию.

Для Рима была характерна определенная нацеленность всей политической организации на поддержание жизнеспособности общины как социального организма. В качестве же составной и эффективной части механизма саморегуляции и «быстрого реагирования» на потенциально серьезную опасность функционировала в Риме V-III вв. до н.э. должность диктатора. Естественно, что не обошлось на этой почве без «политической игры» сената, державшего в своих руках «приводные ремни» диктаторской власти и иногда вводившего диктатуру из корпоративных соображений, только маскируясь существованием опасности для общины.

Диктатура была, по своей сути, архаичным политическим институтом. Она существовала в рамках неизменного правового содержания власти диктатора, унаследовавшего *regium imperium*, но практика ее политической реализации претерпевала изменения. Потенциально заложенный в диктатуре огромный объем исполнительной власти одновременно в сфере *domi* и в сфере *militiae* не позволяет нам говорить ни о ее изначальной «чисто военной» при-

роде, ни о внутренне присущей ей строго определенной компетенции, ни об эволюции диктаторского империя.

Период существования раннереспубликанской диктатуры охватывает три века, на протяжении которых римская община прибегала к назначению чрезвычайного магистрата около 85 раз (точную цифру диктатур определить практически невозможно, ибо источники расходятся в сведениях о них, а иногда и противоречат друг другу). Немногим менее половины от общего количества диктатур приходится на вторую половину IV в. до н.э. (от Законов Липиния - Секстия до конца века), когда введение экстраординарного правления использовалось наиболее часто. Примерно две трети всех случаев провозглашения диктатора составляют магистраты *optima lege*, треть же приходится на диктаторов *imminuto iure* (подавляющее большинство которых назначались специально для проведения консульских выборов). Для диктаторов V-IV вв. до н.э. приоритетными были военные функции, для диктаторов III в. до н.э. — гражданские; в сословной борьбе на всем ее протяжении были задействованы около 10 диктаторов.

Раннеримская диктатура прекращает свою жизнь вместе с окончанием III в. до н.э., завершившего государственное оформление римской общины. В сформировавшейся политической системе диктатуре, как пережитку архаического времени, места уже не нашлось. При этом общество в целом и его политические лидеры не прикладывали каких-то специальных усилий для ликвидации этого института, — диктатура отмирает, как рудиментарный орган, естественным образом. К началу II в. она уже нецелесообразна в военном отношении (войны длительные и далекие, для которых шестимесячный империй, полученный в пределах *ager Romanus*, не дает полководцу возможности выполнить поставленные задачи) и не требуется для решения внутривнутриполитических дел, поскольку гражданский мир нужно только поддерживать (для чего более подходящими являются полномочия ординарных магистратов), а не лихорадочно спасать экстраординарными усилиями, как это было в период напряженной сословной борьбы.

Наметившееся к концу III в. усиление специализированного влияния сената и консулов (как главных опор теперь уже нобилитарной республики) привело к тому, что сенат, практикуя все

чаще применение «усеченного» диктаторского империя, подрывает ореол максимально полновластной магистратуры. С другой стороны, увеличение политического веса высших постоянных магистратов (в том числе и за счет пророгации империя) имеет следствием невозможность для сената отстранять консулов только по своему усмотрению, заменяя их чрезвычайным диктатором. Это неизбежно приводит к отступлениям от правового механизма назначения диктаторов: появляются обращения к народному собранию за санкционированием введения диктатуры (217 и 210 гг.), одновременное функционирование двух диктаторов (216 г.), уравнивание в правах диктатора и начальника конницы (217 г.). В результате мы наблюдаем появившееся противоречие между архаично-консервативным «юридическим каркасом» диктатуры и стремлением деформировать его практическим ее применением. Однако «застывшая» древняя должность не поддается трансформации, она может быть скорее отодвинута и забыта, чем видоизменена. Процесс отказа от нее неизбежно приходит к логическому завершению.

Попытка реанимировать институт диктатуры через 120 лет после его естественной смерти, конечно, будет таковой лишь внешне. Сулла и Цезарь не стремились возобновить принципиальное содержание раннереспубликанской диктатуры, так же как и ее конституционное положение. Диктатура V-III вв. до н.э. не разрушала республику, она укрепляла ее; она в наименьшей степени могла способствовать и прочной политической карьере честолюбивого государственного деятеля. Поэтому кроме стремления восстановить внешние атрибуты древней чрезвычайной должности и тем самым придать своей власти видимость опоры на традиции, диктаторы поздней республики иную преемственность с ней иметь не будут.

Литература

1. *Азаревич Д.* Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование. Т.1. Спб., 1875.
2. *Бобович А.С.* Комментарии к «Анналам» // Тацит Корнелий. Анналы. История. Т. 1-2. Приложения. Спб., 1993. С. 603-628.
3. *Боголепов Н.* Учебник истории римского права. М., 1907.
4. *Боданская Н.Е.* Комментарии // Ливий Тит. История Рима от основания города Т.1. М., 1989. С. 505-549.
5. *Виллемс П.* Римские государственные и правовые древности. Киев, 1890.
6. *Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1928.
7. *Герье В.И.* Лекции по римской истории М., 1904.
8. *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.
9. *Ефимов В.В.* Лекции по истории римского права. Спб., 1898.
10. *Затаров А.В.* Политическая терминология первых шести книг Тита Ливия // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. Кн.1. С. 55-101.
11. *Игнатенко А.В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Дис... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1981.
12. *Игнатенко А.В.* Древний Рим: от военной демократии к диктатуре. Свердловск, 1988.
13. *Кареев Н.И.* Государство – город античного мира. 2-е изд. Спб., 1905.
14. *Ковалев С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986.
15. *Копп У.* Римские древности. М., 1868.
16. *Кофанов Л.Л.* К вопросу о времени возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1990. №2. С. 127-130.
17. *Крылов Н.И.* История римского права. М., 1868/69.
18. *Кудрявцева Т.В.* Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме. Дис...канд. ист. наук. Л., 1990.
19. *Кучеренко Л.П.* Сословная борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме. Учеб. пособие. Сыктывкар, 1990.
20. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. Р. Хлодовского // *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М. 1982. С.379-452.
21. *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1993.
22. *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1983.

23. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1877.
24. *Немировский А.И.* Царская власть у этрусков // Норция. Воронеж, 1971. С. 15-27.
25. *Нетушил И.В.* Обзор римской истории. Харьков, 1916.
26. *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып.1. Харьков, 1894.
27. *Нетушил И.В.* Первый римский диктатор // Журнал министерства народного просвещения. 1906. Ч. VI (ноябрь). С. 489-519; 1907. Ч. VII. №1. (январь-февраль). С. 20-41.
28. *Низе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. 3-е изд. Спб., 1910.
29. *Нич К.В.* История Римской республики. Спб., 1904.
30. *Павлович Б.А.* История Греции и Рима. Спб., 1873.
31. *Пассек Е.В.* Пособие к лекциям по истории римского права. Юрьев, 1906.
32. *Покровский И.А.* История римского права. 4-е изд. Пг., 1918.
33. *Пушта Г.Ф.* История римского права. Ч.1. М., 1863.
34. *Санчурский Н.* Краткий очерк римских древностей. Пг., 1916.
35. *Смирин В.М. Чистяков Г.П.* Комментарии // Ливий Тит. История Рима от основания города. Т.2. М., 1991. С. 440-526.
36. *Сморчков А.М.* Сакральные основы римской civitas. Дис...канд. ист. наук. М., 1991.
37. *Токмаков В.Н.* Цель и значение диктатуры в раннеримской республике (V-IV вв.) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 108-115.
38. *Трухина Н.Н.* Сущность и значение римской диктатуры. М., 1970. Рукопись. (Библиотека кафедры истории древнего мира МГУ).
39. *Федорова Е.В.* Ранняя латинская письменность VIII-II вв. до н.э. М., 1991.
40. *Фюстель де Куланж.* Древняя гражданская община. М., 1895.
41. *Ханжевич О.И.* Законодательная деятельность трибунных комиций плебса в Римской республике (287-133 гг. до н.э.) // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977. С. 67-76.
42. *Хвостов В.М.* История римского права. М., 1919.
43. *Целлер М.* Римские государственные и правовые древности. М., 1894.
44. *Чеканова Н.В.* Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи. Учебное пособие. Ярославль, 1990.
45. *Чистяков Г.П.* Комментарии // Ливий Тит. История Рима от основания города. Т.1 М., 1989. С. 549-575.
46. *Штаерман Е.М.* К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. №2. С. 76-94.
47. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т.1. С. 22-105.
48. *Штюрмер Л.Л.* Рим до и во время Юлия Цезаря. Спб., 1876.

49. *Шулин Ф.* Учебник истории римского права / Пер. И.И.Шукина под ред. В.М.Хвостова. М., 1893.
50. *Abbot F.F.* A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New-York, 1963.
51. *Alföldi A.* Zur Struktur des Römerstaates im V. Jarhundert v. Chr. // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 223-278.
52. *Altheim F.* Forschungsbericht zur römischen Geschichte. 1. Die Latinische Diktatur // *Die Welt als Geschichte*. Stuttgart, 1940. S. 227-236.
53. *Altheim F.* Römische Geschichte. Frankfurt am Main Wiesbaden, 1951.
54. *Arangio-Ruiz V.* Storia del diritto romano. Napoli, 1940.
55. *Bandel F.* Die Römischen Diktatoren. Breslau, 1910.
56. *Beloch K.J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926.
57. *Becker W.A.* Handbuch der Römischen Alterthümer. B.2. Leipzig, 1846.
58. *Bengtson H.* Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. B.1. München, 1970.
59. *Bernardie A.* Dagli ausiliari del rex al magistrati della respublica // *Athenaeum*. 1969. Vol. XXX. P. 3-58.
60. *Birt Th.* Was heißt βασιλευς, was heißt Dictator? // *Reinisches Museum für Philologie*. 1927. B.76. S. 198-204.
61. *Bleicken J.* Die Nobilität der römischen Republik // *Gymnasium*. Heidelberg, 1981. B. 88. S. 236-253.
62. *Bleicken J.* Die Verfassung der römischen Republik. 6.Auf. Paderborn München - Wien - Zürich, 1993.
63. *Bleicken J.* Geschichte der Römischen Republik. 4. Auf. R. Oldenbourg Verlag. München, 1992.
64. *Bleicken J.* Staat und Recht in der Römischen Republik. Wiesbaden, 1978.
65. *Bleicken J.* Staatliche Ordnung und Freiheit in der Römischen Republik. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1972.
66. *Bleicken J.* Ursprung und Bedeutung der Provocation // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R.A. Weimar, 1959. B.76. S. 324-377.
67. *Bleicken J.* Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium potestas - imperium. Göttingen, 1981.
68. *Broughton T.R.S. / Patterson M.L.* The magistrats of the Roman republic. Vol.1-2. 1951-1952.
69. *Bruck E.F.* Über römisches Recht im Rahmen der Kulturgeschichte. Berlin Göttingen - Heidelberg, 1954.
70. *Cohen D.* The origin of Roman dictatorship // *Mnemozyne*. 1957. Vol. X. P. 308-325.
71. *Cornelius F.* Römische Geschichte. Stuttgart und Köln, 1950.
72. *Cornelius F.* Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940.

73. *De Martino F.* Intorno all'origine della repubblica romana e della magistrature // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin New York, 1972. P.217-249.
74. *De Martino F.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958.
75. *De Sanctis G.* Storia dei Romani. «La Nuova Italia». Editrice Firenze, 1956.
76. *Dorey T.A.* The dictatorship of Minucius // The Journal of Roman Studies. 1955. Vol. XLV P. 92-96.
77. *Drummond A.* The Dictator yars // Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. B. XXVII. Wiesbaden, 1978. S. 550-572.
78. *Ducati P.* L'Italia antice Dalle prime civiltà 'alla morte di Casare (44 a.C.). Milano, 1936.
79. *Dulckeit G.* Römische Rechtsgeschichte. München und Berlin, 1952.
80. *Dupond A.* De Dictatura et de magisterio equitum. Parisius, 1875.
81. *Ehrenberg V* Imperium Maius in The Roman Republic // American Journal of Philology. 1953. Vol. LXXIV 2. P. 113-136.
82. *Finley M.* Das politische Leben in der Antiken Welt. München, 1986.
83. *Friezer E.* Interregnum and patrum auctoritas // Mnemosyne. 1959. Series IV Vol.XII. P. 301-329.
84. *Fritz K.* The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. New-York, 1954.
85. *Gelzer M.* Die Nobilität der Römischen Republik. Berlin, 1912.
86. *Gintowt E.* «Dictator Romanus» // Revue Internationale de Droit de l'Antiquite. Bruxelles. 1949. Vol.1. P.385-394.
87. *Giovannini A.* Consulare imperium. Basel, 1983. (Schweizerische Beiträge zur Altertumwissenschaft. Heft 16.)
88. *Giovannini A.* Les origines des magistratures romanes // Museum Helveticum. Basel, 1984. Vol. 41. Fasc. 1. P. 15-30.
89. *Giovannini A.* Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 406-436.
90. *Gjerstad E.* The origins of the Roman Republic // Entretiens sur l'antiquite classique. 1967. Vol. 13. P. 1-30.
91. *Graeber A.* Auctoritas Senatus und obermagistratische Gewalt // Würzburger Jahrbücher für die Altertumwissenschaft. 1989. B.15. S. 139-158.
92. *Grziwotz H.* Das Verfassungsverständnis der römischen Republik. (Ein methodischer Versuch). Frankfurt am Main Berlin New-York, 1985.
93. *Gusso M.* Appunti sulla notazione dei Fasti Capitolini interregni caus(sa) (pro)dittatura di Fabio Massimo nel 217 p.C. // Historia. Stuttgart, 1990. B. XXXIX. S. 291-333.
94. *Hackl U.* Krieg und Politik im republikanischen Rom // Klassisches Altertum, Spätantike und frühes Christentum. Würzburg, 1993. S.95-105.
95. *Hackl U.* Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2. Jahrhunderts v.Chr. bis zur Diktatur Sullas. Kallmünz, 1982.

96. *Hannel K.* Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946.
97. *Heinze K.* Auctoritas // *Hermes*. 1925. B. 60. S. 348-366.
98. *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. B.1. Leipzig, 1884.
99. *Heurgon J.* Magistratures romaines et magistratures etrusques // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol.13. P.104-112.
100. *Heuß A.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt. Göttingen, 1983. (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1. Philologisch - Historische Klasse, 1983. S. 376-454.)
101. *Heuß A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1977.
102. *Heuß A.* Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R.A. Weimar, 1944. B. 64. S. 57-133.
103. *Hill H.* *Eguites and Celers* // *Classical philology the univ. of Chicago press*. 1938. Vol. XXXIII. P. 283-290.
104. *Hölkeskamp K.J.* Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart, 1987.
105. *Hölkeskamp K.J.* Senat und Volkstribunat im frühen 3. Jh. v. Chr. // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S. 437-457.
106. *Ilhne W.* Römische Geschichte. B.2 Leipzig, 1870; B.4. Leipzig, 1876.
107. *Jahn J.* Interregnum und Wahldiktatur. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1970.
108. *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. B.1. Leipzig, 1885.
109. *Kaser M.* Römische Rechtsgeschichte. 2.Auf. Göttingen, 1978.
110. *Kloft H.* Prorogation und außerordentliche Imperien 326-81 v.Chr. (Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik). Hain, 1977.
111. *Kunkel W.* Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974.
112. *Kunkel W.* Römische Rechtsgeschichte. Köln, 1956.
113. *Lange L.* Römische Alterthümer. B. 1. Berlin, 1876.
114. *Leifer F.* Studien zum antiken Ämterwesen (zur Vorgeschichte des Römischen Führeramts) // *Klio-Beihefte*. Leipzig, 1931. B.XXIII. S.100-121.
115. *Liebenam W.* Dictator // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopedie der classischen Alterthumswissenschaft*. B.5. Stuttgart, 1905. S. 370-390.
116. *Lindersky J.* The Auspices and struggle of the Orders // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. P. 34-48.
117. *Lippold A.* Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulats von 264 bis 201 v.Chr. Bonn, 1963.
118. *von Lübtow U.* Die lex curiata de imperio. // *Zeitschrift der Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1952. B. LXIX. S. 154-171.
119. *von Lübtow U.* Die römische Diktatur // *Der Staatsnotstand*. Berlin, 1965. S. 91-137.

120. *Madvig J.N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. B.1. Leipzig, 1881.
121. *Magdelain A.* Praetor Maximus et Comitatus Maximus // Rivista internazionale di diritto romano e antico. Napoli, 1969. B. XX. P. 257-286.
122. *Marquardt J.* Handbuch der römischen Alterthümer. B.3. Leipzig, 1878.
123. *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. B.1. 2.Auf. Leipzig, 1881; 3.Auf. Darmstadt, 1957.
124. *Meyer Er.* Das politische Denken in Rom // Museum Helveticum. Basel, 1988. Vol. 45. S. 219-247.
125. *Meyer Er.* Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich und Stuttgart, 1961.
126. *Millar F.* The Political Character of the classical Roman Republic, 200-151 B.C. // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. XLXXIV P. 1-19.
127. *Momigliano A.* Camillo e la concordia // *Momigliano A.* Storia e storiografia antica. Bologna: Il Milano, 1987. P. 257-274.
128. *Momigliano A.* Osservazioni sulla distinzione fra patrizie e plebei // *Entretiens sur l'antiquité classique.* 1967. Vol.13. P. 197-222.
129. *Mommsen Th.* Abriss der römischen Staatsrecht. Leipzig, 1893.
130. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. B. 1. Leipzig, 1871; B. 2. Leipzig, 1874.
131. *Nicolet C.* Der Bürger und der Politiker // Der Mensch der römischen Antike. Frankfurt - New-York - Paris, 1991. S. 27-66.
132. *Niebuhr B.* Römische Geschichte. B. 1. Berlin, 1833.
133. *Niese B.* Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde. München, 1906.
134. *Nissen A.* Beiträge zum römischen Staatsrecht. Strassburg, 1885.
135. *Pardon.* Die Römische Dictatur. Berlin, 1885.
136. *Raaflaub K.A.* The Conflict of the Orders in Archaic Rome. A Comprehensive and Comprative Approch // Social Struggles in Archaic Rome (Edited by Kurt Raaflaub). Berkely Los Angeles, 1986. P. 1-52.
137. *Rilinger R.* Der Einfluß des Wahlleiters bei dem römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr. München, 1976. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte. B. 24.)
138. *Rilinger R.* Die Ausbildung von Amtswechsel und Amtsfristen als Problem zwischen Machtbesitz und Machtgebrauch in der Mittleren Republik (342 bis 217 v. Chr.) // Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München, 1978. B. 8. S. 277-312.
139. *Rosenberg A.* Der Staat der alten Italiker. Untersuchungen über die ursprüngliche Verfassung der Latiner, Osker und Etrusker. Berlin, 1913.
140. *Rosenberg A.* Zur Geschichte des Latinerbundes // Hermes. 1919. B. 54. S. 113-173.
141. *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839.

142. *Rudolph H.* Stadt und Staat im römischen Italien (Untersuchungen über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen Zeit). 2. Verlag. Göttingen, 1965.
143. *Schiller H.* Die römische Staats-Kriegs und Privatalterthümer. B. IV. 1887.
144. *Schiller H.* Weltgeschichte. B.1. Geschichte des Alterthums. Berlin und Stuttgart, 1900.
145. *Schneider H.* Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Kriese und Niedergang einer antiken Republik. Darmstadt, 1977.
146. *Schwegler D.U.* Römische Geschichte. B. 3. Tübingen, 1858.
147. *Scullard H.H.* A history of the Roman Word from 753 to 146 B.C. London – New-York. 1964.
148. *Scullard H.H.* Roman politics. 220-150 B.C. Oxford, 1951.
149. *Siber H.* Römisches Recht in Grundzügen für die Vorlesung. B. 1-2. Darmstadt, 1968.
150. *Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lehr, 1952.
151. *Soltau W.* Der Ursprung der Diktatur. // Hermes. 1914. B.49. S. 352-368.
152. *Soltau W.* Die Anfänge der Römischen Geschichtsschreibung. Leipzig, 1909.
153. *Stark R.* Ursprung und Wesen der altrömischen Diktatur // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. 1940. Heft 2. S. 206-214.
154. *Tammiller U.* Der Römische Senat in der Zeit des Zweiten Punischen Krieges (218-201). Bonn, 1971.
155. *Täubler E.* Ausgewählte Schriften zur alten Geschichte. Stuttgart, 1987.
156. The Cambridge ancient history. Vol.VII. Cambridge, 1928.
157. *Vogel K.H.* Imperium und Fasces // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R.A. Weimar, 1950. B. 67. S. 62-111.
158. *Vogt J.* Römische Geschichte. 4. Auf. Basel - Freiburg - Wien, 1959.
159. *Walker Cl.* The constitutional position of the Roman Dictatorship // Studies in Philology The University of North Carolina. 1917. Vol. XIV 4. P 298-305.
160. *Walter F.* Geschichte des römischen Rechts bis auf Justinian. 3.Auf. Bonn, 1960.
161. *Werner R.* Der Beginn der römischen Republik. München – Wien, 1963.
162. *Werner R.* Die Auseinandersetzung der frühromischen Republik mit ihren Nachbarn in quellenkritischer Sicht // Gymnasium. Heidelberg, 1969. B. 75. S. 505-519.
163. *Wesenberg G.* Praetor Maximus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1947. B. LXV. S. 319-326.
164. *Wieacker F.* Privatrechtsgesetzgebung und politische Grundordnung im Römischen Freistaat // Die Antike. B. 16. 1940. S. 176-205.
165. *Wieacker F.* Römische Rechtsgeschichte. München, 1988.
166. *Wilcken U.* Zur Entwicklung der römischen Diktatur. Berlin. 1940.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1 ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ ДИКТАТОРА	21
1.1 Концепции происхождения римской диктатуры	23
1.2 Генетические связи диктатуры с царской властью	34
2 ЦЕЛИ НАЗНАЧЕНИЯ ДИКТАТОРОВ. ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ МАГИСТРАТУРЫ	39
2.1 Терминологические вопросы обозначения должности диктатора	39
2.2 Цели назначения диктаторов <i>optima lege</i>	44
2.3 Возникновение форм диктатуры <i>imminuto iure</i>	49
3 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ ДИКТАТОРА	59
3.1 Юридические нормы приведения диктатора к должности	59
3.2 Сложение диктаторских полномочий	72
4 ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИКТАТОРА	78
4.1 Взаимоотношения диктатора и начальника конницы	78
4.2 Диктатор в системе органов государственной власти	87

5 ДИКТАТУРА И СОСЛОВНАЯ БОРЬБА	103
5.1 Использование диктатуры как инструмента сослов- ной борьбы	103
5.2 Политика диктаторов в обстановке обострения меж- сословных противоречий	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
Литература	120

Дементьева Вера Викторовна

**Магистратура диктатора
в ранней Римской республике
(V III вв. до н.э.)**

**Редактор, корректор А.А. Антонова
Компьютерный набор, верстка С.Д. Глызин**

Лицензия ЛР N 020319 от 28.11.91.

**Подписано в печать 19.04.95. Формат 60х84/16. Бумага Data Copy.
Печать офсетная. Усл. печ. 6,25 л. Усл. кр.-от. 7,0. Уч.-изд. 7,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 3.**

**Оригинал-макет подготовлен редакционно-издательским отделом
Ярославского государственного университета**

**Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.**

**Отпечатано на ризографе.
ООТ "Рио-Гранд"
Ярославль, ул. Чкалова, 2.**

